

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

**КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ТЕКСТ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, СЛОВО**

Сборник научных статей
преподавателей и аспирантов МГЛУ

Выпуск 6

Минск МГЛУ
2018

УДК 81'42
ББК 81.055
К65

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 1/48 от 04.01.2018 г.

Редакционная коллегия: Т. П. Карпилович (*ответственный редактор*), Н. В. Зиневич, Т. Н. Гребень, Т. А. Сысоева

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *Н. Ю. Павловская* (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент *Н. П. Могиленских* (БГЭУ)

Контрастивные исследования: текст, предложение, слово :
К65 сб. науч. ст. / редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2018. – Вып. 6. – 104 с.
ISBN 978-985-460-875-4.

Сборник содержит статьи преподавателей и аспирантов Минского государственного лингвистического университета.

Рассматриваются актуальные проблемы лингвистики текста и дискурса, синтаксиса предложения и лексической семантики в контрастивно-типологическом аспекте на материале разносистемных языков.

Адресуется научным работникам и аспирантам.

УДК 81'42
ББК 81.055

ISBN 978-985-460-875-4

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТ В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

<i>Егоров Н. В.</i> Средства реализации стратегии информирования в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках	5
<i>Карпилович Т. П.</i> Соотношение категорий субъектности и интертекстуальности в научном дискурсе на английском и белорусском языках	11
<i>Сысоева Т. А.</i> Жанрообразующие категории газетной дискуссии	22
<i>Иванов А. Э.</i> Коммуникативная ситуация как фактор формирования кооперативных стратегий в кинодискурсе на русском и английском языках	31

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

<i>Гергиев О. А.</i> Эмотивно-экспрессивные синтаксические конструкции в публичной речи на английском и белорусском языках	39
<i>Гребень Т. Н.</i> Манипулятивный потенциал средств разговорного синтаксиса в медиадискурсе на белорусском и английском языках.....	44
<i>Зиневич Н. В.</i> Семантико-прагматическая специфика научных обобщений как фактор их разграничения	51
<i>Салавей А. А.</i> Эксплікатары верагоднасці, заснаванай на веданні: функцыянальна-семантычны аспект (на матэрыяле беларускіх і англійскіх часопісных рэцэнзій)	63

СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

<i>Графутко О. О.</i> Лексические средства выражения негативных эмоций в художественном дискурсе	72
<i>Кучинская В. В.</i> Средства снижения категоричности оценки в англоязычном дискурсе парламентских дебатов.....	77
<i>Могилевцев С. А.</i> Лексические средства выражения оценки в англоязычном печатном медиадискурсе и их перевод на русский язык (на материале портретного очерка).....	82
<i>Тригубович А. О.</i> Реалии в аспекте переводческой эквивалентности.....	94

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

<i>Павлоцкая И. В.</i> Принципы разноуровневого обучения студентов I курса переводческого факультета	100
--	-----

CONTENTS

TEXT IN THE CONTRASTIVE PERSPECTIVE

<i>Yahorau M. V.</i> Means of Realizing the Informing Strategy in Popular Science Discourse in English and Belarusian.....	5
<i>Karpilovitch T. P.</i> Correlation of the Categories of Subjectivity and Intertextuality in the Scientific Discourse in English and Belarusian	11
<i>Sysoyeva T. A.</i> Genre Forming Categories of Newspaper Discussion	22
<i>Ivanov A. E.</i> Communicative Situation as a Factor of Forming Cooperative Strategies of Cinematographic Discourse in Russian and English	31

GRAMMAR UNITS AND CATEGORIES IN THE CONTRASTIVE ASPECT

<i>Gergiev O. A.</i> Emotive-Expressive Syntactical Constructions in British and Belarusian Public Speeches.....	39
<i>Hreben T. N.</i> Manipulative Potential of Colloquial Syntactic Means in Media Discourse in Belarusian and English	44
<i>Zinevich N. V.</i> Semantico-Pragmatic Character of Scientific Generalizations as a Means of their Differentiation	51
<i>Solovey A. A.</i> Explicators of Credibility Based on Knowledge: Functional-Semantic Aspect (in Belarusian and English newspaper reviews)	63

A WORD IN DIFFERENT LANGUAGES AND CULTURES

<i>Grafutko O. O.</i> Lexical Means of Expressing Negative Emotions in English and Belarusian Fictional Discourse	72
<i>Kuchynskaya V. V.</i> Evaluation Softening in the English Discourse of Parliamentary Debate	77
<i>Mogilevtsev S. A.</i> Lexical Means of Expressing Evaluation in the English-Language Print Media and their Translation into Russian (on the material of a portrait essay)	82
<i>Trigubovich A. O.</i> Culture-Specific Elements in the Context of Translation Equivalence.....	94

METHODS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES

<i>Pavlotskaya I. V.</i> Principles of Multilevel Education for the First Course Students of School of Translation and Interpreting	100
--	-----

ТЕКСТ В КОНТРАСТИВНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Н. В. Егоров

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ИНФОРМИРОВАНИЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье подробно описываются точки зрения на статус научно-популярного типа речи в системе функциональных стилей. Основное внимание уделено способам реализации коммуникативной стратегии информирования в научно-популярном дискурсе на материале газетно-журнальной прессы на английском и белорусском языках. Выделяются коммуникативные тактики, использование которых повышает осведомленность рядового читателя о развитии современной научной мысли. Рассматриваются средства вербализации коммуникативных тактик, к которым относятся различного рода лексические и стилистические средства. Выявлен ряд сходств, выразившихся в применении одинаковых коммуникативных тактик в дискурсе на английском и белорусском языках.

В современной лингвистике вопрос о месте научно-популярного типа речи в системе функциональных стилей по-прежнему вызывает споры. Одни лингвисты (Р. А. Будагов, И. Р. Гальперин, М. Н. Кожина, М. П. Сенкевич, Т. А. Тимофеева, Н. М. Разинкина, Л. А. Баташева и др.) рассматривают сферу научной популяризации как подстиль научного функционального стиля. К примеру, М. Н. Кожина выделяет три основных подстиля научного стиля: собственно научный, научно-учебный и научно-популярный [1, с. 128]. Научный стиль и научно-популярный подстиль, находясь в близких родовых отношениях, имеют в своей основе как общее (единая целевая установка, общая коммуникативная задача – передача научного знания), так и различающее их (частные коммуникативные задачи, различные сферы функционирования) [2, с. 237].

Другая позиция по этому вопросу принадлежит М. К. Милых, Н. Н. Маевскому, Н. Я. Сердобинцеву, Г. А. Васюченко, которые рассматривают научно-популярный тип речи как самостоятельный функциональный стиль. При этом первоочередное внимание уделяется таким экстралингвистическим факторам, как задачи и цель общения, характер взаимоотношения между автором и читателем, а также содержание сообщения. Главным аргументом для выделения научно-популярного стиля в качестве самостоятельного Н. Н. Маевский называет то, что «научно-популярный стиль в противоположность научному стилю реализует не одну языковую функцию сообщения (комму-

никативно-информативную), а две языковые функции: функцию сообщения и функцию воздействия, что определяется особой сферой общения, деятельности, в которой этот стиль используется, – сферой научной популяризации, а в связи с этим и особой по сравнению с научным стилем экстралингвистической основой» [3, с. 11].

По мнению Э. А. Лазаревича, научно-популярный тип речи – это вполне самостоятельный функциональный стиль, типологические признаки которого не совпадают с признаками научной литературы. «Близость некоторых черт научно-популярной литературы и литературы других типов не дает основания говорить о типологической неопределенности первой. Ее подобие другим всегда четко выражено и ограничено. Так, частично совпадая по тематике с научной литературой, научно-популярная отличается от нее целевой установкой и читательской аудиторией. Имея некоторую читательскую общность с художественной литературой, научно-популярная не совпадает с ней по тематике и целевой установке» [4, с. 297].

Если рассматривать научно-популярный стиль все же как разновидность научного стиля, следует отметить, что он сохраняет основные специфические особенности, характерные для научного стиля: в научно-популярной литературе репрезентируются знания, полученные в различных теоретических и практических сферах научной деятельности; план содержания научно-популярных текстов в основном, тот же, что и в собственно научной литературе. Основные stileобразующие экстралингвистические факторы, которые определяют закономерности функционирования в речи языковых средств научно-популярного подстиля, те же, что и в собственно научном стиле (за исключением адресата, который в случае научно-популярного текста не является специалистом в данной области знания). Отличие научно-популярного подстиля от собственно научного стиля – в указанных «дополнительных», частных задачах коммуникации: для научно-популярной литературы это задача донесения до неспециалиста достоверных научных знаний в доступной форме [5, с. 38–39].

Научно-популярный текст имеет стилистически интегрированную природу. С одной стороны, относясь к научному стилю, он излагает научную информацию, а именно: содержание научно-популярного текста то же, что и собственно научного. Следовательно, некоторые элементы собственно научной речи присутствуют и в научно-популярном произведении. Это, прежде всего, общенаучная лексика и термины (правда, последние функционируют здесь несколько иначе, чем в научной речи) [6, с. 42–45]. Рассказывая о научном исследовании, современный автор научно-популярного текста чаще всего показывает его результат, при этом преднамеренно опускается основная часть логических доказательств и аргументации, поскольку он старается сделать текст и доступным, и увлекательным.

Учитывая наличие вышеуказанных признаков научно-популярного текста, общих с собственно научным, и несколько видоизмененных вторичных экстралингвистических факторов («осложненность» целей и задач общения, упрощенность, облегченность содержания), представляется целесообразным вслед за М. Н. Кожинной определять стилевой аспект научно-популярного текста как подстиль единого научного стиля, что отражается на всех уровнях его структуры [2, с. 237].

В коммуникативном плане научно-популярный текст представляет собой фрагмент коммуникативного акта (научно-популярного дискурса), материальное воплощение сопряженных коммуникативных деятельностей представителей научного сообщества как генератора научного знания, представителей журналистского цеха как медиаторов, звена передачи этого знания, и языкового сообщества в целом как получателя этого переработанного научного знания [5, с. 40].

В настоящей статье научно-популярные тексты рассматриваются в рамках дискурсивной системы координат. Несмотря на схожесть дискурса и функционального стиля, эти понятия не являются тождественными. Дискурс не просто «тип текстов», не просто «подъязык», «это особые языковые формации, коррелирующие с какой-либо областью человеческой практики, познания и коммуникации в единстве с самим миром данной человеческой общности» [7, с. 27]. Благодаря тому, что с развитием «прагматики “дискурсом” также стали называть воздействие высказывания на его получателя» [8, с. 26], актуальность исследования именно дискурса (в нашем случае научно-популярного) многократно возрастает.

Под научно-популярным дискурсом как одним из наиболее востребованных подтипов дискурса понимается совокупность текстов, свойственных одной сфере общения, с учетом экстралингвистических факторов, адресантно-адресатного взаимодействия, коммуникативных установок. Принимая во внимание дискуссии о месте научно-популярного дискурса, данный подтип можно определить как гибридное образование, которое сочетает в себе элементы научного, педагогического, медицинского, публицистического, политического и других типов дискурса, в зависимости от коммуникативной ситуации, задач, которые ставит перед собой автор, познавательных интересов адресата, исторической и социальной обусловленности [9, с. 107].

Как указано выше, научно-популярный дискурс как подтип научного имеет с последним общую цель – сообщить о новых научных знаниях и доказать их теоретическую и практическую пользу. Вместе с тем он обладает такими отличительными чертами, как стремление популяризовать последние научные достижения, ориентация на массового адресата, принцип доступности и нагляд-

ности изложения. Данные интенции выводят на первый план коммуникативную стратегию информирования, реализация которой в равной степени актуальна для научно-популярных текстов из англо- и белорусскоязычной прессы.

Главными интенциями автора научно-популярного дискурса является сообщение о новых достижениях в той или иной области науки и доказательство их практического значения в доступной для массовой аудитории форме. Данные коммуникативные цели определяют как семантическую структуру исследуемого жанра, так и авторские коммуникативные стратегии. Как показал анализ научно-популярных статей из англо- и белорусскоязычной прессы, их интенциональность реализуется в дискурсе с помощью магистральных стратегий, а именно стратегий информирования и убеждения. Здесь же следует упомянуть о том, что обе стратегии подчинены так называемой гиперстратегии автора научно-популярного текста, т.е. популяризации научного знания.

Безусловно, в конкретном дискурсивном пространстве две названные стратегии тесно взаимодействуют и переплетаются, так как раскрытие сущности описываемого научного знания одновременно способствует и убеждению получателя информации в его значимости, а сам процесс его убеждения в важности описываемого научного события невозможно осуществить без конкретной информации о нем. Проведенный анализ научно-популярных статей позволил выявить коммуникативные тактики и языковые средства, участвующие в вербализации стратегии информирования [10, с. 78].

Стратегия информирования реализуется, прежде всего, с помощью тактики размещения наиболее важной информации о научном знании в сильных позициях текста – заголовке (подзаголовке) и лиде:

Заголовок: *Jet Fuel Made From Sugar Cane? It's Not a Flight of Fancy*. Подзаголовок: *Creating dual-purpose sugar cane*. Лид: *Airlines are under pressure to reduce their carbon emissions, and are highly vulnerable to global oil price fluctuations. These challenges have spurred strong interest in biomass-derived jet fuels* (Popular Mechanics, 25.11.2017);

Заголовок: *Юпітэр – самая старая планета Сонечнай сістэмы*. Лид: *Навукоўцы высветлілі на ізатопным складзе метэарытаў, што самая старая планета Сонечнай сістэмы – Юпітэр. Гэты гігант з'явіўся ў першы мільён гадоў пасля таго, як запалілася Сонца, а ўсе астатнія планеты – нашмат пазней* (Звязда, 04.07.2017).

Важной тактикой реализации стратегии информирования в научно-популярном дискурсе является описание сущности новых научных результатов:

The U.S. space agency fetched the dirt from a volcano in Hawaii and the Mojave desert, then sterilized it to copy the lifeless Martian environment. <...> research team then put the simulation soil through a Martian colony scenario. They were enthusiastic when they added adult worms that not only survived, but reproduced (Popular Science, 29.11.2017);

Навукоўцы з універсітэта Манчэстэра стварылі першага ў свеце «малекулярнага робата», здольнага выконваць задачы на малекулярным узроўні, у тым ліку і будаўніцтва іншых малекул (Звязда, 10.10.2017).

Тактики повтора информации о сути описываемого исследования, привлечения к ней внимания и разъяснения также способствуют реализации стратегии информирования. К примеру, на протяжении статьи о правильном питании «*What is the Healthiest Way to Eat Sweet Foods*» заключение врачей-диетологов о необходимости потребления протеинов встречается шесть раз в авторской речи, а также в прямой и косвенной речи ученых (Popular Science, 22.11.2017).

Тактика разъяснения реализуется путем использования различных лексических средств. В своих исследованиях Л. А. Крюкова описывает пояснительные конструкции, вербализующие указанную тактику и, как результат, повышающие информированность читателя. Такого рода синтаксические структуры выражают отношения тождества между поясняемым и поясняющим компонентами в предложении, т.е. наблюдается совпадение денотативного содержания этих двух компонентов [11, с. 31]:

Automatic language translation has come a long way, thanks to neural networks – computer algorithms that take inspiration from the human brain (Science, 29.11.2017);

Ужо цяпер новыя тэст-сістэмы могуць выяўляць архатаксін А – вельмі таксічнае рэчыва, якое выпрацоўваецца плесневымі грыбамі падчас паражэння цвіллю мноства прадуктаў харчавання (Звязда, 31.08.2017).

При создании научно-популярного текста, автору следует принимать во внимание возможный уровень фоновых знаний рядового читателя. С одной стороны, автор должен вводить термины для описания научного знания, а с другой – обеспечить доступность изложения. Для этих целей определение термина может быть представлено обособленным приложением, в котором дается его толкование на основе общеупотребительной лексики:

Now, scientists have manipulated spirulina, a microscopic plant and food supplement, to travel through people in response to magnetic signals (Science, 22.11.2017);

Гэта рэальныя фізічныя аб'екты, якія былі накрытыя Vantablack – самым цёмным матэрыялам з вядомых навуцы (Звязда, 29.07.2017).

Различного рода перефразировки и уточнения, вводимые с помощью таких слов и словосочетаний, как *in other words, for example, for instance; іншымі словамі, напрыклад*, также способствуют адекватному пониманию научного знания рядовым читателем:

High doses of protons can be delivered safely to hard-to-treat tumours: for instance, those at the base of the skull or in the liver (Nature, 25.09.2017);

<...> іншія распрацоўкі ў сферы нанатэхналогій – гэта, напрыклад, фільтры для ачысткі вады – іматузроўневыя мембраны, на поры якіх наносяць тонкія слаі рэчываў, што надаюць ім новыя ўласцівасці (Звязда, 19.08.2017).

Стилистические средства облегчают восприятие информации адресатом при разъяснении новых методов исследования и полученных результатов. Среди лексико-стилистических средств в обоих языках преобладают метафоры, позволяющие лучше понять новые идеи на основе обыденного знания:

*And like the brain, the program is hard to understand from the outside: it's a **black box*** (Science, 06.07.2017);

Назіраючы, як Сатурн выціскае гейзеры з Энцэлада, навукоўцы змаглі ацаніць адносную сілу буксіра *газавага гіганта* (Звязда, 30.11.2017).

Следует отметить, что в проанализированных англоязычных текстах научно-популярного дискурса чаще, чем в русскоязычных, встречаются идиоматические выражения, призванные облегчить процесс усвоения читателем новой информации:

A fresh slew of blood testing is gaining steam as our understanding of how diseases work grows (Nature, 28.09.2017).

Проведенный анализ научно-популярного дискурса на материале англо- и белорусскоязычной газетно-журнальной прессы в рамках реализации стратегии информирования выявил ряд сходств, выразившихся в применении таких коммуникативных тактик, как размещение важной информации в заголовке (подзаголовке) и лиде, описание и неоднократное повторение информации о сути исследования, а также разъяснение. Благодаря широкому использованию лексических и стилистических средств, а именно, пояснительных конструкций, обособленных приложений для толкования терминов, перефразировок, уточнений и метафор авторы вербализуют тактику разъяснения как один из путей популяризации научного знания. Также следует отметить, что англоязычный дискурс отличается использованием идиоматических выражений, призванных оптимизировать процесс усвоения новых знаний рядовым читателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – 4-е изд., стер. – М. : Флинта ; Наука, 2008. – 464 с.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 694 с.
3. Маевский, Н. Н. Особенности научно-популярного стиля : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. Н. Маевский. – Ростов н/Д., 1979. – 25 с.

4. Лазаревич, Э. А. С веком наравне. Популяризация науки в России / Э. А. Лазаревич. – М. : Книга, 1984. – 384 с.
5. Хомутова, Т. Н. Научно-популярный текст: интегральная модель / Т. Н. Хомутова, С. Г. Петров // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2013. – Т. 10, № 2. – С. 37–41.
6. Баташева, Л. А. Вариант толкования терминов в разных типах научной речи / Л. А. Баташева // Вопросы стилистики. – Саратов, 1986. – С. 42–49.
7. Кожина, М. Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций / М. Н. Кожина // Текст – Дискурс – Стилль : сб. науч. ст. – СПб., 2004. – С. 9–33.
8. Серию, П. Как читают тексты во Франции / П. Серию ; пер. И. Н. Кузнецовой // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серию. – М., 1999. – С. 12–53.
9. Безсонова, А. С. Понятие «научно-популярный дискурс» в лингвистической литературе / А. С. Безсонова // Лінгвістичний вісн. : зб. наук. пр. / Донбас. держ. пед. ун-т, Горлів. ін-т інозем. мов. – Бахмут, 2016. – Вип. 5. – С. 102–110.
10. Карпилович, Т. П. Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
11. Крюкова, Л. А. Пояснительные конструкции как средство достижения доступности в научно-учебном тексте / Л. А. Крюкова // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – Минск, 2008. – № 5 (36). – С. 28–35.

The article considers different views on the status of popular science discourse and highlights its pivotal role in popularizing new scientific knowledge. The author focuses the reader's attention on the communicative strategy of informing and the ways of its implementation in American and Belarusian popular science discourse.

Т. П. Карпилович

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ СУБЪЕКТНОСТИ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются способы пересечения дискурса автора и других субъектов научной коммуникации в рамках дискурсивного жанра научной статьи на английском и белорусском языках. При этом в фокусе внимания находятся перспективные композиционные блоки научной статьи – введение и теоретическая часть, содержащие наибольшее количество интертекстуальных включений. Раскрывается характер соотношения категорий субъектности и интертекстуальности в таких суперструктурных компонентах научного дискурса, как *проблема, актуальность проблемы, теоретическая база исследования* и др. Устанавливаются

сходства и различия в наборе языковых средств и способов репрезентации субъекта-автора и мнений других ученых в научном дискурсе на английском и белорусском языках. Показывается, что взаимодействие категорий субъектности и интертекстуальности является своеобразной моделью виртуального диалога ученых, разделенных пространственно-временными рамками.

В настоящей статье категория субъектности понимается в широком смысле – как коммуникативная категория, предполагающая все возможные формы участия говорящего в высказывании. Такой подход базируется на разграничении говорящего и производителя акта высказывания: «первый – это индивид, который, в частности, характеризуется тем, что он нечто говорит; второй – не существует до акта производства высказывания: он возникает в этом акте» [1, с. 48–49]. Для целей настоящего исследования важным является то, что «в одном говорящем может быть несколько производителей акта высказывания» [Там же, с. 49], то есть говорящий может включать в свое высказывание и чужое. Данная трактовка категории субъектности позволяет говорить о ее тесной связи с категорией интертекстуальности.

Введенный Ю. Кристевой [2] термин *интертекстуальность* пересекается со смежными понятиями диалогичности, полифонии, полилогичности и др. [3, с. 76]. В прагматическом плане это понятие «выступает как специфическая стратегия соотнесенности с другими текстами, как тот способ, которым один текст актуализирует в своем пространстве другой, выражая авторский замысел» [Там же, с. 77]. Данное определение интертекстуальности тесно связано с понятием полифонии, предложенным М. М. Бахтиным, под которым ученый понимал различные способы проникновения чужой речи в высказывания говорящего [4].

В настоящем исследовании под интертекстуальностью мы понимаем категорию дискурса, выраженную с помощью тех или иных языковых сигналов [5, S. 111]. Данная категория создает «межтекстовую открытость» и тем самым «обеспечивает диалог смысловых позиций и мнений, являющийся по своей сути моделью виртуального общения авторов, разделенных пространственно-временной реальностью, для создания новых смыслов в процессах текстотворчества» [3, с. 87]. Рассмотрим подробнее способы пересечения дискурса автора и других субъектов научной коммуникации не только в пределах одного высказывания, но и шире – в рамках целого дискурсивного жанра на материале научных статей на английском и белорусском языках.

Научная статья обязательно содержит такой семантический компонент, как *анализ предшествующих исследований*, который часто содержится во введении научной статьи или в ее отдельной композиционной части, посвященной обсуждению теоретических предпосылок описываемого в статье исследования.

Структурно-содержательный анализ вводного раздела научной статьи впервые был проведен в работе Дж. Свейлза [6]. Исследователь установил, что введения обычно состоят из следующих структурных частей: 1) определение области исследования; 2) резюме предыдущих исследований; 3) обоснование собственного исследования; 4) введение данного исследования. Каждая из частей в свою очередь делится на ряд субкатегорий. Например, в первой части выделяются субкатегории: а) указание на важность данной области; б) констатация современного состояния знаний в рассматриваемой области; в) описание основных характеристик области исследования.

В дальнейшем анализ содержательной структуры введений и заключений научных статей на основе методики Дж. Свейлза был предпринят немецкими лингвистами [7]. Однако авторы столкнулись с рядом трудностей: было выявлено, что некоторые из субкатегорий могут присутствовать как в пределах одной структурной части (сегмента), так и в одном предложении; попытка выявить функционально ориентированные субкатегории сегментов введений и заключений также оказалась неудачной. Поэтому в рассматриваемом исследовании была определена обобщенная схема сегментирования вводной и заключительной частей научной статьи, без выделения субкатегорий в составе сегментов.

В нашем исследовании установление семантической структуры введения и теоретической части научной статьи проводится с целью выявления языковых средств репрезентации категорий субъектности и интертекстуальности и определения соотношения этих категорий в различных семантических компонентах. Проведенный анализ вводных частей научных статей на английском и белорусском языках показал, что в их структуре могут присутствовать следующие компоненты: 1) *анализ предшествующих исследований*, 2) *гипертема*, 3) *результаты*, 4) *подтемы*. В массиве белорусскоязычных статей все введения содержат компонент *анализ предшествующих исследований* и только 13 % статей включают компонент *гипертема* и 20 % – *результаты*. Наиболее распространенная схема вводной части на английском языке включает все перечисленные компоненты, а на белорусском языке это схема «анализ предшествующих исследований – результаты».

Широкая представленность компонента *анализ предшествующих исследований*, выражающего различные связи с предыдущими исследованиями, свидетельствует о несомненной его важности в смысловой структуре научных статей. Присутствие данного компонента в семантическом пространстве научного дискурса необходимо для определения теоретической концепции научного исследования, подчеркивания актуальности, новизны предпринимаемого исследования в ряду родственных, преемственности исследования:

Earlier analysis indicated that Least Terns select nest-site habitats with coarser substrates and less vegetation (density and height) than the available nesting habitat within a river reach (Sherfy et al. 2012) (анализ предшествующих исследований). Here, we further explore selection of nest-site habitat within the context of a 3-m surrounding area and evaluate influences of microhabitat selection on nest survival (гипертема статьи) (АК).

Компонент *анализ предшествующих исследований* содержит наибольшее количество эксплицитных средств выражения категории интертекстуальности. В связи с этим встает задача его дальнейшего смыслового членения. На основе методов логического анализа и метода языковых маркеров [8] в данном смысловом компоненте был выявлен ряд субкомпонентов (таблица). Анализ средств языковой репрезентации категорий субъектности и интертекстуальности выявил различное соотношение этих средств в субкомпонентах смыслового компонента *анализ предшествующих исследований*. Так, в субкомпонентах *проблема, актуальность проблемы*, как правило, даются авторские обобщения, сделанные на основе анализа существующей научной литературы или в результате собственных научных изысканий. При этом часто даются ссылки на работы других авторов. Например:

*In recent years, **challenging problems** such as human-computer interaction, automated visual surveillance, and the realistic animation of human motion have led to **an increased interest** in providing machines with the ability to learn and use models of human behavior [15, 3, 13, 8]. **Of particular interest** is the model and recognition of human activities involving highly structured and semantically rich behavior such as dance, aerobics, and sign language [6, 20, 21] (CV. 2001, № 81).*

Членение компонента *анализ предшествующих исследований*
в научных статьях¹

Субкомпонент	Пример	
	на английском языке	на белорусском языке
1. Проблема	The properties of these partially activated non-target words are of theoretical interest ¹ because they reflect the processing principles and representational structure of the word production system (JM. 2010, № 62)	Фактычна ўсе збіральнікі стаялі перад праблемай моўнай разнастайнасці, на фоне якой праступалі ўніверсальныя характарыстыкі (БД. 2005, № 3)

¹ В таблице полужирным шрифтом выделены языковые маркеры субкомпонентов.

2. Актуальность проблемы	There are textual problems (e.g. terminology, culture-specific intertextuality or referencing, etc.), but ontological, contextual and pragmatic factors also require attention as the internationalisation of museum audiences and the global dissemination of cultural and educational products gather pace (TR, p. 75)	Між тым многія пытанні, звязаныя з даследаваннем сімвалаў дрэў як спецыфічным культурным (этнаграфічным, філалагічным, мастацтвазнаўчым, рэлігійным) феноменам, засталіся недастаткова вывучанымі (БР. 2007, № 1)
3. Современное состояние знаний в решении данной проблемы (направления исследований)	Knowledge of migration routes and timing of movement between breeding and nonbreeding regions is essential for a full understanding of the ecology, evolution, and conservation of migratory species <...> yet relatively little is known about patterns of migratory connectivity within most species of birds (AK)	У сучасны момант фізіка рашае шэраг фундаментальных і прыкладных задач і мае шмат кірункаў свайго развіцця . Адзін з іх – знаходжанне магчымасцей, форм і метадаў выкарыстання законаў фізікі і ўласцівасцей матэрыяльных цел для патрэб чалавека (ВБ. 2017, № 2)
4. Теоретическая база исследования		
4.1. Существование разных подходов к решению данной проблемы	Most studies investigating neighborhood characteristics adopt the strategy of assuming that certain characteristics are shared between targets and neighbors and then test for the processing consequences of the proposed characteristics (JM. 2010, № 62)	Разам з гэтым у сучаснай філалогіі не існуе паразумення наконт рода-відавых адносін афарызма і грыгерыі... а таксама самога вызначэння (і ўвогуле мэтазгоднасці выкарыстання паняцця «грыгерыя» як генеалагічнай і семантычнай разнавіднасці афарызма (БР. 2007, № 1)
4.2. Достоинства существующих методов/ранее проведенных исследований	Ultimately, “rather than agonise about the exact definition of ‘narrative’” or any other concept, the narrative approach invites us to focus instead on the way people construct narratives “in order to negotiate their way in the world” (Baker, in Baker and Chesterman 2008: 22) (TR, p. 160)	Найбольшы ўнёсак у развіццё тэорыі і методыкі мадэлявання тэрытарыяльных структур гаспадаркі быў зроблены савецкімі і расійскімі даследчыкамі І. М. Маергойзам, А. Р. Гранбергам, А. Ц. Хрушчовым... (ВБ. 2017, № 1)

4.3. Недостатки существующих методов/ранее проведенных исследований	Under emergentist models, there is not a clear distinction between compositional multi-word phrases and smaller, more atomic linguistic patterns like words (JM, 2010, № 62)	У рамках структурнай парадигмы, якая панавала ў навуцы XX ст., фразеалагізмы, па большай частцы, вывучаліся безадносна да феноменаў пазамоўнага плана (БД. 2006, № 1)
4.4. Достоинства избранного подхода к решению поставленной проблемы (обоснование подхода)	In this paper, we present a method for deriving a list of formulaic expressions that uses an innovative combination of quantitative and qualitative criteria, corpus statistics and linguistic analyses, psycholinguistic processing metrics, and instructor insights (AL. 2010, № 4)	Пры сістэмна-структурным падыходзе аналіз дынамікі тэрытарыяльнай гаспадаркі дазваляе выявіць прычынна-выніковыя адносіны паміж яе элементамі, ахарактарызаваць сучасны стан сістэмы і акрэсліць перспектывы яе развіцця... (ВБ. 2017, № 1)

В вышеприведенном примере субъектность (репрезентация автора научной статьи) выражена косвенными средствами, а именно оценочными прилагательными *challenging* и *particular*, с помощью которых автор оценивает проблемы взаимодействия человека и компьютера, моделирования поведения человека. Аналогичными средствами эксплицируется категория субъектности и в субкомпонентах *проблема*, *актуальность проблемы* научных статей на белорусском языке:

*Праблема вызначэння асноўных крытэрыяў фразеалагічнай эквівалентнасці і яе тыпаў з'яўляецца адной з **найбольш важных** праблем сучаснай супастаўляльнай фразеалогіі (КІ); У гэтай сувязі **паўстаюць пытанні** вызначэння і апісання грыгерыі, па-першае, як разнавіднасці жанру афарызмаў, а па другое, як спецыфічнага паводле зместу тыпу афарыстычнага выказвання (БР. 2007, № 1).*

В субкомпоненте *современное состояние знаний в решении данной проблемы (подходы к решению обозначенной проблемы)* в научных статьях на английском и на белорусском языках категория субъектности непосредственно взаимодействует с категорией интертекстуальности, поскольку здесь приводятся точки зрения других исследователей. При этом используются разные способы ввода мнений других ученых. Один из распространенных способов – это указания на авторов в скобках, работы которых приводятся в списке литературы: *Because predator communities are typically influenced*

by habitat structure, effects of predation can complicate attempts to understand how habitat structure and spatial scale influence selection and nest success (Rodewald and Yahner 2001, Tarvin and Garvin 2002, Pieron and Rohwer 2010) (АК).

В белорусскоязычном научном дискурсе ссылки на других ученых, представляющих то направление, в русле которого проводится авторское исследование, часто вводятся в дискурс путем простого перечисления фамилий исследователей без указания их работ в списке литературы: *Навука з цягам часу ўсё больш схіляецца да думкі аб адзінстве мадэлі ўладкавання прыроды і чалавека – адзінстве Сусвету. У сувязі з гэтым цыклічнасць у розных сферах даследавалі Л. М. Гумілёў, Ю. М. Сакалоў, М. Д. Кандрацьеў, Ш. С. Кушакоў і іншыя...* (МГ. 2008, № 3).

В научных статьях на белорусском языке наиболее распространенным способом оформления ссылок является указание номера в списке источников, в то время как в англоязычном дискурсе он намного реже используется, чем указание фамилии в скобках: *Bobik and Ivanov [4] used a context-free parsing mechanism together with HMMs [16] modeling low-level behavior primitives for the recognition of activities* (CV. 2001, № 81); *З данамогай дадзенага метаду ў [2] рашаецца аднароднае матрычнае рознаснае раўнанне першага парадку са зменнымі каэфіцыентамі...* (ВБ. 2014, № 2).

Позиции других ученых, имеющие непосредственное отношение к теме представленного в статье исследования, приводятся в семантических субкомпонентах, раскрывающих сущность ранее предложенных подходов к решению данной проблемы, их достоинства и недостатки (см. таблицу). При этом используются различные формы ввода чужой речи: косвенная, прямая, квазипрямая, гибридная [4]. Таким образом, мы подходим к рассмотрению непосредственно способов и средств выражения категории интертекстуальности и ее взаимодействия с категорией субъектности.

В вышеуказанных субкомпонентах точка зрения другого исследователя может вводиться с помощью глаголов речевой деятельности: *argue, claim, note, observe, write, propose; адзначаць, выказаць меркаванне, заўважыць, звярнуць увагу, лічыць, пісаць, прапанаваць, разглядаць, сцвярджаць, тлумачыць, указваць*; установления зависимостей, закономерностей: *find, demonstrate, show, identify; вылучыць, зафіксаваць, прыйсці да высновы*; выдвижения теорий, гипотез: *develop, put forward* и др. Чаще всего такие высказывания обобщенно представляют сущность ранее предложенного подхода или имеют форму косвенной или прямой речи (цитаты) с указанием фамилии ученого:

Bregler [5] proposed a framework for the probabilistic decomposition of human dynamics at different levels of abstraction, modeling complex gestures as successive phases of simple movements using an HMM (CV. 2001, № 81); **Reber demonstrated** that participants who were exposed to strings generated by such a grammar could discriminate between grammatical and non-grammatical test strings... (JM. 2010, № 62); **Л. Салавей звярнула ўвагу на тое, што “шэраг раслінных вобразаў, якія арганічна ўключаны ў беларускі фальклор, не выкліканы рэаліямі прыроднага асяроддзя...”** (БД. 2007, № 1).

В случае непервого упоминания того или иного ученого используются личные местоимения *he, she, they* (более частотны в англоязычном дискурсе) или существительные *linguist, scientist*; вучоны, даследчык: *In his study of environmental discourse in risk societies, Beck (1992) distinguishes expert perceptions (laboratory knowledge, scientific rationality) from lay perceptions (non-knowledge, social rationality). He writes: “The division of the world between experts and non-experts also contains an image of the public sphere...”* (DP, p. 249); **Вучоны засяродзіў увагу на аналізе архетыпа дуба...** (БР).

Точка зрения другого ученого может вводиться и с помощью сочетаний с предлогами *according to*; *наводле*, словосочетаний с существительными *opinion, view*; *думка, меркаванне, погляд* и др.: *According to Fraser (1989, 1992), the Habermasian notion of the ‘public’ is narrow and it only accommodates the male-dominating bourgeois, thus privileging the gendered nature of social structure and social action* (DP, p. 255–256); **Паводле даследаванняў А. А. Бадалёва, здзіўленне асацыіруецца з жоўтым, радасць – з чырвоным, стомленасць – з шэрым, страх – з чорным** (ВК. 2009, № 2–3); **На думку Э. Касірэра, чалавек жыве не толькі ў фізічным, але і ў сімвалічным універсуме...** (МГ. 2004, № 4).

В вышеприведенных высказываниях автор научной статьи указывает имя ученого и его точку зрения на обсуждаемый вопрос, т.е. непосредственно интертекст. Вместе с тем зачастую в подобных высказываниях присутствует и эксплицитная оценка автором приводимого в интертексте мнения другого ученого или в целом оценка его вклада. Таким образом в одном высказывании взаимодействуют несколько субъектов научной деятельности и происходит одновременная реализация категорий субъектности и интертекстуальности. Например:

The only one to have undertaken recently a systematic elaboration of the notion of polyphony is the French linguist Oswald Ducrot, in the frame of his enunciation theory but he is more interested in the utterance than in the discourse level (DP, p. 208); **Даследчык, услед за У. Тапаровым, выказаў слушнае меркаванне, што ў культурным развіцці чалавецтва канцэпцыя сусветнага дрэва пакінула свае**

сляды ў шматлікіх касмаганічных, рэлігійных і міфалагічных уяўленнях (БР); При этом авторские оценки предыдущих исследований могут носить и критический характер: *Yet, most LPP research has traditionally adopted a 'top-down approach' in that it examines either policy language and/or the historical and sociopolitical development of policies **without looking at how such language is interpreted and appropriated*** (AL, vol. 31. № 1); З замежных даследчыкаў, якія закраналі тэма ці іншыя пытанні развіцця сельскай гаспадаркі СССР і БССР, былі Румэр [8], Ж. Дзюшэн [9], М. Лавінь і іншыя. Аднак асобнай абагульняючай працы па комплекснай механізацыі аграрнай вытворчасці ў БССР **падрывавана не было** (ВК. 2017, № 1).

Помимо оценок общего плана, авторы научных статей более подробно останавливаются на спорных моментах, тем самым вступая в виртуальную дискуссию с другими учеными. Например:

*According to Gun (2001), the main effect of uttering a declarative sentence with falling intonation is to add its propositional content to the speaker's list of public commitments. This view, we claim, goes too far in **neglecting** the fact that such speech acts also steer the conversation towards turning the content of the declarative sentence into a shared or joint commitment* (JOS. 2009, № 5); *Недаследаванасць рэдуплікацыі як спосабу словаўтварэння **адмоўна** адбілася на якасці слоўнікаў і асобных слоўнікавых артыкулаў, на правапісе некаторых слоў. Так, словы-рэдуплікаты ў тлумачальных слоўніках сучаснай беларускай мовы адзначаюцца **вельмі рэдка** і, да таго ж, **непаслядоўна**...* (ВМ. 2017, № 1).

Кроме оценочных единиц отрицательной направленности, присутствующих в вышеприведенных примерах, языковыми маркерами виртуальной дискуссии автора научной статьи с другими учеными выступают словосочетания *to give rise to discussion, to leave open the question of, to pay little attention to; не выходзіць за межы, коннекторы but, however, in contrast, though, on the one hand, on the other hand; аднак, але, з аднаго боку, з другога боку* и др.:

*However, these studies did not quantitatively assess or manipulate the specific statistics over which distributional analysis occurred, **leaving open the question of** what aspect of the available distributional information learners utilized in service of category information* (JM. 2010, № 62); *Пры такой атамарнасці даследавання мы **не выходзім за межы** зададзенай сітуацыі, а таму аўтаматычна разглядаем чалавека, не ўлічваючы, з **аднаго боку**, яго здольнасць пераходзіць да ўсё большай дэталізацыі зыходнага ўяўлення пра аб'ект, з **другога** – магчымасць рухацца ад канкрэтна-пачуццёвага да абстрактнага пазнання* (БД. 2016, № 3).

Теоретическая основа авторского исследования может обсуждаться и в виде обобщения точек зрения других ученых: *This view is challenged by Geurts and Nouven (2007), who argue that equivalence does not typically hold between comparative and superlative quantifiers. They **observe** four differences in the usage and interpretation of these types of quantifier. First, they **note** that superlative quantifiers admit a specific construal. Secondly, they **identify** differences... Thirdly, they **observe** distributional differences... And finally, they **claim** that certain usages...* (JOS. 2009, № 27).

В субкомпоненте обоснование собственного подхода субъект-автор научной статьи часто выражен эксплицитными средствами. Однако если в англоязычном дискурсе это обычно личное местоимение ед. числа *I* и притяжательное *my* (в случае единоличного автора), то в белорусскоязычном типично употребление местоимений мн. числа *мы*, *нашы*, что связано с традициями научного общения в сопоставляемых лингвокультурах. Сравните:

My purpose in this paper will be to explore a particular moment in the transformative relationship between the polarities that Latour discusses by considering the domain of argumentation surrounding the notion of conspiracy theory (CT). More specifically, I wish to consider the way... (P. 2005, Vol. 15, № 1/2);

Для нас важна было высветліць, якія пачуцці звязаны з тым ці іншым колерам, якія эмоцыі і адносіны да свайго горада выклікае аўтар з дапамогай колераабзначэнняў (ВК. 2009, № 2–3); *Таму мы не можам гаварыць пра семантычную структуру эматыўных выказванняў (наяўнасць прэдыката і абавязковых для яго актантных пазіцый), а толькі пра іх фармальную будову і інтанацыйнае афармленне...* (БД. 2006, № 1).

Проведенный анализ научных статей показал, что взаимодействие дискурсивных категорий субъектности и интертекстуальности осуществляется эксплицитными или имплицитными средствами в рамках различных составляющих семантического компонента *анализ предшествующих исследований*. Хотя этот компонент не сообщает нового научного знания, однако он устанавливает его связь со старым, известным, которое занимает определенное место в системе научных представлений и служит для обоснования теоретической платформы описываемого в статье исследования. Приведение мнений других ученых, ссылки на их работы, а также оценка их вклада и в ряде случаев критические дискуссионные замечания являются, с одной стороны, проявлением виртуального диалога ученых, а с другой – демонстрацией непосредственной связи категорий субъектности и интертекстуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Серио, П.* В поисках четвертой парадигмы / П. Серио // *Философия языка: в границах и вне границ* / Ю. С. Степанов [и др.] ; науч. ред. Д. И. Руденко. – Харьков, 1993. – Т. 1. – С. 37–52.
2. *Kristeva, J.* *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art* / J. Kristeva. – N. Y. : Columbia Univ. Press, 1990. – 305 p.
3. *Чернявская, В. Е.* Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 208 с.
4. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
5. *Sager, S.* Intertextualität und die Interaktivität von Hypertexten / S. Sager, J. Klein, U. Fix (Hrsg.) // *Textbeziehungen. Linguistische und literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität.* – Tübingen, 1997. – S. 109–123.
6. *Swales, J.* *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings* / J. Swales. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1991. – 260 p.
7. *Gnutzmann, C.* Contrastive Text Linguistics in LSP-Research: Theoretical Considerations and Some Preliminary Findings / C. Gnutzmann, H. Oldenburg // *Subject-Oriented Texts. Languages for Special Purposes.* – Berlin ; N. Y., 1991. – P. 103–136.
8. *Карпилович, Т. П.* Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. – Минск : Минск. гос. лингвист. ун-т, 2003. – 226 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- БД – *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.* – Сер. 4.
- БР – *Веснік Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта.* – Сер. філал. навук.
- ВБ – *Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта.* – Сер. 3. Фізіка. Матэматыка. Інфарматыка. Біялогія. Геаграфія.
- ВК – *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. А. А. Куляшова.* – Сер. 1. Гісторыя. Філасофія. Філалогія.
- ВМ – *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта ім. І. П. Шамякіна.*
- КИ – *Контрастивные исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов МГЛУ.* – Минск : МГЛУ, 2012. – Вып. 1.
- МГ – *Вестник Минского государственного лингвистического университета.* – Сер. 1. Филология.
- АК – *The Auk.* – 2013. – Vol. 130, № 4.
- AL – *Applied Linguistics.*
- CV – *Computer Vision and Image Understanding.*

DP – Discursive Pragmatics / Y. Zienkowski, J.-O. Ostman, J. Verschueren (eds.). – Hamburg Univ. of Antwerp, Univ. of Helsinki : John Benjamins Publ. Co, 2011. – 307 p.

JM – Journal of Memory and Language.

JOS – Journal of Semantics.

P – Pragmatics.

TR – Translation: A Multidisciplinary Approach / Juliane House (ed.) Hamburg University, Germany and Hellenic American University, Greece : Palgrave Macmillan, 2014. – 276 p.

The paper considers the ways and language means of interrelation of the author's discourse and that of other communicants in scientific articles written in the English and in Belarusian languages. It is shown that the correlation of the categories of subjectivity and intertextuality demonstrates a virtual model of scientific communication.

Т. А. Сысоева

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ КАТЕГОРИИ ГАЗЕТНОЙ ДИСКУССИИ

В статье анализируются средства репрезентации глобальной авторской интенции как ведущей жанрообразующей категории, связывающей воедино разные параметры текста. Рассмотрение публикаций в жанре *дискуссия (спор)* из белорусской и американской периодики в контрастивном аспекте позволяет определить общие и специфические средства манифестации категории интенциональности в двух лингвокультурах. Преследуя цель поделиться мнением по поводу некоторой социально значимой проблемы и предложить собственные пути ее решения, авторы текстов делают акцент на субъективном характере своих рассуждений. При этом сходными являются способы вербализации ключевого концепта «проблема» и превалирование средств вербализации собственного мнения (местоимений, лексики с модальным значением, коннекторов) над маркерами чужого мнения. Выявленные лингвокультурные различия находят воплощение в следующем: если для белорусских изданий характерна генерализация, то в американских изданиях преобладают конкретные детали, репертуар маркеров решения проблемы более разнообразен, а противопоставление фактов и столкновение разных точек зрения более частотны.

Социальные проблемы являются главным предметом обсуждения в современной публицистике. Увеличивая разрыв между ожиданиями аудитории и реальным развитием событий, подобные ситуации требуют немедленного либо скорейшего разрешения [1, с. 153]. Сказанное определяет интерес исследователей к медиажанрам аналитического характера, которые

связаны с всесторонним, многоплановым рассмотрением актуальных проблем и поиском путей их решения. Однако статья, выступающая родовым (стрежневым) жанром публицистики, является далеко не единственным типом текста, автор которого ставит и/или решает какую-либо социальную проблему. На периферии современной медиасферы находятся самые разнообразные жанры: комментарий, обозрение, обзор, рецензия, письмо, дебаты, круглый стол, эссе, расследование и др. [1, с. 156]. Процесс жанрообразования идет непрерывно, и новейшая тенденция связана с возникновением гибридных медиажанров, сложных форм текста, которые являются результатом конвергенции или диффузии традиционных текстовых форм [2, с. 20]. Так, например, помимо привычных нам медиапродуктов в форме газетной статьи, телепередачи или радиоинтервью возникают интегрированные жанры: инфотейнмент, эдютейнмент и др. [3, с. 27].

Одним из относительно новых жанров-гибридов может считаться газетная *дискуссия*, или *спор*, ставшая уже традиционной в ряде белорусских изданий («Беларусь сегодня», «Народная газета»). В качестве материала настоящего исследования были выбраны тексты из русскоязычного белорусского издания «Народная газета» (за 2015–2017 гг.), в которых обсуждаются актуальные вопросы экономики, образования, здравоохранения, современного искусства и другие темы. Анализируемые тексты представляют собой своеобразный виртуальный диалог: два приглашенных эксперта, профессионально связанные с определенной сферой деятельности, высказывают свое мнение по поводу обсуждаемой проблемы и предлагают собственные пути ее решения. Точка зрения каждого участника дискуссии оформляется в виде самостоятельной статьи, после чего обе публикации размещаются на одной газетной странице под общим заголовком. Например, тема обсуждения – либерализация предпринимательской деятельности и декриминализация бизнеса. Заголовок – *Пора браться за дело*. Однако каждая статья при этом имеет собственное название: *Работать честно – выгодно* (мнение представителя Центра системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук); *Бизнесу нужно право на риск* (мнение Председателя Постоянной комиссии Палаты представителей по экономической политике). Точки зрения двух экспертов не обязательно являются полярными. Наоборот, они могут дополнять друг друга и даже частично совпадать. Так, например, в упомянутом выше случае оба эксперта подчеркивают необходимость налаживания доверительных взаимоотношений между бизнесом и государством: *Стабильный экономический рост возможен только в стабильной бизнес-среде, подкрепленной взаимным доверием бизнеса и государства* (Эксперт 1); *Туда, где взаимодействие государства, бизнеса, общественных организаций и граждан более прозрач-*

но, понятно, безопасно и комфортно, и будут приходить при прочих равных условиях бизнесмены (Эксперт 2). Участники дискуссии не решают поставленную задачу до конца, и вопрос остается открытым. Роль читателя газеты заключается в том, чтобы во время прочтения статей следить за ходом дискуссии и в итоге самостоятельно выбрать победителя виртуального спора.

В целях осуществления контрастивного анализа тексты жанра *дискуссия* из белорусского издания были сопоставлены с аналогичными публикациями, размещенными на сайте американской газеты “The Washington Post”. Читателям сайта в рубрике *Opinion* предлагается опция *Read more on this topic*. Перейдя по ссылке, пользователь может ознакомиться с мнением других экспертов по обсуждаемой проблеме, например: *\$15 is the wrong goal for minimum-wage advocates* – мнение редакции по поводу уровня минимальной зарплаты; *No, raising the local minimum wage doesn't hurt local businesses* – мнение экономистов; *Fair wages for everyone are sustainable* – мнение владельца ресторана. Как и в белорусском издании, слово предоставляется людям, так или иначе имеющим отношение к обсуждаемому вопросу, обладающим опытом работы в определенной сфере или экспертным знанием.

Отметим, что тексты данного жанра специфичны: их нельзя отнести к полемической статье, поскольку их авторы не «разбивают» аргументы оппонента непосредственно. Скорее, они ближе к аналитической статье: цель сообщения – убедить читателя согласиться с четко обозначенным мнением адресанта, показать взаимосвязи разных событий, выяснить их причины и следствия, определить возможные варианты развития событий. Как и в аналитической статье, в исследуемых текстах употребительны средства выражения логических связей высказывания (*например, судя по всему; moreover, in truth*), абстрактные существительные (*успех, свобода; safety, care*), термины (*субъект хозяйствования, фискальный; CRT – culturally responsive teaching*) и т.п. (см. подробнее [2, с. 105]). И все же анализ публикаций на двух языках подтверждает их большую ориентированность на обмен субъективными мнениями между экспертами в определенной области, а не на обмен между редакцией и читателями газеты, что отличает их от других разновидностей статей.

Будучи уникальным, каждый жанр характеризуется рядом параметров, которые позволяют отграничить его от других типов текста: целеустановка, семантическая структура, стратегии и тактики, языковые средства их воплощения. Что же связывает эти характеристики воедино, выступая главной жанрообразующей категорией? По-видимому, именно такой жанрообразующей доминантой может считаться категория интенциональности (глобальная авторская интенция), являющаяся одной из главных в коммуникативно-прагматическом плане категорий дискурса [4, с. 40]. Анализ текстов жанра

дискуссия с точки зрения интенциональности показал, что ведущей авторской интенцией выступает выражение субъективного мнения по поводу актуальной проблемы общества. На реализацию этой интенции направлены все языковые средства, маркирующие точку зрения адресанта или предлагаемый им вариант решения проблемы.

Как в белорусском, так и американском изданиях обсуждение строится вокруг ключевого концепта «проблема», который эксплицитно выражается словом-репрезентантом (*проблема; problem*) или его контекстуально обусловленным синонимом (*вопрос, сложность, ситуация; issue, challenge, situation*): *Проблема состоит в том, что...; В правовой сфере есть ряд проблемных вопросов; Отсюда многие проблемы и сложности; The problem cannot be solved at the police station or courthouse; This unprecedented growth has not been without its challenges*. Будучи универсальным для медиадискурса в принципе, в анализируемых изданиях данный концепт, тем не менее, получает специфическое воплощение, в том числе обусловленное лингвокультурной принадлежностью авторов статей. Так, например, для русскоязычных текстов характерно употребление однокоренных слов (*проблемный, проблематично*), тогда как в англоязычных текстах описание проблемы конкретизируется за счет гипонимов: *discrimination, exploitation, assault, inequality, homicide*. В обоих языках слово-репрезентант может сочетаться с существительным или прилагательным, сужающим его значение (*проблемы декриминализации, психологические и административные барьеры; economic problems, difficult problems, social issue*), а также сопровождаться глаголом, маркирующим предлагаемое автором решение задачи (*решить проблему; to solve the problem, to tackle problems, to address issues, to combat violence, to prevent problems, to fix what's broken*). Может встречаться соответствующее существительное «решение»/“solution”: *Как и у всех сложных проблем, тут нет простого и однозначного решения; And there is a simple solution*. Однако в целом, как видно из приведенных примеров, в американском издании гораздо богаче арсенал языковых средств, выражающих способы решения проблемы (*panacea, problems go away, come up with real solutions, look at other solutions* etc.). На наш взгляд, сказанное свидетельствует о проактивном отношении представителей американской культуры к актуальным социальным проблемам [5].

Описание концептосферы носителей двух культур также может быть интересно с точки зрения метафорического представления человека о мире. Как у авторов статей из белорусских изданий, так и у американских, обсуждаемая проблема ассоциируется с понятиями «вниз», «уменьшение» (*спад в экономике, снижение доходов, сокращение спроса; a downward spiral, the bottom of the labor market, reduce the supply of jobs*), тогда как описание эффективного решения проблемы связывается с понятиями ‘вверх’,

‘увеличение’ (*рост качества, развитие идет быстрыми темпами, поднять рейтинг; to raise performance standards, higher wages*). Процесс преодоления трудностей сравнивается с неким переходом и ассоциируется с понятиями «изменение», «движение»: *изменить подход, перейти ко второму этапу, совершенствование условий, прогресс, инновационный путь развития; economic development, true reform, to develop new models*. В качестве косвенных средств вербализации концепта в исследуемых текстах можно отметить маркеры новизны информации (*именно сегодня, на данный момент, здесь и сейчас*) и слова, указывающие на повторяющийся характер проблемной ситуации (*every month, every so often*), которые свидетельствуют о том, что обсуждаемая тема является актуальной.

При рассмотрении проблемы отправитель сообщения акцентирует не столько факты, сколько свое субъективное мнение, отношение, оценку. Авторы как русскоязычных, так и англоязычных текстов делают это открыто и достаточно категорично: **Я уверен; Поэтому, бесспорно, необходимо искать возможности и резервы роста заработной платы; Я за применение западных технологий, но категорически не приемлю, когда молодые белорусские артисты начинают петь на английском языке; That is wrong on many levels; I urge business associations, the mayor and the D. C. Council to press forward on these issues**. Как отмечают современные представители медиалингвистики, подобная тенденция свойственна медиасфере в целом и может проявляться в форме субъективной оценки [6, с. 171], беспелляционных суждений, необоснованной генерализации, ориентации на одну (единственно правильную) версию интерпретации события, апелляции к ценностям определенного культурного сообщества [7, с. 23–24].

Поскольку исследуемые тексты нацелены на выражение субъективной точки зрения адресанта, они характеризуются присутствием в них целого арсенала средств экспликации мнения. Наиболее очевидным маркером субъективности, а, следовательно, средством реализации глобальной интенции авторов статей является местоимение первого лица единственного числа: *И я думаю, что национальные музыкальные традиции еще далеко не исчерпаны; Тем не менее, я считаю, что те повара белорусской кухни, которые научатся сочетать ультрасовременные подходы и стародавние рецепты, обязательно завоюют популярность у клиентов; По моему мнению, развитие законодательной базы в сторону одностороннего ужесточения контроля над доходами граждан и ответственности за уклонение от уплаты налогов не является действенной мерой...; I suppose I'm one of those snobs even if sometimes I, too, err; And now I have a confession: I've begun to forget the rules*. Подобные примеры отвечают общей тенденции усиления личностного начала в СМИ, о которой говорят современные исследователи [8, с. 162].

Для статей на обоих языках также характерно использование местоимения первого лица в форме множественного числа. В данном случае автор преследует цель подчеркнуть свою принадлежность к определенной группе: *В этом году у нас* планируется комплексная корректировка уголовного и административного законодательства в направлении декриминализации бизнеса; *Исторически на нашей* земле...; *We should acknowledge that for the city to prosper, we have to conspire to bring together business, labor and government to find common ground; Small and large businesses are starting and thriving in every corner of our city.* При этом автор может определять группу по территориальному, профессиональному, возрастному, гендерному или иному принципу: *Но абсолютно уверен и знаю, что меня поддержат все творческие люди: мы* работаем с такой же отдачей, даже если в зале сидит 10 человек; *Деньги, которые мы* вложим в наши замки, дворцы, усадьбы, – это хорошие инвестиции в завтра; *As a compassionate society, we believe that transgendered people should be protected from discrimination; Today we have an opportunity again as business leaders to do the right thing.* Отождествляя себя с определенной социальной группой, автор текста реализует стратегию солидаризации.

Еще одним средством экспликации авторского отношения к проблеме являются вводные слова и средства текстовой связи, указывающие на степень уверенности/неуверенности, чувства, источник информации: *Конечно, декриминализация ни в коей мере не должна давать дополнительные возможности для преднамеренной неуплаты налогов...; К сожалению, нередко приходилось слышать: Капюшонами им не стать; И я, честно говоря, не помню, чтобы тогда концерты отменялись. Конечно, когда зал переполнен, когда аншлаги – это дает дополнительные творческие силы; Fortunately, I have editors to sweep up behind me and make sure all my commas are in order; Unfortunately, we are hearing a doomsday scenario from the opposition; Certainly, transgender politics have shifted.* Особенностью американских изданий является более частое использование вводных слов и коннекторов, служащих для противопоставления фактов, мнений (*however, though, on the contrary*): *On the contrary, children as young as two can present with gender incongruence; These cultural changes, though, have led to an ugly backlash.* Следовательно, в американских изданиях больше внимания уделяется противопоставлению идей или фактов, сопоставлению своего мнения и чужого.

В целях убеждения авторы публикаций апеллируют к собственному опыту или знаниям: *По своему многолетнему опыту работы с уверенностью могу сказать: чтобы добиваться больших результатов в любом деле, в первую очередь нужно много трудиться и безгранично верить в достижение цели; Знаю, что сейчас в Азербайджане очень активно развивается туризм; That is why, as a progressive businessman, I welcome*

efforts to change the way business is conducted here; In my personal stylebook, developed over almost 30 years of column writing, it's fine to misuse grammar intentionally. Подобные знания и опыт являются основанием для того, чтобы предлагать собственный план мероприятий с целью решения проблемы: *С моей точки зрения, необходимо обратиться к области правоприменительной практики; Можно было бы и нам подумать над этим; The minimum wage should go up, but sustainably.* Основным вербальным маркером таких высказываний выступают слова с модальным значением необходимости (нужно, следует, должен, важно; *should, need, must*): **Необходимо** *максимально отказаться от наказаний в виде лишения свободы за совершение преступлений в экономической сфере; Бизнес должен иметь право на ошибку, право на риск; First, restaurants and other retailers, which are disproportionate employers of low-wage labor, must stay near their customers; To reverse this downward trend, Montgomery must find a superintendent who can lead the way back to success.*

Исследуемые тексты представляют собой виртуальную дискуссию (спор), поэтому предполагают не только апелляцию к собственному мнению, но и обращение к другим возможным точкам зрения. Отсылка к чужому мнению, опыту или варианту решения проблемы делается по двум основным причинам. Первая причина – подкрепление собственных аргументов, доказательство своей правоты посредством реализации тактики апелляции к авторитету: *По данным Национального статистического комитета, доля оплаты труда в ВВП на протяжении последних 26 лет оставалась стабильной; “Grammar is credibility,” says Amanda Sturgill, an associate professor of communications at Elon University, where I recently spoke.* Такой прием используется в том случае, когда мнение автора и чужое мнение совпадают. Лингвокультурным различием является более частое обращение авторов статей из белорусской периодики к общим сведениям без указания конкретного человека или источника информации (стратегия генерализации) и более подробная детализация, которая прослеживается в американской периодике: *В свою очередь реальный уровень теневой экономики в Беларуси, по оценке зарубежных экспертов, уже превышает официальный почти в три раза; Data collected from more than 200 cases between January 2014 and April showed that the county’s district courts “are not doing what they should” to keep victims safe in more than two-thirds of relevant cases; Ms. Alsobrooks has some ideas – such as more education of young women so that they can recognize signs of abuse that appear before the first shove or slap – but she stresses that the problem cannot be solved at the police station or courthouse.* Подобная отсылка на авторитетное мнение, приведение статистики, цитирование первоисточников в целях убеждения отвечает общей тенденции развития современного медиатекста (см. подробнее [2, с. 107–111]).

Вторая причина, по которой авторы исследуемых статей обращаются к чужому мнению или чужому варианту решения проблемы, заключается в их желании показать несостоятельность «альтернативных» точек зрения. В данных примерах реализуется тактика контраста: *В последнее время от некоторых представителей бизнес-союзов можно услышать претензии по необоснованному ужесточению требований к налоговым нарушителям. Однако правоохранительные органы убеждены...; If we continue to rely on market forces alone, as some would suggest, it will be too late for many residents; The risks are real, and the threats are much more complex than most people want to acknowledge.* Такой прием позволяет «оживить» текст, придать ему диалогичность, суть которой заключается во «взаимодействии двух или нескольких смысловых позиций, многоголосии общения» [9, с. 28].

Тем не менее авторы анализируемых текстов значительно чаще апеллируют к собственной точке зрения, чем к чужой, о чем свидетельствует проведенный количественный анализ: 84 % маркеров мнения в белорусских изданиях и 60 % в американских указывают на авторскую точку зрения, а не на чужую. Полученный результат еще раз подтверждает, что фокусом публикации в жанре *дискуссия (спор)* и, соответственно, основной целеустановкой адресанта является выражение собственного субъективного мнения, тогда как демонстрация несостоятельности чужих точек зрения лежит за пределами глобальной авторской интенции.

Таким образом, печатные тексты медиажанра *дискуссия (спор)* реализуют намерение адресанта поделиться субъективным мнением по поводу некоторой общественно значимой проблемы. В ходе доказательства своей точки зрения автор делится специальными знаниями в данном вопросе или даже личным опытом, что позволяет ему не только всесторонне обсудить актуальную проблему, но и предложить собственный путь ее решения. Реализация глобальной интенции в исследуемом жанре характеризуется тем, что на субъективности мнения автора, его оценок и рассуждений делается акцент.

Сопоставительный анализ белорусских и американских изданий позволяет говорить как о сходстве основных средств репрезентации категории интенциональности, так и о присутствии лингвокультурных особенностей. Так, например, сходства выявлены на уровне конкретных способов вербализации ключевого концепта «проблема» (слово-репрезентант, его синонимы и однокоренные слова, противопоставление понятий «вниз»/«уменьшение» и «вверх»/«увеличение»), а также маркеров субъективности (местоимений первого лица, вводных слов и коннекторов, лексики с модальным значением). Общие тенденции определены и по результатам количественного анализа: в текстах на обоих языках маркеры собственного мнения превалируют над маркерами чужого мнения. Манифестация лингвокультурных различий связана с тенденцией генерализации в белорусских изданиях и тенденцией

конкретизации в американских изданиях. В последних также более разнообразен арсенал маркеров решения проблемы и более частотны случаи противопоставления фактов или мнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитровский, А. Л.* Жанры журналистики / А. Л. Дмитриевский // Ученые зап. Орлов. гос. ун-та. Сер. Гуманит. и соц. науки. – 2014. – Вып. № 4. – С. 149–158.
2. Современный медиатекст : учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.
3. *Волкова, А. А.* Медиатекст в условиях конвергенции / А. А. Волкова // Журналистский ежегодник. – 2013. – Вып. № 2–2. – С. 26–28.
4. *Карпилович, Т. П.* Эксплицитные и имплицитные средства в вербализации интенциональности медиадискурса / Т. П. Карпилович // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи : тезисы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 10–11 мая 2017 г. / редкол.: Л. М. Лещева (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 40–42.
5. *Сысоева, Т. А.* Концептуальные доминанты медиажанра «дискуссия» / Т. А. Сысоева // Язык, культура и профессиональная коммуникация в современном обществе : материалы VI Междунар. науч. конф., 20–25 мая 2017 г. / отв. ред. О. А. Дронова ; М-во образования и науки Рос. Федерации Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2017. – С. 96–100.
6. *Левковская, Н. А.* Эксплицитная и имплицитная оценочность англоязычного политического дискурса / Н. А. Левковская // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. – 2011. – Вып. № 21 (627). – С. 169–177.
7. *Гришаева, Л. И.* Соотношение эксплицитного и имплицитного в актуальных медиатекстах / Л. И. Гришаева // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи : тезисы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 10–11 мая 2017 г. / редкол.: Л. М. Лещева (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 23–25.
8. *Рацибурская, Л. В.* Специфика воздействия в современном медийном словотворчестве / Л. В. Рацибурская, Н. А. Самыличева // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – Вып. № 2. – С. 162–167.
9. *Мельник, Г. С.* Медиатекст как объект лингвистических исследований / Г. С. Мельник // Журналистский ежегодник. – 2012. – Вып. № 1. – С. 27–29.

The paper considers intentionality as the main genre forming category and itemizes its verbal markers in discussions from American and Belarusian printed editions. Among the common features is emphasis on subjectivity, while cross-cultural peculiarities are manifested in generalization vs. detalization tendencies.

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КООПЕРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В КИНОДИСКУРСЕ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена проблеме кооперативного поведения коммуникантов в различных ситуациях обиходно-бытового общения. Материалом для исследования послужили диалоги, взятые из художественных фильмов на русском и английском языках. В статье рассматриваются наиболее распространенные типы коммуникативных ситуаций в качестве важнейшего фактора формирования внешней среды дискурса, оказывающего влияние на планирование и построение речевых стратегий и тактик. В результате проведенного сопоставительного анализа выявлен ряд сходств в коммуникативном поведении участников кинодиалогов. В исследуемом материале были выделены три основных типа ситуаций: ситуация сотрудничества, конфликта и нейтральная ситуация. Наиболее распространенный тип ситуации осуществления коммуникации – ситуация сотрудничества как в русском, так и в английском языке, так как данный тип ситуации является самым благоприятным для поддержания конструктивных намерений коммуникантов, а следовательно, для применения кооперативных стратегий.

Во многих исследованиях кооперация рассматривается как процесс и результат самоорганизации системы смыслов любого типа дискурса. В прагматике речи кооперация реализуется различными коммуникативными стратегиями, под которыми понимается «совокупность теоретически запланированных действий, направленных на достижение коммуникативной цели путем обоюдодоприемлемого взаимодействия» [1, л. 4]. В данном понимании кооперация находится в оппозиции к конфликту, так как стратегии и тактики, ее реализующие, направлены на поиск и достижение согласия, компромисса и взаимовыгодных решений. Тем не менее на формирование и выбор той или иной модели стратегического поведения коммуниканта влияют различные факторы, которые определяют внешнюю среду любого типа дискурса и, в частности, русскоязычного и англоязычного кинодискурса. Так, в зависимости от коммуникативной установки на вступление в диалог ситуации общения, психоэмоциональных особенностей коммуникантов, а также характера их взаимодействия участники диалога участники обиходно-бытового диалога выбирают приемы реализации модели своего речевого поведения, т.е. стратегии и тактики, которые могут быть ориентированы как на кооперацию, так дистанцирование (уход от конфликта или взаимовыгодного взаимодействия) и конфронтацию [2]. В нашем исследовании под моделями коммуникативного поведения понимаются определенные стереотипы рече-

вого поведения, которые являются отражением комбинации одной или нескольких вышеупомянутых глобальных стратегий в актуализации англоговорящих и русскоговорящих коммуникантов.

Однако для выявления конструктивных моделей, направленных на достижение цели и положительного, взаимовыгодного исхода коммуникации, целесообразно учитывать факторы формирования дискурса. В данном случае не ставится под сомнение тот факт, что речевое поведение коммуниканта всегда ориентировано «на значимые для него и данного социума идеалы, ценности, присущие данной лингвокультурной общности нормы поведения» [3, л. 236]. Это значит, что каждая модель имеет как общие факторы ее формирования, выделенные на основе принципов универсальной прагматики, так и является носителем информации о пользователях и для пользователей языка, осуществляющих оценку и выбор данных моделей.

С целью достижения задач, поставленных в этом исследовании, были отобраны 60 диалогов на русском языке из 8 художественных фильмов белорусского производства и 56 диалогов на английском языке из 8 британских художественных фильмов. Все отобранные фильмы были номинантами престижных кинопремий Британской и Американской киноакадемий, участники кинофестивалей в Торонто, Каннах, лауреаты Республиканских фестивалей белорусских фильмов, призеры Минского международного кинофестиваля «Лістапад». В ходе проведенного анализа исследуемых диалогов было установлено, что как в русскоязычном, так в англоязычном материале стратегия кооперации используется хотя бы одним из коммуникантов в 100 % случаев.

В соответствии с поставленными задачами исследования одним из основополагающих факторов, оказывающих непосредственное влияние на формирование коммуникативного поведения говорящих в диалоге, является коммуникативная ситуация. В данном случае под коммуникативной ситуацией понимается ситуация речевого общения двух и более людей, представляющая собой неречевой компонент процесса коммуникации [1]. Поскольку исследуемый материал относится к обиходно-бытовому типу общения, некоторые из составляющих коммуникативной ситуации являются константами, неизменными для всех диалогов, а именно наличие адресата и адресанта, дружеская неофициальная тональность общения, устный контактный способ общения. В данной связи в качестве переменных, определяющих тип коммуникативной ситуации в кинодискурсе, будут выступать психоэмоциональная направленность участников диалога (ориентация на позитивное взаимодействие, конфликт или же отсутствие воздействия), место общения, отношения между говорящими и слушающими. Итак, можно выделить три типа коммуникативной ситуации: ситуация сотрудничества, ситуация конфликта и нейтральная ситуация [Там же]. Рассмотрим конкретные типы данных ситуаций на примерах следующих диалогов на русском и английском языках.

Ситуация сотрудничества

В нижеприведенном диалоге разговор происходит между приемной дочерью и ее матерью, которые тем не менее состоят в очень тесных и теплых отношениях. Они обсуждают ситуацию, в которой сестра матери пытается отобрать у родственников квартиру, девочку пристроить в детский дом, а свою собственную родную сестру отдать в специальное учреждение по уходу за людьми с инвалидностью. Дочь, в отличие от матери, при этом осознает негативное влияние родственницы пытается отговорить мать от принятия необдуманных решений.

Мать: Вика, Вика, подойди сюда. Записи папы привожу в порядок, помоги. Вот тут, что?

Дочь: Мам, давай поговорим.

Мать: Давай, о чем?

*Дочь: Я ведь расту и скоро стану взрослой, буду зарабатывать. **Мы снова станем жить хорошо и поедем в Крым.***

Мать: Да, конечно, я верю.

Дочь: Мама, я тебя очень прошу: не бери ничего у Клавдии Ивановны.

Мать: Ну, она же моя сестра.

*Дочь: **Мама, пожалуйста, не бери у нее ничего. Договорились?***

Мать: Ага, хорошо (Диалог из х/ф «Бальное платье»).

Коммуникативная ситуация сотрудничества имеет место в тех случаях, когда все участники диалога заинтересованы в принятии общих решений, выгодных всем коммуникантам. В таком случае у участников нет ориентации на столкновение интересов, они сконцентрированы на достижении обоюдодоприемлемого исхода диалога. В данном диалоге в качестве основной используемой стратегии обоих коммуникантов можно назвать стратегию солидаризации, которая осуществляется тактиками **согласия** (*да, конечно; ага, хорошо*), **апелляции к положительному опыту** (*мы поедем в Крым*), **уверения** (*я стану взрослой и буду зарабатывать*), **увещевания и просьбы** (*не бери у нее ничего, пожалуйста*).

Рассмотрим диалог на английском языке.

В приведенной ниже ситуации мы можем наблюдать разговор между отцом и его приемным сыном, происходящий после удачного выступления сына на сцене перед девушкой, в которую он влюблен. К сожалению, девушка улетает к себе на родину, поэтому существует опасность, что они никогда не увидятся. Мама мальчика умерла, поэтому отец всеми силами пытается ободрить и поддержать сына.

*Отец: **Sammy, fantastic show, classic.** ‘Сэмми, классное шоу, классика’.*

*Сын: **Thanks. Plan didn't work though.** ‘Спасибо. План все равно не сработал’.*

*Отец: **Tell her, then.** ‘Тогда скажи ей’.*

Сын: Tell her what? 'Что сказать?'

Отец: Tell her that you love her. 'Скажи, что ты ее любишь'.

Сын: No way, anyway, they fly tonight. 'Ни за что, тем более, они сегодня улетают'.

Отец: Even better. Sam, you've got nothing to lose and you'll always regret it if you don't. I never told your Mom enough. I should have told her every day because she was perfect every day. You've seen the films, kiddo. It ain't over till it's over. 'Еще лучше. Сэм, тебе нечего терять и ты всегда будешь жалеть, если этого не сделаешь. Я не говорил этого твоей маме достаточно часто. Но я должен был говорить ей это каждый день, потому что она была идеальна. Ты видел фильмы, сынок. Ничего никогда не заканчивается'.

Сын: Ok, Dad. Let's do it. Let's go get the... kicked out of us by love. 'Хорошо, папа. Давай сделаем это... Давай разорвемся во имя любви'.

Отец: Yes. 'Да'.

Сын: Just give me one sec. 'Один момент' (Диалог из х/ф «Love actually» 'Реальная любовь').

В данной ситуации отец использует стратегию солидаризации и искренности, которая реализуется следующими тактиками: **похвала** (*fantastic show*), **аргументация и увещание** (*you've got nothing to lose*), **апелляция к положительному опыту** (*your mom was perfect*), **согласие со стороны сына, призыв к совместному действию** (*ok, let's do it*). После успешного концерта участники диалога испытывают эмоциональный подъем и поэтому ориентированы на поиск оптимального решения для установления гармонии.

Вышеприведенные примеры дают нам право заключить, что в ситуации сотрудничества в обиходно-бытовом общении кооперативные стратегии применяются для поддержания конструктивных намерений коммуникантов. Анализ исследуемой выборки показал, что 58 % диалогов на русском языке и 55 % диалогов на английском языке осуществлялись в условиях ситуации сотрудничества.

Ситуация конфликта

В нижеприведенных фрагментах из русскоязычного кинофильма разговор происходит между старыми друзьями (Алексеем и Геннадием), которые одновременно являются соучредителями одного предприятия. У Геннадия серьезно заболела дочь, что он отчаянно пытается скрывать. На работе возникают проблемы, которые следует незамедлительно решать. Однако решение, которое предлагает Алексей, не совсем устраивает Геннадия. Алексей пытается выяснить, что могло вызвать такую реакцию со стороны Геннадия.

Геннадий: Моих проблем это ничего не решит.

Алексей: Не понял. Восемнадцать лет с тобой по гарнизонам мотались, у нас проблемы все общие были. А теперь у тебя свои отдельные появились? Обижаетесь...

Геннадий: Это мне лично, мне деньги нужны, бизнес тут не причем.

Алексей: Сколько? Когда деньги нужны?

Геннадий: Вчера.

Алексей: Ну, нужны, значит, нужны. Если не хочешь говорить, есть какая-то причина. Помощи не просишь. Сам хочешь справиться?

Геннадий: Иначе никак не получается.

Алексей: В чем дело-то, Ген? На выкуп похоже. Ты прости уж меня. Чего молчишь?

Геннадий: Выкуп, Леха. Но не у людей. Если у людей мы бы как-нибудь своими силами. Маринка моя заболела. Острый лейкоз. Надо срочно операцию делать за границей.

Алексей: Ты прости, меня, пожалуйста (Диалог из х/ф «Рифмуется с любовью»).

Из контекста становится очевидно, что конфликтная ситуация назревала давно, однако она не выливается в ожесточенный спор, сопровождающийся взаимными обвинениями, угрозами и оскорблениями. Напротив, коммуниканты после момента дистанцирования, выражающегося тактиками **упрека** (*у нас проблемы все общие были*), **уклонения** (*это мне лично деньги нужны*), **отказа** (*никак не получается*), **обиды** (*нужны, значит, нужны*), находят общий язык в сложившейся ситуации, направленной на конфликт, и проявляют по отношению к друг другу вежливость и сдержанность, которые выражаются доверием и ответным извинением. Последние реплики указывают на кооперативные намерения коммуникантов и ориентацию на смягчение конфликтной ситуации.

Проанализируем пример диалога на английском языке.

Разговор происходит между престарелой матерью и ее дочерью. До этого мать без предупреждения вышла на улицу, для того чтобы купить молока. В ее возрасте это было делать очень опасно. Дочь недовольна таким положением дел и пытается поговорить с матерью. Ситуация также осложняется тем, что мать отказывается убирать вещи умершего мужа и каждый раз находит различные предлоги, чтобы этого не делать:

Дочь: I hear you went out today... You mustn't go out on your own Mummy. We've talked about that. 'Я слышала ты сегодня выходила... Ты не должна выходить одна, мамочка. Мы же об этом уже говорили'.

Мать: There was no milk. 'У нас закончилось молоко'.

Дочь: Call Robert he'll get it for you if June's not up... 'Скажи Роберту, он тебе принесет, если Джун нет на месте'.

Мать: I am not for the knackers yet. 'Я еще не в инвалидном кресле'.

Дочь: No one is saying that. 'Никто об этом не говорит'.

Мать: If I can't go out to buy a pint of milk then what is the world coming to. Please don't fuss about it. You've always been like this, fuss fuss fuss. You must find something better to do with your time. It's most unattractive in a woman. When I was your age... the last thing I wanted to do was fuss around my mother. Pearls. There they are. My little twins. I'll wear the pearls. 'Если я не могу сходить купить молока, куда же тогда катится этот мир? Пожалуйста, не суетись. Ты постоянно суетишься и суетишься. Ты должна заняться чем-то другим, чем-то лучшим. Это так непривлекательно в женщине. Когда мне было столько же, сколько тебе, последнее, чем мне хотелось заниматься, это бегать вокруг своей матери. Жемчуг. Мои маленькие близняшки. Я одену жемчуг сегодня'.

Дочь: Of course, ma. As you want. 'Конечно, мам. Как ты скажешь'.

Мать: Thank you, dear. 'Спасибо, дорогая' (Диалог из х/ф «The iron lady» «Железная леди»).

Контекст дает нам представление о том, насколько сложными являются отношения матери и дочери, что в итоге создает сложившуюся ситуацию конфликта и заставляет одного из коммуникантов (мать) прибегать к тактике **возмущения** (*I'm not for the knackers yet, what is the world coming to*). Однако в итоге она смягчается, осознавая обеспокоенность дочери, а дочь соглашается с аргументами матери (*of course, ma, as you want*), нейтрализуя тем самым конфликтную ситуацию.

Итак, коммуникативная ситуация конфликта побуждает одного или обоих коммуникантов проявить сдержанность, соблюсти правила общения, следовать вежливости с целью достижения поставленных целей и гармонизации дискурса в целом. В результате проведенного анализа было установлено, что 25 % всех диалогов на русском языке и 32 % всех диалогов на английском языке осуществлялись в условиях ситуации конфликта.

Нейтральная ситуация

Общение происходит между матерью, сыном Сергеем, его другом Николаем и тетей Ниной. Сын с другом заехали в гости к родственникам с целью навестить их. Они разговаривают о скором переезде Николая на новое место жительства:

Сергей: О, да ты коробки уже собрал. Завтра едем, руки чешутся коробки потаскать.

Николай: Дома есть кто?

Тетя Нина: Проходите.

Сергей: Привет, тетя Нин.

Тетя Нина: Здравствуй, Сереженька. Господи, на край света уезжает.

Николай: Страшно мальчика на край света отпускать?

Тетя Нина: Да, конечно.

Сергей: Какой мальчик? Сколько лет-то мне уже.

Николай: Да, я-то постарше тебя буду, поопытнее.

Мать: Хочет жить один. Правда, спальный район, но название оптимистичное такое – Веснянка. Правда?

Тетья Нина: А Веснянка, это, вообще, что? Еще пригород или уже предместье?

Николай: Это еще город. Но твою-то деревню, твой рабочий поселок Виздюки, видно-то.

Сергей: Вот я и говорю: к маме в гости ходить будем.

Тетья Нина: Как же ты будешь жить один, Сереженька?

Николай: Нормально, Теть Нин (Диалог из х/ф «Нежная зима»).

Как видно из примера, диалог происходит между людьми, которые хорошо друг друга знают и поэтому могут подшучивать и иронизировать друг над другом. В то же время сама по себе ситуация общения не ставит перед коммуникантами задачи достичь взаимопонимания или преодолеть конфликт, что свидетельствует об отсутствии какого-либо целенаправленного воздействия со стороны участников диалога.

Рассмотрим аналогичную ситуацию на примере диалога на английском языке.

Муж с женой сидят за столом и завтракают, одновременно обсуждая выросшие цены на молоко.

Жена: Too much, too much butter. ‘Слишком много, слишком много масла’.

Муж: I like butter. ‘Я люблю масло’.

Жена: Milk’s gone up. 49p a pint. ‘Цены на молоко выросли. 49 пенни за пинту’.

Муж: Good grief! We’ll have to economise. I suppose we could always sell the car. Or take in paying guests! Watch out. She’s on the prowl. ‘Мама дорогая! Нам придется экономить. Я думаю, мы всегда сможем продать машину. Или сдавать комнаты. Осторожно. Она наготове’.

Жена: Eat your egg. ‘Ешь яйцо’ (Диалог из х/ф «The iron lady» ‘Железная леди’).

Как и в диалоге на русском языке, коммуниканты, обмениваясь мнениями, не следуют определенной стратегии, а значит и не ставят перед собой какой-либо конкретной цели или задачи коммуникации, что предполагает нейтральную ситуацию общения.

Результаты анализа показали, что 10 % всех диалогов на русском языке и 12 % всех диалогов на английском языке осуществлялись в условиях нейтральной ситуации.

Коммуникативная ситуация является важной экстралингвистической составляющей, оказывающей влияние на выбор участниками общения определенной модели поведения. В исследуемом материале было выделено три типа ситуации: сотрудничество, конфликт и нейтральная ситуация. Результаты анализа показали, что 58 % диалогов на русском языке и 56 % диалогов на английском языке осуществлялись в условиях ситуации сотрудничества.

Данный тип ситуации является наиболее благоприятным для поддержания конструктивных намерений коммуникантов, а следовательно, для применения кооперативных стратегий. Ситуация конфликта была зарегистрирована в 28 % случаев среди диалогов на русском языке и в 32 % случаев среди диалогов на английском языке. Было установлено, что коммуникативная ситуация конфликта побуждает одного или обоих коммуникантов использовать кооперативные стратегии и проявить сдержанность, следовать вежливости с целью гармонизации дискурса в целом. Также были отмечены некоторые различия в частотности употребления стратегий и тактик позитивного речевого взаимодействия, а также их языковой актуализации. Например, носители русского языка более активно используют тактику призыва к откровенности для реализации кооперативной стратегии искренности, в то время как носители английского языка чаще употребляют тактику признания.

В данном исследовании были рассмотрены различные типы коммуникативных ситуаций, анализ которых позволяет утверждать, что кооперативные стратегии благодаря своему универсальному прагматическому потенциалу могут не только поддерживать благоприятную атмосферу общения и конструктивные намерения коммуникантов в ситуации сотрудничества или нейтральной ситуации, но также смягчать или разрешать конфликтные ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Радюк, А. В.* Функционально-прагматические свойства кооперативных речевых стратегий и тактик в английском деловом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Радюк. – М., 2013. – 226 л.
2. *Певнева, И. В.* Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Певнева. – Кемерово, 2008. – 19 с.
3. *Третьякова, В. С.* Речевой конфликт и гармонизация общения : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. С. Третьякова. – Екатеринбург, 2003. – 301 л.

The article is devoted to the study of the most common types of communicative situations which are used to form the environment of everyday speech. The comparative analysis of Russian and English cinematographic discourse has shown that there are three main types of communicative situation in the discourse under study: the situation of cooperation, conflict and neutral situation.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

О. А. Гергиев

ЭМОТИВНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются эмотивно-экспрессивные синтаксические конструкции в публичной речи на английском и белорусском языках. В результате контрастивного анализа были выявлены наиболее употребительные риторические фигуры, служащие маркерами категории эмотивности. Сходства обусловлены общей интенцией ораторов, в то время как различия – разными риторическими традициями, а также особенностями национального характера британцев и белорусов. Установлены некоторые закономерности употребления эмотивно-экспрессивных синтаксических конструкций в публичном выступлении.

В последнее десятилетие интерес лингвистов все чаще направлен на изучение «человека чувствующего». Это приводит к появлению работ, в которых изучается взаимодействие эмоций и языка. В связи с этим растет интерес к исследованию категории эмотивности и расширяется спектр изучения данного вопроса.

Психологами давно установлено, что при помощи выражения эмоций становится возможным управление не только настроением собеседника, но и его мнением. Это свойство эмоций является мощным оружием в руках ораторов, первостепенная задача которых – побудить аудиторию принять аргументируемый тезис [1, с. 107].

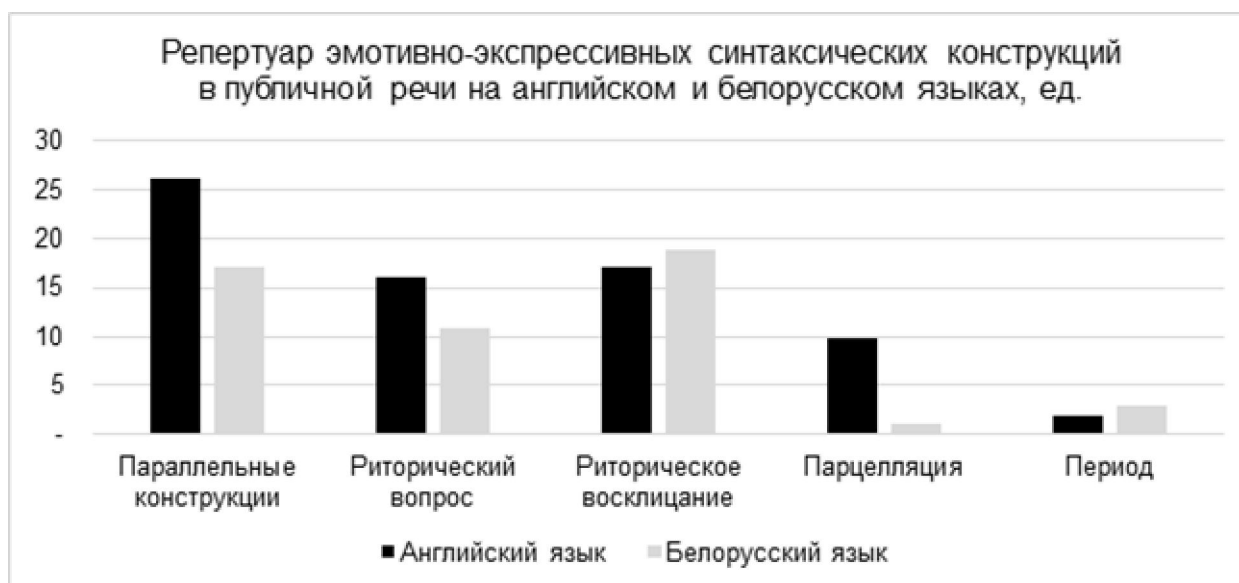
Категория эмотивности многогранна и многоаспектна. Эмоции могут быть выражены на всех языковых уровнях. Однако в рамках настоящей статьи мы сосредоточим свое внимание на анализе синтаксических конструкций (риторических фигур), которые также представляют собой важнейший инструмент эмоционального воздействия в репертуаре оратора. Как пишет И. В. Арнольд, «эмоциональность и экспрессивность могут быть переданы в речи не только специальным выбором слов... но и особым их размещением» [2, с. 219].

Что касается отношения категорий эмотивности и экспрессивности, то в данном исследовании мы придерживаемся мнения тех ученых, которые считают экспрессивность более широкой категорией [3; 4]. «В основе экспрессии находится эмоциональное отношение (и в процессе кодирования,

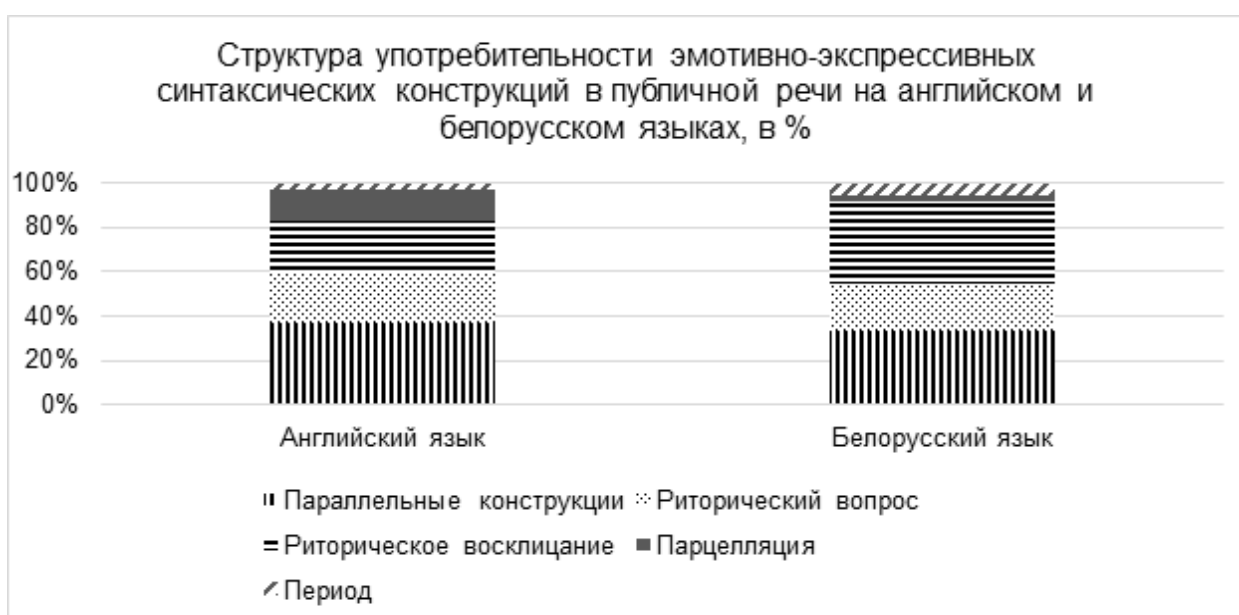
и в процессе декодирования), в то время как эмоциональное может быть и неэкспрессивным. Иными словами, экспрессия не включает в себя обязательно каждую эмоцию, а только сознательную, закодированную» [5, с. 18–19].

С целью выявления набора эмотивно-экспрессивных синтаксических средств мы провели сопоставительный анализ 100 публичных речей на английском и белорусском языках. Тексты были отобраны методом сплошной выборки с целью получения наиболее объективных результатов. В представленных ниже табл. 1 и 2 отражены полученные статистические данные.

Т а б л и ц а 1

Т а б л и ц а 2

Анализ показал, что при относительно одинаковом объеме материала исследования (120 и 112 страниц печатного текста для англоязычной и белорусскоязычной публичной речи соответственно), в выступлениях белорусских ораторов реже используются эмотивно-экспрессивные синтаксические конструкции (см. табл. 1). Связано это, на наш взгляд, с тем, что белорусская риторическая наука находится на этапе своего становления, в то время как в Великобритании искусство красноречия имеет долгую историю, ему отведено значительное место в школьных и университетских программах.

Если рассматривать общую долю употребительности тех или иных синтаксических средств в англо- и белорусскоязычных текстах, то ситуация выглядит более однородной. Наиболее употребительными и в публичных выступлениях британских ораторов, и в публичных выступлениях белорусских ораторов являются параллельные конструкции, риторические вопросы и риторические восклицания (см. табл. 2).

Интересным является тот факт, что британские ораторы чаще обращаются к парцелляции как риторической фигуре, чем белорусскоязычные риторы, в выступлениях которых парцелляция практически не была зафиксирована: *It began with words. **With discrimination. With ordinary people not standing up to hatred*** [SJ1] ‘Началось все со слов. С дискриминации. С ненависти’ (здесь и далее перевод наш. – О. Г.).

Что касается риторического восклицания, то британские ораторы чаще используют его как маркер юмора. Так, министр культуры Великобритании Саджид Джавид, выступая перед аудиторией в Вестминстерском аббатстве, открывает свою речь небольшим экскурсом в историю самого здания. История гласит, что монахи, управлявшие аббатством, были настолько недовольны политиками и их собраниями, что, после того как Парламент переехал, на фреске Микеланджело «Страшный суд» они нарисовали вместо мучеников этих политиков. Следующая за этой историей реплика министра *I don't want to come back in a couple of year's time and find that Simon has added a bald, Asian guy to one of the paintings!* [SJ2] ‘Надеюсь, что, когда через пару лет я сюда вернусь, я не увижу, как Саймон добавил на одну из картин лысого парня азиатской внешности’ позволяет оратору посредством самоиронии расположить к себе аудиторию. По мнению М. Я. Блох, «в британской традиции юмор является необходимым компонентом публичной речи, в том числе и академической. Это <...> обусловлено требованиями этоса, отражающими особенности национального характера и стереотипов речевого общения» [6, с. 172].

Риторические восклицания в белорусскоязычных публичных выступлениях чаще выражают восторг и восхищение: *Янка Купала і Якуб Колас! Якуб Колас і Янка Купала!* [AL1].

В ходе анализа также были обнаружены некоторые закономерности употребления эмотивно-экспрессивных синтаксических конструкций. Риторические восклицания используются чаще всего либо в начале публичной речи как средство создания эмоциональной атмосферы, необходимой для успешной аргументации, либо в заключении выступления как маркер призыва. Бывший министр культуры Беларуси так завершает свое выступление на презентации, посвященной народному поэту Беларуси Янке Купале: *Запрашаем усіх, хто цікавіцца беларускай культурай наведваць у гэты год музейныя ўстановы, звязаныя з жыццём і творчасцю песняра, іматлікія мерапрыемствы, якія будуць ладзіцца на працягу года і, нарэшце – перачытаем Янку Купалу разам!* [PL].

Риторические вопросы и параллельные конструкции чаще используются ораторами в основной части выступления как средство эмоционального усиления аргументации: *And having seen an audience full of teenagers utterly gripped by The Young Vic's production of A View From The Bridge, I'm more than happy to confirm that Arthur Miller has not been banned from the nation's classrooms. Harper Lee's Mockingbird has not been killed. John Steinbeck's Grapes of Wrath have not been squashed* [SJ3] 'И видя полный зал молодежи, замороженной постановкой пьесы «Вид с моста» в театре «Янг Вик», я с радостью заявляю, что Артур Миллер не был забыт, что Пересмешник Харпер Ли не был убит, что Гроздья гнева Джона Стейнбека не были раздавлены'; *Калі мы прыязджаем на гастролі, дык нам кажучь: навошта ісці на канцэрт і плаціць грошы за білеты, калі зараз на плошчы будзе бясплатнае мерапрыемства! А як філармоніі акупіць такі канцэрт?* [AY].

Период же в большинстве случаев используется в завершении выступления как средство создания эмоциональной кульминации речи: *If we want the next generation to understand the pivotal role that our cultural heritage has played in shaping the Britain we live in today, and if we want to ensure that we nurture the next generation of Tracey Emin, Andrew Lloyd Webbers and Helen Mirrens, then we need to inspire a love of art, design, music, drama and culture from the very first day of young person's education and keep it going throughout the rest of their life* [NM] 'Если мы хотим, чтобы следующее поколение осознавало ключевую роль, которую играет культурное наследие в формировании Британии сегодня, и если мы хотим быть уверены в том, что у нас получится воспитать еще одно поколение наподобие поколения Трейси Эмин, Эндрю Ллойд Уэббера и Хелен Миррен, тогда мы должны воспитывать в них любовь к искусству, дизайну, музыке, драме и культуре, начиная с начального образования и на протяжении всей жизни'; *Таму, калі Бог выдзеліў беларусаў з мноства народаў свету, калі Бог даў ім месца на нашай*

зямлі, калі Бог надзяліў беларусаў адметнай мовай, арыгінальнай нацыянальнай літаратурай, багатай духоўнай спадчынай, даў нам такіх нацыянальных волатаў, як Янка Купала і Якуб Колас, то наш з вамі святы абавязак зберагчы ўсё гэта для наступных пакаленняў беларусаў [AL1].

Таким образом, набор и употребительность эмотивно-экспрессивных синтаксических средств в публичной речи на английском и белорусском языках имеет как ряд сходств, так и ряд различий. Сходства обусловлены общей интенцией ораторов – оказать воздействие на аудиторию и в конечном итоге склонить ее к своей точке зрения, в то время как различия связаны с особенностями риторических традиций и чертами национального характера британцев и белорусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова, Т. В. Современная деловая риторика : учеб. пособие / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. – 2-е изд. – М. : МПСИ, 2004. – 432 с.
2. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 5-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
3. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
4. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 141 с.
5. Тошович, Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков / Б. Тошович. – М. : Языки слав. культуры, 2006. – 560 с.
6. Блох, М. Я. Публичная речь и ее просодический строй / М. Я. Блох, Е. Л. Фрейдина. – М. : Прометей, 2011. – 236 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- SJ1 – *Javid, S.* Speech at the National Event Marking Holocaust Memorial Day [Electronic resource] / S. Javid. – Mode of access : <https://www.gov.uk/government/speeches/holocaust-memorial-day-2017>. – Date of access : 11.02.2017.
- SJ2 – *Javid, S.* Speech at the Launch of Historic England and New English Heritage Trust [Electronic resource] / S. Javid. – Mode of access : <https://www.gov.uk/government/speeches/sajid-javids-speech-at-the-launch-of-historic-england-and-new-english-heritage-trust>. – Date of access : 18.11.2016.
- AL1 – *Лукашанец, А. А.* Выступленне на ўрачыстым вечары, прысвечаным 130-годдзю з дня нараджэння народных паэтаў Беларусі Янкі Купалы і Якуба Коласа / А. А. Лукашанец // Беларуская мова ў XXI стагоддзі: развіццё сістэмы і праблемы функцыянавання. – Мінск, 2014. – С. 356–358.

PL – *Латушка, П. П.* Выступленне міністра культуры Рэспублікі Беларусь Паўла Латушкі на прэзентацыі «Аўтографы першага народнага паэта Беларусі Янкі Купалы» [Электронны рэсурс] / П. П. Латушка. – Режим доступу : <http://www.kultura.by/news/ab-adkrytsts-yub-leinaga-goda-yank-kupaly>. – Дата доступу : 21.12.2015.

SJ3 – *Javid, S.* Culture for All Speech. – Mode of access : <https://www.gov.uk/government/speeches/culture-for-all>. – Date of access : 02.07.2015.

AУ – *Ярмоленка, А. І.* Як стаць сапраўднымі і «сваімі»? [Электронны рэсурс] / А. І. Ярмоленка. – Режим доступу : <http://kimpres.by/index.phtml?page=2&id=3588>. – Дата доступу : 05.02.2015.

NM – *Morgan, N.* The Arts Underpin Our Understanding of Britishness [Electronic resource] / N. Morgan. – Mode of access : <https://www.gov.uk/government/speeches/the-arts-underpin-our-understanding-of-britishness>. – Date of access : 18.11.2016.

The paper considers the rhetorical figures that mark the category of emotiveness in British and Belarusian public speeches. The results of the contrastive analysis elucidate the index of frequency and some patterns of rhetorical figure usage in public speech.

Т. Н. Гребень

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СРЕДСТВ РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА В МЕДИАДИСКУРСЕ НА БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются синтаксические разговорные единицы и их роль в манипулировании общественным мнением посредством воздействия на эмоции адресата. Установлено, что эллипсисы, присоединительные конструкции, вопросительные предложения, вставные конструкции, незавершенные предложения, повторы и эксплетивы могут служить для эмоционального оформления аргумента. Подробно рассматриваются наиболее употребительные средства разговорного синтаксиса в медиадискурсе на двух языках (эллипсисы, присоединительные конструкции, вопросительные предложения) и их манипулятивный потенциал. Отмечается, что в англоязычном медиадискурсе, по сравнению с белорусскоязычным, данные единицы в эмоционально-экспрессивной функции чаще встречаются в прямой речи, что свидетельствует об использовании авторами другого приема манипулирования – ссылки на авторитетное мнение.

Согласно последним исследованиям в области медиалингвистики, в которых отмечается тенденция к преобразованию в сфере целевых установок прессы, ее жанровой парадигмы, социокультурной специфики и лингвостилистического своеобразия, в настоящее время целесообразно определять газетные публикации в качестве «своеобразного социально-лингвистического феномена, включенного в систему управления обществом» [1, с. 4].

Острота и масштабность проблемы управления, или манипулирования, обществом и общественным сознанием были продемонстрированы еще в XX веке представителями Франкфуртской школы. В своих исследованиях массовой культуры и средств массовой информации, в частности, они неоднократно критиковали СМИ, которые ставят человека в зависимость от окружения и заставляют его воспринимать навязываемые ему потребности как свои собственные [2; 3].

Этимология самого слова *манипуляция* восходит к французскому *manipulation*, образованному от латинского *manipulus* ‘пригоршня, горсть’, *manus* ‘рука’, и в Большом энциклопедическом словаре толкуется как «действие рукой или руками при выполнении какой-либо сложной работы; сложный прием в ручной работе» [4]. В то же время англоязычные словари «Oxford Learner’s Dictionary» и «Macmillan Dictionary» в качестве первого значения приводят следующие толкования соответственно: «behaviour that controls or influences somebody/something, often in a dishonest way so that they do not realize it» [5] и «behaviour that influences someone or controls something in a clever or dishonest way» [6]. В результате сопоставления толкований становится очевидным, что в современных англоязычных справочных изданиях первым приводится новое, переносное значение слова – ловкое обращение с людьми, что, вероятно, связано с давней традицией изучения манипулирования в англоязычных странах.

Опираясь на результаты анализа соответствующих теоретических источников, можно утверждать, что исследования языкового манипулирования в области средств массовой информации успешно ведутся зарубежными лингвистическими школами на протяжении многих лет [7; 8]. В отечественной лингвистике, также как в российской и украинской, данное направление стало изучаться лишь в последние десятилетия [9; 10; 11; 12].

Обращаясь непосредственно к *языковому манипулированию*, необходимо уточнить, что под ним, как правило, понимается «использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении; скрытого – значит неосознаваемого адресатом» [13, с. 145]. Исходя из приведенных выше определений, можно выделить основные признаки манипуляции. Во-первых, это вид психологического, а не физического воздействия. Во-вторых, манипуляция – это скрытое воздействие, которое не должно быть замечено объектом манипуляции, поэтому

при манипуляции важно добиться от адресата ощущение самостоятельности принятия решения. Манипулятор всегда стремится к созданию иллюзии самостоятельности принятия решения реципиентом.

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что манипуляция присутствует во всех сферах общественной жизни. Считается, что наиболее ярко этот феномен проявляется в политической сфере и рекламе. Однако замечено, что языковое манипулирование имеет место также в газетных публикациях социально значимой тематики, где особую роль в манипулировании играют разговорно-синтаксические единицы. В качестве материала настоящего исследования выступили белорусскоязычные и англоязычные очерки и репортажи, опубликованные в высокотиражных печатных изданиях Беларуси и Великобритании («Звезда», «Народная газета», «Настаўніцкая газета», «Культура», «The Guardian», «The Independent», «The Telegraph», «The Observer»).

Прежде чем определить специфику языкового манипулирования посредством разговорно-синтаксических единиц, кратко остановимся на определении самого понятия *разговорная речь*. В настоящем исследовании мы придерживаемся определения, которое было предложено М. В. Пановым [14] и развито в исследованиях группы ученых под руководством Е. А. Земской в рамках Московской школы функциональной социолингвистики. Согласно разработанной ими теоретической концепции, разговорная речь, будучи некодифицированной разновидностью литературного языка, противопоставляется кодифицированному литературному языку [15]. Противопоставление данных разновидностей литературного языка основывается на трех экстралингвистических факторах – разговорная речь используется в ситуациях непринужденного, неподготовленного общения при непосредственном участии говорящих в акте коммуникации [16, с. 5].

Исходя из сказанного выше, можно заключить, что в медийном дискурсе синтаксические разговорные средства представляют собой особые, выделенные единицы, поскольку находятся в окружении нейтрального, кодифицированного языка. В этой связи они являются более привлекательными для реципиента, следовательно, на них приходится значительная доля читательского внимания. Такая маркированность способствует тому, что разговорно-синтаксические средства выступают благоприятной средой для локализации различных манипулятивных приемов. Остановимся подробно на одном из самых популярных.

Американским ученым Н. Хомским было установлено, что эффективным способом манипуляции общественным сознанием является воздействие на эмоции в гораздо большей степени, чем на размышления [7]. Использование эмоционального фактора позволяет проникнуть в подсознание с целью внедрения туда устойчивых моделей поведения, мыслей, желаний и т.п. [Там же].

В результате проведенного анализа было установлено, что в медиажанрах на белорусском и английском языках встречаются разговорно-синтаксические средства, которые либо эмоционально насыщены по своей природе, либо выполняют эмоционально-экспрессивную функцию в том или ином контексте. При этом доля таких единиц в рассмотренных очерках и репортажах достаточно велика: 20,3 % от общего числа выявленных разговорно-синтаксических единиц в белорусскоязычном медиадискурсе и 25,4 % – в англоязычном. Так, вставные конструкции нередко содержат эмоционально оформленное сообщение; незавершенные предложения призваны вызывать у читателя определенные чувства в отношении происходящего; повторы отдельных слов выступают своеобразным средством эмфатизации, способствующим усилению общей эмоциональной выразительности медиадискурса; сопровождающие речь и выражающие эмоции эксплетивы, «аффективное содержание которых преобладает над их предметно-логическим значением» [17, с. 163], также служат для эмоционального оформления аргумента. Однако наиболее употребительными в медиадискурсе на двух языках являются эллипсисы, присоединительные конструкции и вопросительные предложения, манипулятивный потенциал которых будет подробно рассмотрен далее.

Среди эллиптических предложений, встретившихся в медиадискурсе на двух языках, выявлены эллипсисы, *апеллирующие к эмоциям адресата* [18]. Например, в очерке о деревенской семье, которая выиграла конкурс на самый образцовый дом, встречаются следующие строки: *Гэта ўсё для нас саміх: каб было прыемна пасля працоўнага дня прыйсці дадому, адпачыць і заняцца дзецямі. Калі мы сюды прыйшлі, тут быў толькі дом з голымі сценамі і маленькі хлеў. Усё зроблена сваімі рукамі. Ремонт бацька робіць самастойна, а ў гаспадыні хапае часу за працай, домам і дзецямі займацца кветкамі. <...> Ці можна было б усяго гэтага без жонкі дасягнуць? – неяк здзіўлена перапытвае Міхаіл. – **Без Наташы было б немагчыма!** Ды і мне аднаму гэта не патрэбна! Удавіх жыць і працаваць весялей.* Очевидно, что здесь пропагандируются семейные ценности, личные человеческие качества, которые ставятся выше амбициозных профессиональных или личных целей. Используя эллипсис данного прагматического типа, автор на эмоциональном уровне внедряет в сознание читателя идею о том, что даже в наше активное время человек может быть счастлив вдалеке от города, ведя спокойную, размеренную жизнь, занимаясь ежедневным физическим трудом, преодолевая жизненные трудности, однако оставаясь достойным человеком и порядочным семьянином.

В англоязычном очерке британец Найджел Фарадж резко высказывается в адрес главы англиканской церкви и подытоживает свою речь эллиптическим предложением, апеллирующим к эмоциям адресата: *I know the Anglican church*

*isn't much good, but <...> with that idiot having run the show for the last 10 years that's hardly surprising. **Couldn't even clip his beard for the royal wedding!*** 'Я знаю, что англиканская церковь не очень хороша, но с этим идиотом, который управляет в течение последних 10 лет, это совсем не удивительно. Даже не мог отрезать свою бороду ради королевской свадьбы!' (здесь и далее перевод наш. – Т. Г.). Примечательно, что господин Фарадж использует эллипсис данного типа в заключение своей речи, как бы ставя точку в размышлениях. Такая эмоциональная категоричность, как правило, блокирует рациональный анализ и критическое восприятие со стороны адресата [7].

Среди прагматических функций, выполняемых присоединительными конструкциями в медиадискурсе на белорусском и английском языках, особое место занимает *эмоционально-экспрессивная* [18], поскольку обладает значительным потенциалом воздействия на читателя. Во-первых, присоединяемые единицы являются намеренно выделенными отрезками сообщений, которые, в соответствии с замыслом автора, содержат все то, что необходимо специально выделить, подчеркнуть, а во-вторых, эмоционально-экспрессивная форма подачи данных отрезков сообщений воздействует на человеческое подсознание, позволяя внедрять в него любые идеи. Рассмотрим следующий пример: *Пазней, калі я пабачыў здымкі будаўніцтва, – я ўспомніў храм у Сар'і на Верхнядзвіншчыне. Той самы касцёл, які пасля паўстання Каліноўскага перадалі праваслаўным з фармулёўкай «з прычыны асаблівай прыгажосці». **Адна частка Саграда Фамілія нагадвае яго вельмі моцна. А Сар'я, дарэчы, збудаваная на сорок гадоў раней!..*** Здесь заметно желание автора пробудить патриотические чувства читателей к своей родине, внедрить идею о значимости белорусского народа и культуры в мировом контексте.

В очерке на английском языке встретился следующий пример присоединительной конструкции в эмоционально-экспрессивной функции: *Our eldest boy has a terminal condition: Duchenne muscular dystrophy. He's already four years past the age at which we expected him to no longer be with us, so we have quite a few medical issues with his respiratory health... But he's incredibly happy. He has a mild learning difficulty, but he's lovely. Really lovely. **He has a mild learning difficulty, but he's lovely. Really lovely*** 'У нашего старшего мальчика смертельный диагноз: мышечная дистрофия Дюшенна. Он уже прожил на четыре года больше, чем мы ожидали, поэтому у нас немало медицинских проблем с его респираторным здоровьем. <...> Но он невероятно счастлив. У него небольшие трудности с учебой, но он милый. Очень милый'. В данном примере посредством положительной эмоциональной оценки смертельно больного ребенка автор пытается пробудить у читателей не только чувство сострадания, но и внедрить мысль о равноправии всех людей, отмечая, что тяжелобольные люди, несмотря на свой недуг, сильные, милые, счастливые, оптимистичные.

Среди вопросительных предложений, выполняющих разные прагматические функции, можно выделить вопросы, выражающие *эмоциональную реакцию* говорящего [18]. Например: *Я слухаю яе і разумею, што фітнэс і прабежкі на вечарах, безумоўна, твораць цуды, але ж якая павінна быць сіла волі?* В данном случае манипуляция направлена на формирование устойчивой модели поведения современной женщины – сильной, активной, независимой личности.

В англоязычном медийном дискурсе показательным является пример, в котором автор пытается выяснить причины, почему в течение трех лет никто не заметил отсутствия 38-летней девушки, которая умерла в своей лондонской квартире: *The first response to my adverts was from Karen, but it turned out she never knew Joyce. "I was a neighbour. I lived on her doorstep. I got my old diaries out. Had I seen her? Had I written about her? All the neighbours – where were we? Why didn't we talk to her?"* «Первым, кто откликнулся на мои объявления, была Карен, но оказалось, что она никогда не знала Джойс: «Я была ее соседкой. Я жила с ней в одном подъезде. Я достала свои старые дневники. Видела ли я ее? Писала ли я о ней? Все соседи – где мы были? Почему мы с ней не общались?» Рассматриваемые вопросительные предложения, хотя и производят впечатление вопросов, приглашающих читателей к размышлению, на самом деле являются упреком, что оказывает сильное эмоциональное влияние на адресата, заставляя его испытывать чувство вины по отношению к окружающим его людям.

Анализируя средства разговорного синтаксиса, выполняющие эмоционально-экспрессивные функции, было замечено, что большинство из них встречаются в рамках прямой речи, что свидетельствует о другом приеме манипулирования – ссылке на авторитетное мнение в каждом конкретном случае. Информация, полученная от первоисточника, как правило, вызывает доверие адресата, и у человека, как объекта манипулятивного воздействия, формируется соответствующее отношение к сообщению.

Таким образом, средства разговорного синтаксиса в медиадискурсе как на белорусском, так и на английском языках могут участвовать в манипулировании социумом путем воздействия на эмоциональную сферу общественного сознания. Основное различие заключается в том, что в англоязычных медиажанрах наиболее употребительные разговорно-синтаксические единицы, выполняющие эмоционально-экспрессивную функцию, шире представлены в прямой речи участников коммуникации, что может свидетельствовать о большем манипулятивном воздействии в британском медийном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков, И. В. Критический анализ дискурса печатных СМИ: особенности освещения северокавказского конфликта 1998–2000 гг : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Жуков ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2002. – 16 с.
2. Marcuse, H. One-Dimensional Man : Studies in Ideology of Advanced Industrial Society / H. Marcuse. – Beacon Press, 1964. – 257 p.
3. Horkheimer, M. Eclipse of Reason / M. Horkheimer. – Oxford Univ. Press, 1947. – 191 p.
4. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / под ред. А. М. Прохорова. – М., 2002. – Режим доступа : <http://alcala.ru/entsiklopedicheskij-slovar/slovar-M/44993.shtml>. – Дата доступа : 18.11.2017.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/manipulation?q=manipulation>. – Date of access : 18.11.2017.
6. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/manipulation>. – Date of access : 18.11.2017.
7. Chomsky, N. Necessary Illusions: Thought Control in Democratic Societies / N. Chomsky. – Boston, MA : South End Press, 1989. – 424 p.
8. Adams, W. R. Reading beyond words / W. R. Adams, J. Brody. – Harcourt Brace College Publ., 1995. – 404 p.
9. Сорокин, А. А. Трансформация массового сознания в политическом процессе: сущность, специфика, проблема манипуляции : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А. А. Сорокин ; Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск, 2016. – 23 с.
10. Попова, Е. С. Рекламный текст и проблемы манипуляции : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. С. Попова ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – 27 с.
11. Колтышева, Е. Ю. Манипулятивное воздействие в современном рекламном тексте (на материале англоязычных гляцевых журналов для женщин) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; 10.02.04 / Е. Ю. Колтышева ; Ярослав. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2008. – 23 с.
12. Зірка, В. В. Мовна парадигма маніпулятивної гри в рекламі : автореф. дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.02 / В. В. Зірка ; НАН України, Ін-т мовознавства. – Київ, 2005. – 32 с.
13. Борисова, Е. Г. Имплицитная информация в рекламе и пропаганде / Е. Г. Борисова, Ю. К. Пирогова, В. Э. Левит // Имплицитность в языке и речи. – М., 1999. – С. 145–151.

14. *Панов, М. В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку : в 2 т. / М. В. Панов ; под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. – М. : Языки слав. культуры, 2004–2007. – Т. 1. – 2004. – 562 с.
15. Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1973. – 485 с.
16. *Земская, Е. А.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
17. *Скребнев, Ю. М.* Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев ; под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 210 с.
18. *Гребень, Т. Н.* Средства разговорного синтаксиса в медийном дискурсе (на материале белорусского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Т. Н. Гребень ; Минск. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2016. – 26 с.

The paper considers colloquial syntactic means in media discourse and their role in emotional manipulation. The number of such colloquial items and their peculiarities in Belarusian and English media discourse are revealed.

Н. В. Зиневич

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НАУЧНЫХ ОБОБЩЕНИЙ КАК ФАКТОР ИХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

В статье рассматривается обобщенность как одна из универсальных стилеобразующих черт научной речи и систематизируются основные подходы к определению обобщения и средств его формального выражения в языке науки. Анализ показал, что под научными обобщениями могут пониматься принципиально разные сущности, варьирующиеся от автономных отвлеченно-обобщенных предложений до обобщающих высказываний как составных единиц текста. Для устранения имеющейся многозначности в терминологии предлагается учитывать такие универсальные характеристики высказываний, как их семантическая структура, особенности функционирования и прагматический потенциал.

Научному функциональному стилю традиционно приписываются такие универсальные черты, как логичность, последовательность, ясность, обобщенность и т.п. Обязательное присутствие и предопределяющий характер данных черт в языке науки позволил исследователям отнести их к основным стилеобразующим факторам научной речи. Целью данной статьи является анализ научного стиля с точки зрения **обобщенности** как одной из его

важнейших универсальных характеристик. Для демонстрации универсальности данной стилеобразующей черты примеры будут приводиться из англо-, русско- и белорусскоязычных научных статей.

При общем признании обобщенности как основополагающего свойства любого научного произведения исследователи расходятся в понимании того, что конкретно под этим следует понимать. В результате мы имеем дело с фактической терминологической омонимией, поскольку речь зачастую может идти о принципиально разных сущностях, которые, тем не менее, одинаково означиваются.

Проанализируем основные подходы к определению обобщенности в языке науки. В многозначности данного термина можно убедиться на примере *обобщающих высказываний*, которые в зависимости от ракурса исследования рассматриваются либо как изолированные единицы синтаксического порядка, либо как составные элементы текста.

При изучении обобщений в качестве независимых синтаксических единиц исследователи выделяют, с одной стороны, высказывания, чьи субъекты, с одной стороны, конкретны, но не определены, а, с другой, высказывания, где субъект не имеет конкретного референта вовсе. Таким образом, с целью последовательного сопоставления различных точек зрения внимание будет сосредоточено на специфике такого семантического аспекта обобщающего высказывания, как его *референциальный статус* (Е. В. Падучева, И. М. Кобозева).

Прежде всего, остановимся на единицах, в которых отсутствует указание на конкретного производителя действия (агенса): <...> СДД [способы дзеяслоўнага дзеяння] *могуць быць згрупаваны з пункту погляду суадноснасці іх значэнняў са значэннямі пераходнасці/непераходнасці...* [С.К., с. 106]. В таких высказываниях обобщенность синонимична устранению субъективно-эмоционального начала. Тем самым в фокус выходит непосредственно процесс научного поиска и его актуализации. Сравним для примера две конструкции: *Такім чынам, мы прыйшлі да высновы...* и *Такім чынам, можна зрабіць выснову...*. В первом случае содержится прямое указание на субъекта действия (*мы*), тогда как второй пример скорее акцентирует сам факт подведения итогов, нежели участие в нем автора научного произведения.

Н. М. Разинкина объясняет широкое использование бессубъектных конструкций в научном тексте тем, что «научная проза представляет собой такую форму высказывания, которая постоянно отражает рассудочную деятельность человека, и язык науки имеет те же свойства, что и само научное исследование: безличность, объективность, рассудочность» [1, с. 16].

Таким образом, обобщенное высказывание в данной трактовке соотносится с отвлеченностью научного изложения и более точно может быть охарактеризовано как высказывание **обобщенно-отвлеченное**.

Обобщенно-отвлеченные высказывания традиционно ассоциируются с такими средствами языкового выражения, как обобщенно-личные (*Разгледзім...*), безличные конструкции (*Неабходна заўважыць, што...*) и страдательные (пассивные) структуры (*It is suggested in the paper* 'В статье предлагается'). Исключение производителя действия из структуры предложения также возможно в результате использования разнообразных номинализаций, выраженных отглагольными существительными (*развитие, перераспределение* и т.д.).

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что для обобщенно-отвлеченных высказываний характерен конкретный, но *не определенный референциальный статус* субъекта действия, когда референт ясен, но де-факто не сообщается адресату [2; 3]. Следовательно, в схематическом виде отвлеченно-обобщенное высказывание можно представить так: «Некоторый конкретный, но не сообщаемый читателю субъект производит определенное действие».

Таким образом, обобщенность в данном понимании заключается в стремлении максимально завуалировать субъект действия и представить сообщаемые сведения как объективный, лишенный субъективно-окрашенных смыслов, результат познания окружающей действительности: *It is suggested in the paper that...* 'В статье предлагается'; *Неабходна заўважыць, што...* .

Помимо рассмотрения обобщенности как способа устранения авторской позиции из научного изложения, существует и другая точка зрения на то, что представляют собой изолированные от контекста обобщающие высказывания. Согласно этому взгляду как обобщение можно рассматривать суждение, относящееся к целым классам объектов, т.е. **генеритивное высказывание**.

С данной точки зрения высказывание считается обобщающим, если в нем присутствует нереферентный (неконкретный) субъект, который относится к некоторому широкому классу и поэтому не связан с четким референтом в окружающем мире. Нереферентные субъекты в генеритивных высказываниях могут отличаться характером своего референциального статуса – универсальным, экзистенциальным или родовым.

Референтом субъекта с *универсальным* референциальным статусом является «все множество сущностей, обозначенное соответствующим именным выражением, т.е. весь экстенционал этого выражения» [4, с. 235]. Такие высказывания истинны для любого человека, для любой эпохи. Например: *Все люди смертны*. Соответственно, универсальное обобщающее высказы-

вание можно трактовать как суждение о постоянных (регулярно повторяющихся) характеристиках/свойствах, приписываемых некоторому субъекту, выступающему в роли представителя целого класса однотипных сущностей.

Универсально-генеритивная обобщенность представляет собой отдельную функционально-семантическую категорию, поскольку она обладает целым рядом повторяющихся грамматических, лексико-семантических, стилистических, текстуальных и прагмакоммуникативных признаков [5], среди которых отмечаются:

1) обобщенность субъекта *модуса* – квалифицирующей части высказывания, дающей ту или иную оценку непосредственного сообщения (диктума): (**Все знают, что**) *без труда не вытянешь и рыбку из пруда*;

2) обобщенность субъекта *диктума*: ...**all n-ary constructions have well-defined ways of calculating the constructed node** [L.P., p. 339] ‘Для всех конструкций с n-арными отношениями имеются хорошо разработанные приемы просчитывания вершины конструируемого графа (здесь и далее перевод наш – Н. З.). В морфологическом отношении для субъекта универсальных обобщений характерна нейтрализация оппозиции единичности/множественности. К примеру: *Фразеологізм ад гэтага <...> становіцца больш устойлівым* [М.Д., с. 120];

3) вневременной характер диктумного предиката. Генерализующее настоящее способствует наибольшей обобщенности субъекта действия;

4) генерализация также может подкрепляться местоименными наречиями всеобщности типа *все, всё, в общем, в целом, всегда, никогда* и т.п., функционирующими как кванторы всеобщности (явные или имплицитные).

Таким образом, стереотипная схема для построения универсального генеритивного высказывания выглядит следующим образом: «**Все** знают, что **все** объекты данного класса **всегда** производят определенное действие/являются носителями некоторого свойства».

Универсальные генеритивные высказывания могут принимать форму умозаключений, афоризмов, сентенций, пословиц, трюизмов, парадоксов. Основополагающим моментом в описании таких единиц (*сентенций* – кратких изречений нравоучительного порядка; например, *Без труда не вытянешь и рыбку из пруда*) является их содержательная **автономность**, возникающая из-за того, что они как бы выходят за рамки конкретного текста, экстраполируясь на опыт всего человечества [6; 7]. При этом под автономностью понимается семантическая самодостаточность высказываний и связанная с ней способность функционировать в любом контексте, а также «выступать как самостоятельное речевое произведение и как микротекст – составная часть макротекста» [8, с. 86]. При этом особенно важно, что

автосемантические высказывания-сентенции обладают особым статусом в тексте и являются носителями наиболее значимой – содержательно-концептуальной – информации [9].

При изучении функциональных стилей особенно важно, что сентенции могут употребляться не только в народном творчестве (в поговорках и сказках), но и в художественном тексте и научной речи. «Если в художественном тексте обобщенное содержание принимает форму сентенции/авторского афоризма морально-философского плана, то в научном тексте оно представляет сведения общего характера, которые могут быть известны широкому кругу читателей» [10, с. 107]. Проиллюстрируем данный тезис на примере высказывания, с которого начинается научная статья: *One of the major arguments which have led to the attempted construction of so-called text grammars is based on the assumption that **the notion of grammaticality is not absolute but relative*** [T.D., p. 75] ‘Один из основных аргументов, приведших к созданию так называемых грамматик текста, основан на предположении, что понятие грамматической правильности является не абсолютным, а относительным’.

В то же время, при сходной употребительности, научные и художественные сентенции существенно отличаются в прагматическом отношении. Как уже отмечалось, сентенция представляет собой философское суждение, чья основная цель состоит в оказании определенного дидактического воздействия на мировоззрение читателя. Вместе с тем, будучи по своей сути содержательно излишним, общее суждение в языке науки преимущественно ориентировано на активизацию фоновых знаний адресата и, следовательно, облегчение восприятия научного текста [11].

Вернемся к рассмотрению генеритивных обобщений. Помимо универсальных генеритивных высказываний, в целом ряде общих суждений может также отмечаться и *экзистенциальный* референциальный статус их субъекта – т.е. отсылающий к потенциально существующим, но не конкретизированным субъектам [12]: *Some verbs always incorporate, some usually do, some often do, some rarely do, and some never do* [M.M., p. 471] ‘Некоторые глаголы инкорпорируют всегда, некоторые – обычно, некоторые – редко, а некоторые – никогда’.

Еще один вариант возможной отсылки к обобщенным классам субъектов в генеритивных высказываниях – *родовой* референциальный статус, который выводит в фокус сообщения эталонного представителя некоторого множества сущностей: *Стол – это предмет мебели с четырьмя ножками*. Следует отметить, что высказывания с экзистенциальным и родовым субъектом широко распространены в научном тексте. Так, экзистенциальные выражения могут включать лексические единицы с семантическим признаком

неопределенной количественности, способствующие упорядочиванию подаваемой информации: *various, numerous, many, certain* и т.п. Для них характерны вневременные предикаты, разрушающие связь высказывания с моментом речи, а также использование артикля в генерализующей функции (для языков, где это возможно) [13].

Что касается субъекта модуса экзистенциальных и родовых высказываний, то он обычно не уточняется и может относиться как к самому говорящему, так и ко всем людям (в случае, если сообщается широко известный факт). Формулы «Я знаю (**все** знают), что **некоторые** объекты **всегда** производят определенное действие/обладают определенным свойством» и «Я знаю (**все** знают), что **типичный объект X** всегда производит определенное действие/обладает определенным свойством» в схематическом виде представляют содержание экзистенциальных и родовых обобщений соответственно [14; 15; 16].

Таким образом, проанализировав основные подходы к рассмотрению обобщений как изолированных от контекста высказываний, можно прийти к выводу, что обобщенность в данном понимании в первую очередь связывается с семантическими особенностями, а именно, референциальным статусом субъектов модуса и диктума и характером диктумного предиката.

Так, субъект модуса отвлеченно-обобщенных высказываний – это субъект речи, чаще всего автор научного произведения, сообщающий адресату некоторые сведения. Для субъекта диктума таких обобщений характерен неопределенный референциальный статус – производитель действия конкретен, но не сообщается. Особенности семантики обобщенно-отвлеченных высказываний закономерно отражаются в их прагматических функциях: такие обобщения в первую очередь служат для информирования о некотором действии (состоянии), субъект которого «обезличен» в целях акцентирования объективной научной информации.

Что касается научных генеритивных высказываний, то особенности их семантической структуры находят отражение в таких прагматических функциях, как информирование о некоторых постоянных характеристиках (экзистенциальные и родовые обобщения), активизация фоновых знаний читателя и передача содержательно-концептуальной информации (все виды генеритивных обобщений).

Перейдем к рассмотрению обобщающих высказываний как **составных единиц текста**. В лингвистике текста обобщение может рассматриваться со следующих позиций: 1) как одна из многих формально соединенных друг с другом единиц текста, участвующих в создании его связности, 2) как обусловленная экстралингвистической ситуацией сущность, 3) как один из видов внутритекстовых отношений.

Связность текста является одной из его ключевых категорий. Она отчетливо проявляется как на содержательном уровне, о чем свидетельствуют смысловые отношения между различными сегментами текста, так и на поверхностном – в виде языковых средств, маркирующих данные отношения.

В лингвистике середины и конца XX века главное внимание уделялось исследованию отношений между самостоятельными предложениями, а позднее – между абзацами (сверхфразовыми единствами) в аспекте их участия в формировании общей связности текста (когезии и когерентности) [17; 18; 19]. При этом внимание было сосредоточено на выявлении морфологических, лексических и синтаксических средств создания когезии.

В числе объективных достижений данного подхода была детальная систематизация внутритекстовых коннекторов, в том числе и тех, которые указывают на итог и обобщение сказанного ранее. При этом исследователи отмечали, что отношения вывода/следствия из сказанного ранее зачастую основываются на обобщении предыдущей информации. В качестве соответствующих коннекторов могут употребляться наречия, причастия, вводные слова, специальные обороты и конструкции связи, такие как *таким образом, следовательно, итак, словом, подытоживая, можно сказать, что* и т.п. [20].

Постепенно ученых стала интересовать более широкая проблематика, в том числе объективация мыслительного процесса ученого на текстовой плоскости [21; 22]. При анализе роли коннекторов в научном тексте уже учитывалась не только их функциональная нагрузка, но и то, как они представляют различные этапы познавательной активности автора.

Положение о том, что текст кардинальным образом зависит от широкого социокультурного контекста, в котором он создается, получило развитие в разработках Пермской научной школы [23; 24]. Применительно к научному тексту было установлено, что одними из основных факторов, определяющих его содержательную организацию, являются *фазы когнитивной деятельности субъекта познания (автора научного произведения)*. Считается, что в процессе интеллектуального поиска ученый проходит через определенные этапы, которые затем так или иначе объективируются в научном тексте. В общем виде мыслительная цепочка субъекта познания строится из таких действий, как *обнаружение проблемной ситуации, формулирование проблемы, выдвижение идеи и гипотезы, доказательство гипотезы, выведение закона/выработка вывода* [25].

Генетическая связь мышления и языка очевидным образом приводит к тому, что ментальные действия так или иначе актуализируются на текстовом пространстве [20]. Если говорить о мыслительной операции обобщения, то ее концентрация в научном тексте закономерно обнаруживается в выводах, где

в краткой форме излагаются основные идеи автора. Что касается описания одних из основных средств актуализации выводов, а именно обобщающих высказываний, то главное внимание ученых, как и прежде в формальном подходе, сосредоточивалось на их дискурсивных маркерах (типа *В заключение отметим, что...*) [26; 27].

Таким образом, становится заметной некоторая ограниченность описанных выше **формального** и **когнитивного** подходов в вопросе изучения специфики и языковой реализации научных обобщений, поскольку очевидно, что данные единицы не исчерпываются метатекстовой составляющей. Кроме того, анализ обобщений целесообразно проводить не только в микроконтексте, но и в аспекте их разнообразных связей с широким контекстом (целым текстом).

Задаче изучения обобщающих высказываний как особых единиц текста, актуализирующих одно из **логико-семантических отношений** между компонентами текста, посвящен ряд исследований как в российской, так и в зарубежной лингвистике. Так, И. К. Кардович на материале английского научно-технического текста установила, что основными типами внутритекстовых отношений являются *соединительные, противительные и каузативные*. Каузативные отношения, в свою очередь, подразделяются на *причинно-следственные* (соединяющие части в дедуктивных структурах) и *резюмирующие* (проявляющиеся в структурах индуктивных). Резюмирующие отношения включают *вывод, итог и обобщение*.

Как видно, в данном подходе *вывод* и *обобщение* впервые рассматриваются как текстуальные логико-семантические отношения каузативной природы, связывающие предложения в структурах индуктивного характера, где рассуждение идет от частного к общему. Это значит, что заключение и выводы в научном тексте всегда располагаются по отношению к своей обобщаемой части ретроспективно. При этом важно, что все виды резюмирующих отношений обеспечиваются с помощью *комбинированной (веерообразной) связи*, при которой смысловые связи устанавливаются между обобщающим суждением и совокупным содержанием всех обобщаемых высказываний [28].

Что касается исследования внутритекстовых отношений в зарубежной лингвистике, то с середины 80-х годов XX века здесь начинает активно разрабатываться теория риторической структуры [29]. В отличие от разработок российских специалистов в качестве объекта анализа здесь была избрана не жестко заданная единица (предложение или абзац), а гибко выбираемый объект – от части сложного предложения до группы предложений/абзацев, отвечающих задачам конкретного исследования. Основным критерием отбора здесь служит функциональная нагрузка речевого отрезка:

«Функции отрезков текста определяются в соответствии с той ролью, которую они выполняют в процессе достижения целей, поставленных при написании текста. Следовательно, риторическая структура текстов организуется вокруг функционально ориентированных элементов» [30]. В теории риторической структуры организация текста изучается через выявление так называемых *дискурсивных отношений* между нежестко заданными сегментами текста, которые могут быть как отмеченными, так и неотмеченными соответствующими поверхностными маркерами [31].

В ранней версии теории риторической структуры обобщение как отдельный вид дискурсивных отношений не выделялось, но при этом здесь рассматривались такие функционально сходные связи между текстуальными блоками, как *переформулирование предыдущей информации* и *резюмирование*. При сходном назначении – повторе сказанного ранее – данные отношения отличаются в протяженности задействованных сегментов: одинаковых по размеру в *переформулировании* и разных в *резюмировании*. Очевидно, что в резюме обобщается фрагмент, больший по объему, чем само обобщение. Дискурсивные отношения *переформулирования* и *резюмирования* отличаются также по ожидаемому воздействию на читателя [30; 31]. *Переформулирование* ориентировано непосредственно на содержание текста, а *резюмирование* – на способ его представления адресату. «Используя содержательно (текстуально) направленные отношения, отправитель текста хочет, чтобы читатель их распознал как средства передачи определенных смыслов; целью прагматически ориентированных отношений является возбуждение некоторой ответной реакции со стороны реципиента (сочувствие, вера, принятие информации)» [30].

В более позднем варианте теории риторической структуры при изучении обобщения исследователи отмечают, что в нем мысль автора идет от фрагмента, представляющего частный случай, к той части, где формулируется случай более общего характера (т.е. акцентируется индуктивный путь подачи материала) [30; 31]. Иными словами, финальная версия теории риторической структуры не только выделила обобщение как отдельный тип внутритекстовых логико-семантических (дискурсивных) отношений, но и обосновала его необходимость с прагматической точки зрения (с учетом фактора адресата).

Таким образом, имеющиеся достижения в области изучения обобщающих высказываний как единиц текстового порядка включают выявление и систематизацию их стереотипных маркеров, установление экстралингвистических оснований и прагматического потенциала, а также определение общих закономерностей формирования и функционирования в тексте.

Конкретно говоря, обобщающие высказывания как составные элементы текста не только обеспечивают его формальную связность, но и имеют четкую экстралингвистическую основу, отражая этап вывода/обобщения в цепочке познавательной деятельности автора. Кроме этого, обобщающие высказывания актуализируют соответствующие логико-семантические (дискурсивные) внутритекстовые отношения, являясь важным механизмом, обеспечивающим текстообразование. При этом важно, что обобщающие высказывания в таком понимании являются прагматически нагруженными единицами и служат не столько для информирования адресата, сколько для осуществления на него определенного воздействия (например, убеждения в правомерности сообщения и выдвижения наиболее значимой информации).

В заключение отметим, что, при всей несхожести основных подходов к определению научных обобщающих высказываний (либо как изолированных сущностей, либо как текстовых единиц), между ними прослеживаются важные сходства. Так, в любом понимании обобщение предполагает отвлечение от конкретных единичных фактов и переход на более высокий уровень абстракции, что, в свою очередь, отражается в значительном прагматическом потенциале актуализирующих его обобщающих высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Разинкина, Н. М.* Развитие языка английской научной литературы : Лингвостилистическое исследование / Н. М. Разинкина ; отв. ред. В. В. Шевякова. – М. : Наука, 1978. – 211 с.
2. Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Радуга, 1982. – Вып. 13 : Логика и лингвистика (Проблемы референции). – 431 с.
3. *Падучева, Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : УРСС, 2001. – 287 с.
4. *Кобозева, И. М.* Лингвистическая семантика : учебник / И. М. Кобозева. – Изд. 4-е. – М. : Либроком, 2009. – 359 с.
5. *Кондратьева, Г. Н.* Обобщенность как структурно-семантическая категория в современном русском языке / Г. Н. Кондратьева. – М. : Прометей, 1993. – 198 с.
6. *Золотова, Г. А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова ; под общ. ред. Г. А. Золотовой. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1998. – 528 с.
7. *Панова, О. В.* Рассуждение как тип речи в прагматическом аспекте (Аргументация и объяснение) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / О. В. Панова. – Улан-Удэ, 2001. – 185 л.

8. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / Моск. гос. ун-т ; под ред. М. В. Всеволодовой [и др.]. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989. – 183 с.
9. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Изд. 5-е. – М. : УРСС, 2007. – 144 с.
10. *Разинкина, Н. М.* Функциональная стилистика (на материале английского и русского языков) : учеб. пособие / Н. М. Разинкина. – Изд. 2-е. – М. : Высш. шк., 2004. – 271 с.
11. *Данилевская, Н. В.* Вариативные повторы как средство развертывания научного текста / Н. В. Данилевская ; под ред. М. Н. Кожиной. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 1992. – 144 с.
12. *Kuno, S.* Empathy and syntax / S. Kuno, E Kaburaki // *Ling. inquiry.* – 1977. – Vol. 8. – P. 627–672.
13. *Сластникова, Т. В.* Функционирование обобщающего высказывания в тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Т. В. Сластникова. – М., 1992. – 155 л.
14. *Cohen, A. M.* Think generic: The meaning and the use of generic sentences / A. M. Cohen. – Stanford : CSLI Publ., 1999. – 224 p.
15. *Lee, Ch.* Generic sentences are topic constructions / Ch. Lee // *Reference and referent accessibility.* – Amsterdam, 1996. – P. 213–222.
16. *Pelletier, F. J.* Generics : a philosophical introduction / F. J. Pelletier // *Kinds, things, stuff* ; ed. F. J. Pelletier. – Oxford, 2010. – P. 3–15.
17. *Голубева, А. И.* Скрепты как особый вид связочных средств и их функционирование в научном тексте / А. И. Голубева // *Научная литература: Язык, стиль, жанры* : сб. науч. ст. / Каф. иностр. яз. Акад. наук СССР ; отв. ред. М. Я. Цвиллинг. – М., 1985. – 336 с.
18. *Зырянова, Т. А.* Изменения в семантике и функционировании сложно-подчиненных предложений с причинно-следственными отношениями (на материале русских научных текстов) / Т. А. Зырянова // *Язык и стиль научного изложения: лингвометод. исслед.* : сб. науч. тр. / Каф. иностр. яз. Акад. наук СССР ; редкол.: М. Я. Цвиллинг (отв. ред.) [и др.]. – М., 1983. – С. 183–194.
19. *Кручинина, Л. И.* Структурно-семантическая организация научного текста / Л. И. Кручинина // *Об особенностях организации текстов, относящихся к разным функциональным стилям* / А. А. Стриженко, Л. И. Кручинина. – Иркутск, 1985. – С. 64–118.
20. *Бабайлова, А. Э.* Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку. Социопсихоллингвист. аспекты / А. Э. Бабайлова ; под ред. А. А. Леонтьева. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1987. – 151 с.

21. *Котюрова, М. П.* О единстве расчленения и связи в научном тексте / М. П. Котюрова // Научная литература: Язык, стиль, жанры : сб. науч. ст. / Каф. иностр. яз. Акад. наук СССР ; отв. ред. М. Я. Цвиллинг. – М., 1985. – С. 280–290.
22. *Троянская, Е. С.* Полевая структура научного стиля и его жанровые разновидности / Е. С. Троянская // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М., 1986. – С. 16–27.
23. *Бедрина, И. С.* К обоснованию категории предшествующего знания в научном тексте / И. С. Бедрина // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т ; отв. ред. М. П. Котюрова. – Пермь, 2001. – С. 157–178.
24. *Васильева, А. Н.* Уровни стилистической абстракции и основные уровневые разделы функциональной стилистики / А. Н. Васильева // Основные понятия и категории лингвостилистики : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т ; редкол.: О. И. Богословская [и др.]. – Пермь, 1982. – С. 34–42.
25. *Баженова, Е. А.* Политекстуальность научного текста / Е. А. Баженова // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т ; отв. ред. М. П. Котюрова. – Пермь, 1999. – С. 66–90.
26. *Вежбицкая, А.* Метатекст в тексте / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. / отв. ред. Т. М. Николаева. – М., 1978. – Вып. 8. – С. 402–421.
27. *Dijk, T van.* Narrative macrostructures / T. van Dijk // PTL : A j. for descriptive poetics a. theory of literature. – 1976. – № 1. – P. 547–568.
28. *Mann, W. C.* Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization / W. C. Mann, S. A. Thompson // Text. – 1988. – Vol. 8 (3). – P. 243–281.
29. *Mann, W. C.* Rhetorical structure theory: description and construction of text structures. Natural language generation / W. C. Mann, S. A. Thompson // New results in artificial intelligence, psychology and linguistics / ed. G. Kempen. – Boston, 1987. – P. 85–95.
30. *Vieu, L.* On the semantics of discourse relations [Electronic resource] / L. Vieu // Proc. of the 4th Constraints in discourse workshop (CID 2011). – 2011. – Mode of access : <http://www.irit.fr/publis/LILAC/V-DRSemantics-CID11.pdf>. – Date of access : 30.05.2011.
31. *Mann, W. C.* Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fundraising text / W. C. Mann, S. A. Thompson // Pragmatics and beyond / ed.: W. C. Mann, S. A. Thompson. – Amsterdam, 1992. – P. 39–78.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

М.Д. – *Даніловіч, М. А.* Дыялектныя фразеалагізмы з архаічнымі кампанентамі / М. А. Даніловіч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2006. – № 3. – С. 117–121.

С.К. – *Кавалёнак, С. К.* Узаемасувязь значэнняў спосабаў дзеяслоўнага дзеяння са значэннямі пераходнасці і зваротнасці / С. К. Кавалёнак // Беларус. лінгвістыка. – 2006. – Вып. 58. – С. 103–111.

L.P. – *Polanyi, L.* Discourse structure and sentential information structure / L. Polanyi, M. van den Berg, D. Ahn // J. of logic, lang. a. inform. – 2003. – № 12. – P. 337–350.

M.M. – *Mithun, M.* Beyond the core: Typological variation in the identification of participants / M. Mithun // Intern. j. of Amer. linguistics. – 2005. – Vol. 71 (4). – P. 445–472.

T.D. – *Dijk, T. van.* A note on the partial equivalence of text grammars and context grammars / T. van Dijk // Ling. perspectiven : 7th Ling. colloquium, Nijmegen, 1972 / ed.: A. P. Ten Cate, P. Jordens. – Tübingen, 1973. – P. 75–87.

The paper focuses on generalization as a universal feature of scientific texts and explores existing approaches to its definition. It is suggested that a combination of semantic, functional and pragmatic peculiarities of scientific generalizations could be used to distinguish between their concrete realizations.

А. А. Салавей

ЭКСПЛИКАТАРЫ ВЕРАГОДНАСЦІ, ЗАСНАВАНАЙ НА ВЕДАННІ: ФУНКЦЫЯНАЛЬНА-СЕМАНТЫЧНЫ АСПЕКТ (на матэрыяле беларускіх і англійскіх часопісных рэцэнзій)

Прааналізавана праблематыка верагоднасці, заснаванай на веданні, вылучаны яе інварыянтныя кагнітыўна-семантычныя прыметы. Вызначаны семантыка і прагматычныя функцыі рэпрэзэнтантаў верагоднасці, заснаваннай на веданні, іх агульныя і лінгва-спецыфічныя характарыстыкі ў часопісных рэцэнзіях на беларускай і англійскай мовах.

Верагоднасць – лінгвапрагматычная катэгорыя, абумоўленая наяўнасцю суб'екта ісціны ў камунікацыі. Асноўныя ўласцівасці верагоднасці – варыятыўнасць (што з'яўляецца бяспрэчна верагодным для аднаго суб'екта, можа быць недастаткова верагодным для іншага), залежнасць ад суб'екта пазнання і маўлення. Філасофскае разуменне верагоднасці складаюць ментальныя канцэпты «веданне», «вера», «меркаванне».

Сучасны погляд на вывучэнне катэгорый *веданне – вера – меркаванне* заснаваны на прынцыпе іх узаемасувязі і магчымасці ўзаемапераходу. Так, Н. К. Рабцава адзначае, што «веданне нельга разглядаць ізалявана, асобна ад яго суб’ектыўнага “контрагента” – меркавання; ...веданне і меркаванне ўзаемадзеінічаюць. Паміж імі няма пэўнай мяжы: яны могуць пераходзіць адно ў адно: веданне можа ператварыцца ў непраўдзівое прадстаўленне – меркаванне, якое, у сваю чаргу, можа ператварацца ў новае веданне... – фактуальнае, аб’ектыўнае; меркаванне – суб’ектыўнае, мадальнае, ацэначнае» [1, с. 272].

Фактычным матэрыялам даследавання паслужылі 100 беларуска-і англамоўных тэкстаў часопісных рэцэнзій на кнігі (па 50 рэцэнзій на кожнай мове, адабраных з часопісаў «Літаратура і мастацтва», «Дзеяслоў», «Маладосць», «The Guardian», «The Independent», «The Standard» за 2017–2018 гг.).

Рэцэнзія (ад лац. *Recensio* ‘разгляд’) – адзін з жанраў крытыкі: газетны ці часопісны водгук на мастацкі твор з мэтай яго ацэнкі і разбору. У рэцэнзій паказваюцца бібліяграфічныя дадзеныя, характарызуюцца праблематыка твора, яго літаратурныя якасці, месца ў творчасці пэўнага аўтара, у сучаснай літаратуры і г.д. [2]. Сёння дадзены жанр запатрабаваны і становіцца адным з асноўных відаў «журналісцкай» крытыкі, рэалізуючы перш за ўсё рэкламныя мэты. Заахваціць чытача купіць тую ці іншую кнігу – гэтая мэта выдавецкай палітыкі ўвасабляецца часцей за ўсё ў рэцэнзій.

Функцыянальна-семантычнае поле верагоднасці фарміруецца мадальнымі адзінкамі з наступнымі інварыянтнымі характарыстыкамі: 1) сема ўпэўненасці, якая носіць градуальны характар: вар’іруецца ад нізкай (мінімальнай, нулявой) да максімальна высокай (абсалютнай) і рэпрэзентуецца ў канкрэтным тыпе верагоднасці; 2) якасны параметр, які выступае асновай ацэнкі верагоднасці выказвання (непасрэдная і ўскосная інфармацыя); 3) колькасны параметр: дастатковасць/недастатковасць суб’ектыўных і аб’ектыўных падстаў для ідэнтыфікацыі прапазіцыі як адпаведнай рэчаіснасці; 4) прагматычны параметр: адказнасць адрасанта за праўдзівасць прапазіцыі (нізкая, сярэдняя, высокая).

Колькасны параметр – вядучы фактар пры вызначэнні верагоднасці інфармацыі, паколькі ён прадвызначае ступень упэўненасці суб’екта ў праўдзівасці прапазіцыі і заключаецца ў наяўнасці аб’ектыўных і суб’ектыўных падстаў. Дастанковасць аб’ектыўных падстаў – умоўная ўзгодненасць паміж адрасантам і знешнім светам, у функцыі якога выступаюць адрасаты, перакананасць усіх камунікантаў у праўдзівасці прапазіцыі; дастатковасць суб’ектыўных падстаў – умоўная ўзгодненасць паміж адрасантам і яго

ўнутраным светам, перакананасць адрасанта ў адпаведнасці зместу выказвання рэчаіснасці. Карэляцыя паміж суб'ектыўнымі і аб'ектыўнымі падставамі і абумоўлівае кваліфікацыю суджэння як *ведання*, *веры* ці *меркавання*.

З улікам мадальнай тэорыі І. Канта і полевых кагнітыўна-семантычных характарыстык прапануецца аўтарская тыпалогія верагоднасці: верагоднасць, заснаваная на *веданні*; верагоднасць, заснаваная на *веры*; верагоднасць, заснаваная на *меркаванні*.

Верагоднасць, заснаваная на веданні, грунтуецца на максімальна высокай упэўненасці суб'екта маўлення ў прапазіцыі выказвання. Кваліфікацыя суджэння як ведання прадугледжвае наяўнасць дастатковых падстаў з аб'ектыўнага і суб'ектыўнага бакоў для прызнання зместу выказвання праўдзівым, што заключаецца ва ўзгодненасці паміж усімі камунікантамі наконт адпаведнасці прапазіцыі рэчаіснасці.

Для кваліфікацыі выказвання як абсалютна праўдзівага дадзены тып верагоднасці не патрабуе ніякіх моўных паказчыкаў [3]. Сам факт адсутнасці эксплікатараў верагоднасці, заснаванай на веданні, абумоўлівае прыналежнасць прапазіцыі да прапанаванага тыпу. Верагоднасць, заснаваная на веданні, успрымаецца як норма, якая не патрабуе дадатковага абгрунтавання. Асноўны сродак выражэння гэтай нарматыўнай верагоднасці – дзеясловы ў форме індывідуума, пры дапамозе якіх і канстатуецца наяўнасць фактаў. Аднак пры аналізе рэцэнзій сустракаюцца маркёры *вядома, што* (3,7 %) і *ведаю, што* (1 %), мадальныя словы (*сапраўды, насамрэч, насампраўдзе, праўда, напраўду*), якія акцэнтуюць адпаведнасць фактаў рэчаіснасці, не ўзмацняючы ступень упэўненасці моўцы ў іх праўдзівасці. Маркёры верагоднасці, заснаванай на веданні, у беларускіх часопісных рэцэнзіях складаюць 29,9 % ад агульнай колькасці эксплікатараў верагоднасці.

Ядром мікраполя верагоднасці, заснаванай на веданні, з'яўляецца эксплікатар *ведаю, што* са значэннем 'мець веды, усведамляць, уяўляць, разумець што-небудзь'. Гэтая мадальная адзінка найбольш набліжаная да прататыпу, паколькі выражае *веданне* ў якасці першаснай функцыі, актуалізуе максімальна высокую ступень упэўненасці адрасанта ў праўдзівасці прапазіцыі, эксплікуе наяўнасць у моўцы дастатковых аб'ектыўных і суб'ектыўных падстаў для прызнання суджэння праўдзівым. Выкарыстанне маркёра *ведаю, што* і яго сінтаксічных мадыфікацый абумоўлена гатоўнасцю адрасанта ўзяць на сябе адказнасць за праўдзівасць зместу выказвання.

Перыферыю мікраполя верагоднасці, заснаванай на веданні, складае выказнік у безасабовай форме *вядома*. Семантыка эксплікатара *вядома* змяшчае тры семы: **1. безасаб. ф.**, выказнік Аб наяўнасці якіх-н. звестак; **2. наб. сл.** Зразумела, канечне; **3. часц. сцвярдж.** Бясспрэчна [4]. Дадзеная

адзінка належыць да маркёраў верагоднасці, заснаванай на веданні, толькі ў сінтаксічнай функцыі выказніка з семай аб наяўнасці якіх-небудзь звестак: **Вядома, што** пасля ў *Максіма яшчэ былі глыбокія ўзаемныя пачуцці да іншай жанчыны* (Т. Будовіч-Барадуля); **Вядома**, *дзіцячая кніга не павінна несці адчування безвыходнасці* (Ж. Капуста). Імкненне адрасанта да аб'ектыўнасці, непрадузятасці пры выражэнні суджэнняў абумоўлівае выкарыстанне падобнага маркёра ў рэцэнзіях. Паказчык *вядома* ў функцыі пабочнага слова і часціцы змяшчае сему ўпэўненасці, адсутнасці сумненняў, што дазваляе аднесці яго да маркёраў верагоднасці, заснаванай на веры, а значыць, дадзены эксплікатар утварае пераходную зону паміж дзвюма мікрапалямі верагоднасці.

Маркёр *вядома* ў ініцыяльнай пазіцыі дапускае магчымасць дваякай інтэрпрэтацыі: эксплікуе агульнараспаўсюджанае веданне, носьбітам якога з'ўляецца і рэцэнзент у тым ліку ці веру адрасанта ў адпаведнасць зместу выказвання рэчаіснасці, заснаваную на яго ўласнай перакананасці: **Вядома, ёсць тут і сусед, з якім галоўны герой абмяркоўвае лад жыцця шпакоў і пытанні сусветнай палітыкі** (А. Лапіцкая); **Вядома, не магла застацца без увагі Васіля Найдзіна, які амаль усё жыццё працуе ў літаратурнай сферы, выдавецка-кніжная тэма** (З. Драздова). Дадзеная адзінка можа выступаць у якасці мадальнага пабочнага слова і дзеяслова-выказніка ў складаным сказе, што тлумачыцца незавершанасцю працэсу пераходу знамянальных слоў у мадальныя. Не страціўшы ранейшых уласцівасцей, слова набыло новыя, якія суіснуюць у адной адзінцы, у выніку чаго з'яўляюцца сінкрэтычныя, гібрыдныя ўтварэнні, што ў сукупнасці складаюць зону сінкрэтызму. Пры аналізе падобных выпадкаў не варта імкнуцца да адназначнага адказу: указанне на магчымасць дваякай кваліфікацыі – лепшы паказчык авалодання матэрыялам [5, с. 160].

Перыферыю мікраполя верагоднасці, заснаванай на веданні, таксама складаюць пабочныя словы і прыслоўі, якія падкрэсліваюць фактуальны статус дыктумнай часткі выказвання: *сапраўды* (12,8 %), *зразумела* (1 %), *насамрэч* (3,7 %), *насампраўдзе* (0,3 %), *праўда* (5,7 %), *напраўду* (1,7 %). Адрасант выкарыстоўвае гэтыя маркёры для акцэнтацыі праўдзівага адлюстравання аб'ектыўнай рэчаіснасці ў прапазіцыі, аднак адказнасць за праўдзінасць нясе не толькі аўтар рэцэнзіі, але і грамадства ўвогуле.

Сапраўды 1. прысл. на самай справе; 2. у знач. пабочн. слова на самай справе [6]. **Сапраўды, ва ўсіх творах Марыі Роўда галоўныя героі значна больш камфортна пачуваюцца ў кампаніі дзядоў-бабуль, а не бацькоў** (Ж. Капуста). Выкарыстоўваючы мадальнае слова *сапраўды*, адрасант падкрэслівае верагоднае адлюстраванне ў прапазіцыі аб'ектыўнай рэчаіснасці.

Зразумела 1. у знач. *пабочн. слова* вядома, канечне; 2. у *ролі выказн.* ясна [6]. Пабочнае слова *зразумела* рэпрэзентуе разумны пачатак, які выступае падставай для абсалютнай упэўненасці адрасанта ў праўдзівасці прапазіцыі: любы суб'ект у адпаведнасці з законамі розуму прыйдзе да той жа высновы: *Пісьменнікі, журналісты, знаёмячы з пэўным чалавекам, зразумела, не абыходзяць увагай і ягоных бацькоў* (А. Дзяшко). У сінтаксічнай ролі выказніка акцэнтуюцца гарант верагоднасці прапазіцыі, у функцыі якога выступае не толькі адрасант, але і іншыя ўдзельнікі камунікацыі, знешняя ў адносінах да іх сіла: натуральная прырода рэчаў, розум, нарматыўныя ўяўленні пра свет: *Але ж усім зразумела, наколькі гэта рэальна* (Ю. Ваўчок).

Эксплікатар *зразумела* (як і *маркёр вядома*) у ініцыяльнай пазіцыі можа быць кваліфікаваны дваяка: як мадальнае пабочнае слова і як дзеяслоў-выказнік у складаным сказе: *Зразумела, такая мэтавая ўстаноўка была прадыктавана не дамовамі «с редакцыямі і издательствами», а выключна «зовом» і «долгом» сэрца перакладчыка, яго ўдзячнасцю той зямлі, якая яго нарадзіла і дала крылы для творчага палёту* (В. Макарэвіч).

Насамрэч 1. у знач. *пабочн. слова* на самай справе, сапраўды [Там жа]: *Насамрэч, усе тэксты названыя апавяданнямі адно дзеля зручнасці* (Н. Грышчук).

Насампраўдзе 1. на самай справе, сапраўды [Там жа]: *Аднак лістападаўскім, ужо крыху прыснежаным надвячоркам да яго ўсё часцей прыходзяць скрушныя думкі пра тое, што насампраўдзе слова тую чароўную сілу ўжо даўно страціла і «б'еца аб сцяну глухую»* (А. Дзяшко).

Праўда 1. у *ролі выказн.* ужываецца для пацвярджэння слоў суб'екта, азначае: сапраўды, на самой справе так; 2. у знач. *пабочн. слова* сапраўды, на самой справе; 3. у знач. *уступальн. злучн.* хоць (хаця) [Там жа]. Мадальнае слова *праўда* рэпрэзентуе ўнутраны дыялог, мысленную размову адрасанта з патэнцыяльнымі адрасатамі: *Менавіта таму кожная публікацыя суправаджаецца кароткім жыццяпісам. Праўда, часам у іх ёсць і белыя плямы* (З. Драздова).

Напраўду 1. на самой справе, сапраўды [Там жа]: *І ў гэтым нашмат болей праўды, чым у надакучліва-настальгічных згадках пра родную бацькоўскую хату, дзе можна спачыць душой, бо напраўду гэтая прапісаная да дробных дэталей карціна ўжо сталася толькі мастацкім вобразам* (Ж. Капуста).

Мадальная фраза *лічу, што* заслугоўвае асаблівай увагі па прычыне таго, што некаторыя лінгвісты [7] адносяць яе да класа *маркёраў* ведання. Аднак

семантыка дзеяслова *лічыць* змяшчае сему меркавання: *думаць, меркаваць, мець думку наконт чаго-н.* [6]. Гэта дазваляе нам адносіць дадзеную адзінку да паказчыкаў верагоднасці, заснаванай на меркаванні.

Маркёры верагоднасці, заснаванай на веданні, выконваюць прагматычную функцыю эксплікацыі згоды адрасанта з якім-небудзь фактам, суджэннем, што адначасова акцэнтуюе праўдзівасць прапазіцыі і зніжае долю аўтарскай адказнасці за вылучэнне дадзенай ідэі. Рэпрэзентанты верагоднасці, заснаванай на веданні (*сапраўды, насамрэч, на самой справе*), падкрэсліваюць пацвярджэнне адрасантам першапачатковага суджэння, якое, магчыма, прадугледжвала наяўнасць сумненняў у яго праўдзівасці: *Беларуская літаратура часам сапраўды ўдае на застылы ў часе артэфакт безразважлівасці* (Ж. Капуста). Выкарыстоўваючы мадальнае слова *сапраўды*, адрасант акцэнтуюе ўпэўненасць у тым, што беларуская літаратура – застылы ў часе артэфакт безразважлівасці, аднак носьбітам адказнасці за дадзеную выснову ён не з’яўляецца.

Ядро мікраполя верагоднасці, заснаванай на веданні, у англійскай мове – прэдыкат *to know*, які мае значэнне *be absolutely certain or sure about something* [8] ‘быць абсалютна ўпэўненым у чым-н.’ (тут і далей пераклад наш. – А. С.). Менавіта сема *абсалютнай упэўненасці* з’яўляецца вызначальнай пры кваліфікацыі лексемы як маркёра верагоднасці, заснаванай на веданні.

Як правіла, верагоднасць, заснаваная на веданні, у англійскай мове выражаецца экспліцытна з дапамогай абвеснага ладу дзеяслова. Аднак фактуальны статус дыктумнай часткі выказвання часта акцэнтуюцца наступнымі маркёрамі ведання ў англійскіх часопісных рэцэнзіях.

1. Мадальнымі прыслоўямі *actually* (3,6 %), *really* (6 %), *indeed* (3,3 %) з семай падкрэслівання праўдзівасці дыктумнай часткі выказвання:

Actually adv. You use actually to indicate that a situation exists or happened, or to emphasize that it is true [9] ‘выкарыстоўваецца для ўказання на тое, што сітуацыя існуе (існавала) ці для таго, каб падкрэсліць яе праўдзівасць’: *Many of them will be men who won’t actually need to read it* (G. Hinsliff) ‘Многія з іх будуць тымі людзьмі, каму, на самай справе, не трэба чытаць яе’;

Really adv. You can use really to emphasize a statement [Там жа] ‘выкарыстоўваецца для акцэнтацыі сцвярджэння’: *Perhaps that could really be the economics text a new generation is looking for* (A. Minton) ‘Магчыма, гэта сапраўды той эканамічны тэкст, які шукае новае пакаленне’;

Indeed adv. You use indeed to confirm or agree with something that has just been said [Там жа] ‘выкарыстоўваецца, каб пацвердзіць або пагадзіцца з тым, што толькі што было сказана’: *Indeed the numbers killed in wars since 1945 will, in the coming decades, inevitably exceed the death toll of the second world*

war (D. Olusoga) ‘Сапраўды, колькасць людзей, загінуўшых у войнах з 1945 года, у бліжэйшыя дзесяцігоддзі непазбежна перавысіць колькасць загінуўшых у Другой сусветнай вайне’.

2. Ідыёмамі *in fact* (2,7%), *in truth* (0,3%) для падкрэслівання фактуальнага статусу прапазіцыі:

In fact used to emphasize the truth of an assertion [8] ‘выкарыстоўваецца, каб падкрэсліць праўдзівасць сцвярджэння’: *In fact, before we know it, he has already agreed to get out of the car, catch a train back to New York* (J. Harrison) ‘На самой справе, перш чым мы даведваемся пра гэта, ён ужо выходзіць з машыны і адпраўляецца на цягніку назад у Нью-Ёрк’;

In truth really; in fact [Там жа]: *In truth, there has been no shortage of neuroscientific investigations, but it’s hard to resist the conclusion that these have been blind alleys* (R. McCrum) ‘Па праўдзе кажучы, не было недахопу ў нейрафізічных даследаваннях, але цяжка супраціўляцца выснове, што гэта быў тупік’.

3. Структурна-семантычнымі тыпамі галоўнай часткі складаназалежнага сказа з эпістэмічным модусам ведання:

а) галоўная частка выражана безасабовай канструкцыяй з мадальным прыметнікам, які і з’яўляюцца паказчыкам верагоднасці: *true/it’s true* (0,9%): *it is also true that he rose to the first place on television* (A. Gottlieb) ‘таксама праўда, што ён падняўся на першае месца на тэлебачанні’;

б) галоўная частка эксплікуе модус агульнараспаўсюджанага ведання: *it was well known* (0,3%): *It was well known that Murphy had been planning for this event and was ready to take over Scottish Labour and mould it in his “unprincipled” image* (P. Bryan) ‘Было добра вядома, што Мэрфі рыхтаваўся да гэтай падзеі і быў гатовы заваяваць рабочую партыю Шатландыі і сфармаваць яе ва ўласным «беспрынцыповым» вобразе’.

Эксплікатары верагоднасці, заснаванай на веданні 3а) і 3б), маніфестуюць канстатацыю факта, не адлюстроўваючы асабістую пазіцыю адрасанта;

в) галоўная частка выражана ментальным прэдыкатам *to know* з суб’ектам *I* (1,2%) або інклюзіўным суб’ектам *we* (0,9%): *We know Ferguson is right* (A. Gottlieb) ‘Мы ведаем, Фергусан мае рацыю’.

Такім чынам, маркёры верагоднасці, заснаванай на веданні, у англійскіх часопісных рэцэнзіях складаюць 19,2% ад агульнай колькасці эксплікатораў верагоднасці. Гэта абумоўлена тым, што веданне прадугледжвае максімальную ўпэўненасць адрасанта ў праўдзівасці прапазіцыі, што з’яўляецца вынікам балансу паміж аб’ектыўнымі і суб’ектыўнымі падставамі для прызнання суджэння праўдзівым. Англійскія маркёры верагоднасці, заснаванай на веданні, зніжаюць персанальную адказнасць адрасанта за адпавед-

насць зместу выказвання рэчаіснасці і ўмоўна ліквідуюць права адрасата мець уласны пункт гледжання наконт той ці іншай сітуацыі, таму што прапазіцыя часцей за ўсё носіць статус агульнараспаўсюджанага ведання, што не адпавядае прызначэнню рэцэнзіі як жанру публіцыстычнага медыя-дыскурсу.

У выніку супастаўляльнага аналізу выяўлены агульныя і лінгваспецыфічныя рысы ў рэалізацыі катэгорыі верагоднасці, заснаванай на веданні: самы рэкурэнтны паказчык ведання ў беларускіх рэцэнзіях – мадальнае слова *сапраўды* (12,8 % ад усіх маркёраў верагоднасці), у англійскіх – *really* (6 % ад усіх маркёраў верагоднасці). У семантычным плане мадальнае слова *сапраўды* адпавядае англійскаму *really*, што сведчыць аб выкарыстанні беларускімі і англійскімі адрасантамі эквівалентных сродкаў для эксплікацыі дадзенага тыпу верагоднасці. У семантычным і функцыянальным планах беларускія і англійскія эксплікатары верагоднасці, заснаванай на веданні, маюць наступныя рысы падабенства: маркёры ведання змяшчаюць сему акцэнтацыі фактуальнага статусу дыктумнай часткі выказвання і выконваюць наступныя прагматычныя функцыі: эксплікацыя згоды адрасанта з якім-небудзь фактам, суджэннем, павелічэнне персанальнай адказнасці рэцэнзента за адпаведнасць зместу выказвання рэчаіснасці за кошт асабістага займенніка *я* (характэрная рыса беларускіх рэцэнзій), зніжэнне персанальнай адказнасці рэцэнзента за адпаведнасць зместу выказвання рэчаіснасці за кошт інклюзіўнага суб'екта *мы, we* (больш характэрна для англійскіх рэцэнзій).

Адрозненне заключаецца ў агульнай долі маркёраў верагоднасці, заснаванай на веданні: у беларускай мове маркёры ведання займаюць другое месца па ўжывальнасці (29,9 %); у англійскай мове – трэцяе месца (19,2 %). Асноўны спосаб рэпрэзентацыі верагоднасці, заснаванай на веданні, у беларускай і англійскай мовах – пабочныя словы і прыслоўі, якія падкрэсліваюць фактуальны статус дыктумнай часткі выказвання (75 і 33 % адпаведна). Аднак беларускія рэцэнзіі змяшчаюць большую колькасць мадальных прыслоўяў, што сведчыць аб тэндэнцыі беларускіх рэцэнзентаў да экспліцытнай акцэнтацыі ведання. Выкарыстанне ідыём *in fact, in truth* для падкрэслівання фактуальнага статусу прапазіцыі характэрна для англійскіх рэцэнзій.

ЛІТАРАТУРА

1. *Рябцева, Н. К.* Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М. : Академия, 2005. – 640 с.
2. *Засурский, Я. Н.* Медиатекст в контексте конвергенции / Я. Н. Засурский. – М. : Наука, 2007. – 180 с.

3. *Зеленщиков, А. В.* Пропозиция и модальность / А. В. Зеленщиков. – 2-е изд. – М. : Книжный дом, 2010. – 216 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агул. рэд. К. Крапівы. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.
5. *Бабайцева, В. В.* Современный русский язык : в 3-х ч. / В. В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1981. – Ч. 2. – 292 с.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / А. Я. Баханькоў [і інш.] ; пад агул. рэд. А. Я. Баханькова. – 5-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Нар. асвета, 1996. – 414 с.
7. *Рябцева, Н. К.* Ментальный модус : от лексики к грамматике / Н. К. Рябцева. – М. : Наука, 1993. – 176 с.
8. Oxford Advanced Learner's Dictionary / ed. S. Wehmeier. – Oxford : Univ. Press, 2016. – 1540 p.
9. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. – London : HarperCollins Publ., 2014. – 1913 p.

The article is concerned with the comparative analysis of linguistic means of realization of credibility based on knowledge in the Belarusian and English languages. The author considers credibility as a linguopragmatic category which reflects the degree of certainty/uncertainty of the subject in the truthfulness of the proposition based on the mental concepts “knowledge” – “faith” – “opinion”. Common and specific semantic-pragmatic features of realization of the credibility based on knowledge in newspaper reviews have been revealed.

СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

О. О. Графутко

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Настоящая статья посвящена рассмотрению одной из базовых отрицательных эмоций – отвращению. Исследуются лексические средства реализации данной эмоции в художественном дискурсе на материале английского и белорусского языков. На основе психофизиологических механизмов переживания отвращения, а также его функций выделяются соответствующие классы лексем. Выявляются сходства и различия выражения отвращения в двух языках.

В последние десятилетия современная наука признает, что «человек далеко не только *Homo sapiens*, но и *Homo sentiens*, поскольку многими его действиями руководят эмоции» [1, с. 7]. Несмотря на многочисленность эмоциональных переживаний (их число в разных работах варьируется от десятков до тысяч [1; 2; 3]), ненаблюдаемость (по крайней мере, непосредственную) и сложность исследования вследствие их психической природы, этот феномен был и остается интересным и плодотворным исследовательским объектом, так как эмоции «мотивируют, организуют и направляют восприятие, мышление и действия» [4, с. 20–21].

Немаловажную роль в разработке теории эмоций играет и лингвистика, ведь язык является одним из немногих способов экспликации эмоциональных переживаний, поэтому невозможно рассматривать лингвистическое воплощение эмоций без обращения к богатой теоретической базе, накопленной в рамках психологии [5].

Существование огромного количества эмоций приводит к необходимости их классифицировать. За основание классификации могут приниматься самые разные критерии, но одним из самых распространенных является дальнейшая неделимость, что приводит к выделению *простых* (первичных, базовых, универсальных, фундаментальных, элементарных) и *сложных* (вторичных, интегративных, составных) эмоций [4; 6; 7; 8].

Список базовых эмоций варьируется от автора к автору, но, как правило, он имеет следующий вид: *радость, удивление, грусть, злость, отвращение, страх* [4; 7; 9]. Данная статья посвящена рассмотрению эмоции отвращения и лексических средств его передачи в художественном дискурсе на материале англо- и белорусскоязычных романов.

По замечанию исследователей, отвращение является универсальной эмоцией, свойственной всему человечеству [4; 9]. Физиологически оно переживается примерно одинаково всеми людьми, однако объекты, вызывающие отвращение, могут отличаться в разных культурах: П. Экман, например, пишет о том, что в Китае употребление в пищу мяса собаки является будничным делом, тогда как представители западных стран испытывают к такому мясу отвращение [9].

Психологи выделяют три вида стимулов, способных вызвать у человека отвращение: физиологические (патогенные и сексуальные) и моральные [4; 9; 10; 11].

С эволюционной точки зрения отвращение является одним из механизмов избегания, т.е., благодаря данному переживанию человек стремится отстраниться от того, что кажется ему неприятным или отвратительным и может угрожать здоровью или жизни [4; 9]. Поэтому неудивительно, что первая группа стимулов, вызывающих отвращение, включает различные выделения человеческого организма, испортившуюся или отравленную еду, мертвые тела (являющиеся разносчиками инфекций), увечья, вид крови и внутренних органов, гениталии [11]. Отвращение этого типа порой инстинктивно, даже когда человек объективно понимает, что никакой угрозы его здоровью нет: к примеру, вид сока, наливаемого из ночного горшка или больничного судна (даже нового и стерильного) вызовет у нормального человека отвращение [4].

Иллюстрация данной закономерности была обнаружена в выборках на обоих языках – 6 % от общего числа отобранных единиц в английском и 1,4 % в белорусском. Лексемы, так или иначе связанные с упомянутыми выше возбудителями, имели в дефиниции указание на эмоцию отвращения или приобретали данный эмоциональный оттенок в контексте благодаря механизму ассоциирования. Приведем несколько примеров: *we'd never have considered so much as a bargain package holiday to this **filthy bog** five years ago* [12, p. 140] ‘пять лет назад никто не поехал бы в это грязное болото даже по горячей путевке’ (здесь и далее перевод наш, если не указано иного. – О. Г.). Герой использует для названия региона, в котором находится, метафору *filthy bog* ‘грязное болото’, тем самым вызывая у читателя представление о визуально неприятном, потенциально опасном для жизни и здоровья месте, что, в свою очередь, приводит к переживанию отвращения.

Рассмотрим еще один пример: *that's how I'd know there'd been another **gory** Amtrak derailment without having to tune into the World Service* [Там же, p. 181] ‘и так, даже не включая новости, я понимаю, что произошло очередное кровавое крушение поезда’. В данном случае отвращение вызывает идея об изуродованных, окровавленных жертвах, погибших – подобные сцены всегда неприятно наблюдать.

Одним из главных возбудителей отвращения являются испражнения, что отражено в следующем примере: *гожую ж карціну тады пабачаць людзі: паралізаваны дырэктар тэатра на канане ў лужыне **дзярма*** [13, с. 108].

Кроме того, эмоция отвращения может возникнуть как реакция на внешний вид человека или предмета, не соответствующий некоторым нормам или представлениям, например: *Leonard turned out to be a terrible snob, appalled by the **ugliness** of Philadelphia and the tackiness of America* [14, p. 105] ‘Леонард оказался жутким снобом, безобразный вид Филадельфии и пошлость Америки ужасали его’ [15, с. 228]; *упала на канану Анжэла няёмка: не плазам, а больш левым бокам, прычым левая рука **выродліва** падварнулася ў локці* [13, с. 200]. Количественно подобные лексемы, реализующие отвращение, составили 15 % от общего числа в англоязычной выборке и 7 % в белорусскоязычной.

Вторым выделяемым в психологии стимулом отвращения является секс [11]. В анализируемых романах были обнаружены лексемы, выражающие отвращение, в некоторых ситуациях, связанных с интимными отношениями, к примеру: *О, як **брыдка**, як **мярзотна** станавілася ў яе на душы ад гэтых **пошлых** амураў!* [13, с. 201].

Наконец, третьим источником отвращения является нарушение моральных норм. Данный тип отвращения имеет ряд пересечений с эмоцией презрения, которую человек также испытывает при нарушении кем-то норм [10; 11]. Кроме того, К. Изард пишет о том, что отвращение может иметь ряд сходств со злостью/гневом, называя отвращение, презрение и гнев «триадой враждебности» [4], а У. И. Миллер находит также некоторые параллели между отвращением и ненавистью [16]. В этой связи интересно отметить, что лексема *hate* ‘ненависть, ненавидеть’ имеет следующие толкования в словаре: «a: intense hostility and **aversion** usually deriving from fear, anger, or sense of injury; b: extreme dislike or **disgust**» [17], т.е. включает элемент отвращения. Тесную связь отвращения и ненависти можно проиллюстрировать следующими примерами.

В одном из эпизодов романа героиня рассказывает о дипломном фильме, который она снимает, – он показывает будни скотобойни. Когда другой герой выражает желание увидеть данный фильм, девушка отвечает: *It's unwatchable. Everybody **hates** it, except Nola, who's vegan* [14, p. 328] ‘Смотреть его невыносимо. Он у всех, кроме веганки Нолы, вызывает отвращение’. Таким образом, негативное отношение возникает на основе испытываемого к объекту отвращения. Аналогичные примеры можно найти в выборке на белорусском языке: *Ненавіджу, ненавіджу іх! – грэбліва зморшчылася Света* [13, с. 206]. Количественно ненависть, основанная на отвращении, была представлена следующим образом: 21 % в выборке на английском языке и 4 % на белорусском.

Как и всякая эмоция, отвращение характеризуется определенными особенностями мимического проявления: нахмуренные брови, сморщенный нос, приподнятая верхняя губа [4]. Кроме того, как было упомянуто выше, переживая рассматриваемую эмоцию, человек стремится дистанцироваться от того, что находит отвратительным, его передергивает от неприятных ощущений. В проанализированном материале были обнаружены примеры, иллюстрирующие эту тенденцию: *With a shudder of revulsion at herself, and at Facebook, Pip turned off her device* [14, p. 484] ‘Содрогнувшись от неприязни и к самой себе, и к Фейсбуку, Пип выключила устройство’ [15, с. 319]; *Валерый Віктаравіч гадліва зморшчыўся* [13, с. 150]. В англоязычной выборке 6 % всех лексем обозначали движения или мимику, вызванные отвращением, в белорусскоязычной – 3 %.

В романах на обоих языках были представлены лексемы, напрямую называющие эмоцию презрения или ее оттенки, например: *distaste* ‘неприязнь, отвращение’, *revulsion* ‘отвращение, омерзение’, *disgust* ‘отвращение’, *aversion* ‘отвращение, гадливость’, *repugnance* ‘отвращение’ – *Pip shook her head with disgust* [14, p. 244] ‘Пип с отвращением покачала головой’ [15, с. 160]; *грэблівасць, агіда, брыдка, гідка, гадліва – Я ледзь стрымлівала агіду, калі сядзела насупраць яго* [18, с. 55]; и лексемы, характеризующие объекты как вызывающие презрение, например, *odious* ‘отвратительный, мерзкий’, *repellent* ‘отвратительный, отталкивающий’, *gross* ‘мерзкий, отталкивающий’ – *Her mother sobbed revoltingly and begged Pip for kindness* [14, p. 37] ‘Мать безобразно рыдала и умоляла Пип сжалиться над ней’ [15, с. 22]; *мярзотны, пошлы, паганы – На хаду дастаў насоўку і як мог абцір твар, кашулю і пінжак ад мярзотнай вадкасці. Яму падалося, што разам з півам на яго твар выплюхнуліся і сліні гэтага падонка* [13, с. 50]. Общее количество данных лексем составило 50 % для английского языка и 81,6 % для белорусского.

Наконец, для выражения отвращения также использовались междометия и оскорбительная лексика, например: *Edgar noshed down a pastry. “UCH!” Edgar groped for a napkin and spit it out* [12, p. 193] ‘Эдгар откусил кусок пирога. – ФУ! – Эдгар схватил салфетку и выплюнул его’; *Такіх грахоў, у якіх нават самому сабе брыдка прызнацца. І таму хаваеце вы іх за гладзенькімі крывадушнымі штампамі: любоў, сям’я, доўг, чалавечнасць... Цьфу!* [13, с. 171]. Их количество было одинаково небольшим для обоих языков: примерно 2 % для английского и 3 % для белорусского.

Таким образом, как показал анализ современных художественных романов на английском и белорусском языках, классы эмотивной лексики, отражающей отвращение, в обоих языках совпадают, что обусловлено универсальностью психологического механизма переживания данной эмо-

ции. Разница была обнаружена в представленности каждого из классов: для английского языка наиболее многочисленными оказались классы, включающие лексику названия и описания эмоции отвращения (50 %), обозначающие ненависть, основанную на отвращении, (21 %), а также лексем, характеризующих неприятный внешний вид, что приводит к переживанию отвращения (15 %). Для белорусскоязычной выборки были особо характерны единицы, называющие эмоцию отвращения или описывающие ее (в совокупности – 81,6 %). Подобные различия до некоторой степени могут быть объяснены разницей двух лингвокультур, национальных характеров и литературных норм: например, белорусская литературная традиция в меньшей степени допускает прямое название физиологических выделений в тексте художественной литературы, а стереотипный белорус достаточно толерантен и некатегоричен, что обуславливает малую представленность оценочных суждений о неприятном внешнем виде кого- или чего-либо, а также ярко выраженной ненависти, возникающей из отвращения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шаховский, В. И.* Эмоции : долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М. : URSS : Либроком, 2010. – 124 с.
2. *Бабенко, Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Сведловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 182 с.
3. *Ильин, Е. П.* Эмоции и чувства : учеб. пособие / Е. П. Ильин. – СПб. [и др.] : Питер, 2001. – 749 с.
4. *Изард, К. Э.* Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб. : Питер : Лидер, 2011. – 460 с.
5. *Голубкова, Н. Н.* Лингвостилистические особенности категории эмотивности в психологической прозе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 [Электронный ресурс] / Н. Н. Голубкова. – Режим доступа : ftp://arbicon.ru/etu/golubkova_nn_akd.pdf. – Дата доступа : 12.02.2017.
6. *Додонов, Б. И.* Эмоция как ценность / Б. И. Додонов. – М. : Политиздат, 1978. – 272 с.
7. *Damasio, A.* The Feeling of what Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness / A. Damasio. – Harcourt Brace, 1999. – 386 p.
8. *Johnson-Laird, P. N.* Emotions, Music, and Literature / P. N. Johnson-Laird, K. Oatley // Handbook of emotions / ed. by M. Lewis, J. M. Haviland-Jones, L. Feldman Barrett. – 3rd ed. – N. Y., 2008. – P. 102–113.
9. *Экман, П.* Психология эмоций / П. Экман. – 2-е изд. – СПб. [и др.] : Питер, Лидер, 2010. – 334 с.

10. Herz, R. S. Stealing Is Not Gross: Language Distinguishes Visceral Disgust From Moral Violations [Электронный ресурс] / R. S. Herz, A. Hinds. – Режим доступа : https://www.researchgate.net/publication/256538700_Stealing_Is_Not_Gross_Language_Distinguishes_Visceral_Disgust_From_Moral_Violations. – Дата доступа : 20.08.2017.
11. Disgust: Evolved Function and Structure [Электронный ресурс] / J. M. Tybur [et al.] – Режим доступа : <https://static1.squarespace.com/static/54e0f3f4e4b093f6b2b491a0/t/54f70438e4b0aff87aee44de/1425474616656/Disgust+Evolved+Function.pdf>. – Дата доступа : 20.08.2017.
12. Shriver, L. The New Republic : a novel / L. Shriver. – Harper Perennial, 2012. – 690 p.
13. Южык, М. Марыянеткі і лялькаводы [Электронный ресурс] / М. Южык. – Режим доступа : http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=16458. – Дата доступа : 07.04.2017.
14. Franzen, J. Purity : A Novel / J. Franzen. – Farrar, Straus and Giroux, 2015. – 563 p.
15. Франзен, Дж. Безгрешность: роман / Дж. Франзен ; пер.: Л. Ю. Мотылёв, Л. Б. Сумм. – М. : Изд-во АСТ : CORPUS, 2016. – 736 с.
16. Miller, W. I. The Anatomy of Disgust / W. I. Miller. – Harvard Univ. Press, 2009. – 336 p.
17. Merriam-Webster's Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.merriam-webster.com>. – Дата доступа : 16.09.2017.
18. Клімковіч, М. Цень Анёла : раман / М. Клімковіч, У. Сцяпан // Маладосць. – 2008. – № 2. – С. 37–70.

The present article deals with one of the basic negative emotions – disgust. Lexical means of expressing this emotion are studied in English and Belarusian fictional discourse. Based on the psychophysiological features of disgust as well as its functions, corresponding lexical classes are singled out. Similarities and differences are analyzed and explained.

В. В. Кучинская

СРЕДСТВА СНИЖЕНИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ

Проведенный анализ показал, что в дискурсе парламентских дебатов широко используются лексические, морфологические и синтаксические средства коммуникативного смягчения. К лексическим средствам снижения интенсивности относятся наречия-понижители и слова, выражающие неопределенность или возможность. Среди них наиболее частотными в исследуемых текстах оказались деинтенсификаторы и составили

51,6 % всех средств коммуникативного смягчения. Второе место по употребительности (28,4 %) среди всех средств коммуникативного смягчения занимают авторизирующие конструкции *I consider, I think, It seems, In my opinion*. Третье место по степени употребительности принадлежит высказываниям с формами сослагательного наклонения глаголов (11,1 %). Модальные единицы с семантикой возможности или неопределенности занимают четвертое место по употребительности и составляют 8,9 % всех средств смягчения.

Во время дебатов политики отстаивают свою точку зрения, свои взгляды, создают положительную саморепрезентацию и отрицательную репрезентацию противоположной стороны. При этом политик должен владеть кооперативным типом поведения, принципами вежливости, уметь располагать к себе собеседника. Данные аспекты определяют особенности речевых действий, которые представляют собой набор тактик и стратегий, среди которых немаловажное место занимают языковые средства коммуникативного смягчения. Использование стратегии смягчения категоричности оценки в дискурсе парламентских дебатов обусловлено стремлением к достижению компромисса, уходу от прямой конфронтации, снятию с себя ответственности и созданию некой неопределенности. Снижение категоричности оценки позволяет политику выразить отрицательную оценку, но сделать это дипломатично и корректно. Как показал анализ примеров, снижение категоричности оценки в дискурсе парламентских дебатов может наблюдаться на различных языковых уровнях, прослеживающихся в устном выступлении.

Мы проанализировали наиболее частотные единицы, которые встретились в исследуемых текстах. Модальные глаголы и наклонение составляют морфологический уровень средств снижения категоричности оценки; наречия-понижители, неопределенные местоимения, слова, выражающие возможность, образуют лексический уровень и авторизирующие конструкции – синтаксический уровень.

Итак, перейдем к детальному рассмотрению основных средств снижения категоричности. Одним из способов является прямое указание на субъективность оценки, на то, что она относится к индивидуальной сфере говорящего. Средством этого служат авторизирующие конструкции типа: *I suppose, I think, it seems* и т.п. Эти конструкции предполагают, что оценка соотнесена с концептуальным миром говорящего, который может не совпадать с миром собеседника. Говорящий лишь выражает свое отношение либо высказывает предположение, а не констатирует факт, тем самым снимая с себя ответственность за высказывание [1]: *I think it's disgraceful* 'Я думаю, это постыдно' (здесь и далее перевод наш. – В. К.). В приведенном примере прилагательное *disgraceful* выражает отрицательную оценку, которая создает категоричность высказывания. Предикат позволяет смягчить оценку и звучать не так грубо. Конструкции субъективного мнения также могут смягчать

оценку, которая относится к определенному объекту: *I think you've apologized for it. But I think it was a terrible thing to say*. Оценка может выражаться не только прилагательным, но и существительными, которые имеют аксиологическую семантику: *problem, fail, success, failure, beauty*. Например: *I think implicit bias is a problem for everyone, not just police* 'Я думаю, что скрытая предвзятость – это проблема не только полиции, но и всех людей'.

Еще одним способом снижения категоричности является ослабление истинности высказывания, что достигается введением модального глагола. В отличие от других глаголов модальные обозначают не действие, а отношение к действию или состоянию, выраженному смысловым глаголом в форме инфинитива, и передают отвлеченные модальные значения необходимости, целесообразности, желательности, вероятности, удивления, сомнения [2].

Так, например, модальные глаголы *could, may, might* могут выражать предположение и являться средством снижения категоричности оценки, передачи значений неопределенности и уклончивости: *But when she said they're irredeemable, to me that might have been even worse* 'Но когда она сказала, что они неисправимы, для меня это, возможно, было еще хуже'. Прилагательное *bad*, которое имеет отрицательное значение, в сочетании с интенсификатором *even* придает высказыванию категоричность, поэтому политик использует модальный глагол в значении сомнения.

Сослагательное наклонение занимает морфологический уровень. Одной из целей его использования в речи является стремление уйти от прямого утверждения и снизить категоричность высказывания: *Sometimes what happened in business would be really bad for government* 'Иногда то, что происходит в сфере бизнеса, могло бы иметь плохой эффект для правительства'; *She wants to go to a single-payer plan, which would be a disaster* 'Она хочет перейти к плану с единым плательщиком, который может быть катастрофой'.

Одним из способов выражения некатегоричного высказывания, по мнению А. Хюблера и Р. Квирка, являются наречия степени, которые называются деинтенсификаторами (*adverbs of degree + intensifiers = deintensifiers*), или смягчителями тона (*downtoners*). Они образуют лексический уровень. Деинтенсификаторы являются самой широкой и распространенной группой средств смягчения категоричности высказывания. Прежде, чем остановиться на рассмотрении деинтенсификаторов, определим, какое место занимают они в ряду средств, служащих для выражения категории интенсивности.

Исследованием интенсификаторов занимались К. Штоффель и Э. Борст. Первая классификация была осуществлена К. Штоффелем, где автор различает интенсификаторы (*intensives*) и лимитаторы (*downtoners*). Интенсификаторы (*very, full, quite, pretty, etc.*) указывают на качество, проявляемое в наивысшей степени. Лимитаторы (*a bit, a little, rather, somewhat*) выражают среднюю, слабую или слегка ощутимую степень качества [цит. по: 3, л. 44].

В своей монографии «Градулируемые слова» Д. Болинджер выделяет различные группы слов и рассматривает особенности интенсификаторов, сочетающиеся с этими группами. Под интенсификацией он понимает выражение увеличения или ослабления некоторого признака.

У. Бэклунд предложил следующую классификацию:

- 1) наречия, выражающие полное или частичное отсутствие какого-либо качества, свойства: *nearly, almost, practically, virtually*;
  - 2) наречия, выражающие минимум степени: *barely, hardly, scarcely, just*;
  - 3) наречия, выражающие низкую степень: *a little, a bit, somewhat*;
  - 4) наречия, выражающие низкую степень с положительной стороны: *little, slightly*;
  - 5) наречия, выражающие среднюю степень: *quite, rather, pretty, fairly*;
  - 6) наречие, выражающее повышающуюся степень: *increasingly*;
  - 7) наречия, выражающие высокую степень: *very, awfully, right*;
  - 8) наречия, выражающие наивысшую степень: *fully, totally, absolutely, perfectly*;
  - 9) наречия, требующие необходимого глагола в неличной форме: *enough, sufficiently*.
- 10) указательные местоимения в функции наречий степени: *this, that* [цит. по: 3, л. 45].

Две группы количественных наречий выделил М. Я. Блох. Это собственно количественные наречия и наречия степени. Они могут быть разбиты на следующие группы [4, с. 219]. Это наречия:

- 1) высокой степени, классифицируемые как интенсификаторы: *very, quite, greatly, perfectly, much, etc.*;
- 2) чрезмерной степени: *too, awfully, dreadfully/terrifically*;
- 3) неожиданной степени: *surprisingly, astonishingly, amazingly*;
- 4) средней степени: *fairly, comparatively, relatively, rather*;
- 5) низкой степени: *slightly, a little, a bit*;
- 6) приблизительной степени: *almost, nearly*;
- 7) оптимальной степени: *enough, sufficiently, adequately*;
- 8) недостаточной степени: *intolerably, unbearably*;
- 9) *hardly, scarcely*.

Большой интерес представляет классификация, предлагаемая Р. Квирком и С. Гринбаумом. Авторы разделяют класс интенсификаторов на три подкласса (*emphasizers, amplifiers, downtoners*) и подгруппы данных групп. Первые (*emphasizers*) создают общий эффект усиления. К ним относят *actually, certainly, clearly, indeed, absolutely, etc.*

Второй подкласс включает в себя (*amplifiers*) *maximizers (absolutely, altogether, completely, fully, quite, such, most, extremely)* и *boosters (badly, deeply, much, so, well, a great deal, a lot, very)*.

Третий подкласс (downtoners) подразделяется на четыре группы:

1) *approximators* (передают умеренность степени проявления интенсивности): *almost, basically, nearly, practically, technically, virtually*.

2) *diminishers* (обозначают значительное движение вниз по шкале): *a little, in many respects, in some respects, in part, mildly, moderately, partially, partly, pretty, slightly, somewhat*;

3) *minimizers* (передвигают значение к нижнему пределу, граничащего с отрицанием): *a bit, barely, hardly, scarcely*;

4) *compromizers* (сигнализируют незначительное движение вниз по шкале интенсивности): *comparatively, enough, kind, more or less, quite, rather, relatively, sort of* [5].

Прагматический эффект употребления деинтенсификаторов достигается за счет размывания конкретного содержания сочетающихся с ними единиц, что ведет к снижению определенности и, следовательно, категоричности оценки. Например: *...and that will be almost as bad as Nafta* ‘...и это будет почти так же плохо, как Нафта’. В данном примере оценка выражается прилагательным *bad*, которое имеет отрицательное значение и звучит категорично, поэтому политик использует деинтенсификатор *almost* с целью смягчения оценки.

В ходе анализа было выявлено 610 примеров использования средств снижения категоричности оценки. Это наречия-понижители (51,6 %), сослагательное наклонение (11,1 %), авторизующие конструкции (28,4 %), модальные единицы, выражающие возможность (8,9 %).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 1985. – 228 с.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 482 с.
3. Харченко, О. Д. Деинтенсификация оценочных конструкций в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Д. Харченко. – М., 2002. – 156 л.
4. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я Блох. – М. : Высш. шк., 2000. – 160 с.
5. Quirk, R. A University Grammar of English / R. Quirk [et al.]. – Longman Publ. Group, 1976. – 247 p.

The article deals with the linguistic means that are used to reduce the categoricalness of evaluation and their usage in the discourse of parliamentary debate.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕЧАТНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(на материале портретного очерка)

В статье рассматриваются лексические средства выражения оценки в англоязычном газетном портретном очерке. Они включают стилистически окрашенные лексические единицы и тропы, характерные для печатного медиадискурса. Среди стилистически окрашенных лексических единиц в портретном очерке широко представлены коллоквиальные единицы, в том числе сниженная лексика. Анализ использования вышеназванных стилистических средств позволяет сделать вывод о том, что в англоязычном газетном портретном очерке встречается более широкий набор оценочных средств по сравнению с художественным и публицистическим текстом, что объясняется стилистическими особенностями газетного текста. Основными способами перевода рассматриваемых единиц на русский язык являются эквивалентный перевод и лексическая трансформация.

Современное общество по праву называют информационным, поскольку оно непрерывно производит и потребляет новостной продукт. Как отмечает Т. Г. Добросклонская, этот процесс привел «к значительному росту общего корпуса текстов, циркулирующих в сфере массовой коммуникации» [1]. Исходя из этого, вполне оправдан интерес лингвистов к медиадискурсу в целом и медиатексту в частности.

Существует множество подходов к определению понятия *медиадискурс*, например, «социально и культурно маркированный процесс оперирования информацией в условиях опосредованного масс-медиа публичного диалога» [2, л. 6] или «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации» [Там же, л. 152].

Одной из составляющих медиадискурса является медиатекст, то есть текст, который функционирует в сфере массовой коммуникации. По мнению М. Ю. Казак, данное понятие можно рассматривать как «интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующий принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях» [3, с. 32].

Исходя из способов передачи текста адресату и процесса его декодирования, медийные тексты подразделяются на печатные (пресса), цифровые (Интернет) и звучащие (радио и телевидение).

Интенциональность медиатекста определяет его тип. Российские исследователи выделяют три типа медийных текстов – информационные, аналитические и художественно-публицистические. Критериями для подобной классификации являются цель и функция медиатекста, интенция автора, метод познания и отображения действительности, предмет отображения [4; 5].

Говоря о базовых типах англоязычных медиатекстов, Т. Г. Добросклонская ведет речь о следующих их типах: новости, тексты-очерки (*features*), информационно-аналитические тексты и комментарий [1, с. 57].

Как видно из приведенных выше двух подходов, в основе построения медиатекста любого типа лежит принцип отбора языковых средств в соответствии с задачами общения [6, с. 44].

В настоящей статье будут рассмотрены лексические средства и тропы, используемые для выражения категории оценки в портретном англоязычном очерке, а также основные их способы перевода на русский язык.

Портретный очерк относится к текстам-очеркам, в соответствии с западной классификацией, и к художественно-публицистическим текстам, исходя из отечественной классификации. Портретный очерк (или *profile*) является достаточно распространенным жанром в англоязычном печатном медиадискурсе. Цель портретного очерка – создание эмоционально-психологического портрета личности, которой посвящен очерк, раскрытия ее духовного мира, характера, психологических характеристик, привычек. Текст очерка насыщен «эмоционально-оценочными компонентами» и «средствами выразительности» [7, с. 257]. Следовательно, категория оценочности является одной из центральных в портретном очерке.

Категория оценочности трактуется исследователями как «способность языковой единицы характеризовать обозначаемое в рамках оппозиции “хорошо/плохо”» [8, л. 36]. Ю. Д. Апресян выделяет три основных типа оценочных компонентов: а) интеллектуально-логический, который основан на рационально-оценочных суждениях об объективно присущих референту свойствах (*предатель, лгун, хулиган*); б) эмоциональный, основанный на эмоциях, чувствах, переживаниях, связанных с приписываемыми творческим воображением субъекта свойствами, объективно не присущими данному референту (*негодяй, прохвост*); в) эмоционально-интеллектуальный, основанный на рационально-оценочных суждениях и переживаниях, эмоциях в органическом единстве (*скряга, пустозвон, болтун*) [9, с. 175].

С целью выявления оценочных средств, характерных для англоязычного портретного очерка, нами было проанализировано девятнадцать портретных очерков, опубликованных в британских («The Guardian», «The Observer», «The Daily Telegraph») и американских периодических изданиях («The New York Times», «The USA Today», «The Seattle Times») в период с 2009 по

2014 год. Очерки знакомят читателя с известными политиками (Т. Мэй, Дж. Корбин, Т. Блэр, Г. Браун, Д. Милибанд, Н. Морган, Б. Клинтон, Аун Сан Су Чжи), писателями (Ф. Пулман), представителями шоу-бизнеса и мира моды (А. Хопкинс, Дж. Макл, Л. Льюис и др.).

Общий объем проанализированного материала составил более 80 страниц. Как показал анализ, в англоязычном газетном портретном очерке присутствуют оценочные лексические единицы (ЛЕ) всех трех типов: *maverick*, *loadstar* (первый тип); *jaw-dropping revelations* (второй тип); *slasher and burner*, *demonic rabble* (третий тип).

В процессе анализа газетного портретного очерка мы рассматривали все стилистически окрашенные единицы, которые в той или иной степени выражают оценку, то есть характеризуют обозначаемое в рамках оппозиции «хорошо – плохо». Так, например, в словосочетании *handsome general elections* [10] эпитет *handsome* выражает позитивное отношение автора очерка к предмету повествования – серии побед лейбористской партии на парламентских выборах в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в Великобритании. Предложение *He looks perfectly comfortable in his, and strides happily across the mud...* [11] содержит усилитель *perfectly*, прилагательное *comfortable* и наречие *happily*, выражающие положительное отношение журналиста к герою очерка.

Всего нами было идентифицировано 1 420 лексических единиц выражения оценки, из них 1 034 случая употребления (73 %) составляют эмоционально окрашенные лексические единицы (ЛЕ), 387 случаев употребления (27 %) – тропы.

Группа ЛЕ оценочного характера включает *общеупотребительные ЛЕ* – существительные, прилагательные, причастия, наречия, которые в контексте очерка стилистически окрашены и несут оценочную нагрузку (например, *fripperies*, *story-teller*, *relentless*, *outspoken*, *charming*, *surreally*, *grimly*, *bearded*, *to cackle*, *to squash/squeeze into the room*, *to brood*); *коллоквиальные лексические единицы*, функционирующие в проанализированных текстах (*maths*, *smiley*, *lefty*, *rosy*, *scrumptious*, *caboodle*, *to shmooze*, *darned* и т.д.). Данная группа также включает *фразовые глаголы*, *идиомы* и *табуированную лексику*.

Приведем примеры предложений, содержащих характеризующие единицы:

1) *In the more than 30 years since his first election to Parliament, the 66-year-old has remained **uncompromising** in his beliefs; through all the twists and turn of New Labour and the Gordon Brown and Ed Miliband years he kept it **real**, living what he describes as a “parsimonious” existence while espousing a series of unfashionable positions* [12];

2) *So has he had a **drastic** personality overhaul in the two years since he stepped down following all that 2015 election **unpleasantness*** [13];

3) *Naturally*, there is speculation that May, **despite or even** because of her opacity, might one day be the new, more classless face of the Tory party **needs** [14];

4) “I’m doing the minimum possible but it is still going to be **absolute pandemonium**”, he smiles **ruefully** [15];

5) The result means that Ed Miliband has **leapfrogged** his brother for the first time [13];

6) This was a **massively** anticipated album and a **completely** different sound and feel to “Faith” [16];

7) All this sounds rather **humdrum**, but at Westminster her ability to run things was soon recognized [17];

8) An awkward Marxist **nerd**.

“Well, a **nerd** who’s the son of a Marxist might be more accurate”, he corrects, **nerdily** [13];

9) “Or was the idea that he was a fratricidal **geek** just media spin, and he was actually a **laugh all along**?” [Там же];

10) Bill Clinton is back in the game big time, serving as President Obama’s surrogate in chief and relying on his oratorical skill and **folksy** style to help Democratic candidates [18];

11) The two unconventional **clotheshorses hit it off** and a romance began [19].

В группе коллоквиальной лексики, как уже отмечалось выше, в отдельную подгруппу были выделены *фразовые глаголы*, поскольку они широко представлены в газетных материалах. Эти глаголы придают очеркам оттенок непосредственности, разговорности, а значит, экспрессивности:

1) *Notable for her self-control*, one of the few occasions Aung San Suu Kyi is reported to have **broken down** was when a rare call with her dying husband was **cut off** [20];

2) After **dropping out** after a row with his tutors over the syllabus, Mr Corbyn became involved in a variety of left-wing causes [21];

3) Weeks after the Brighton bomb in which the IRA came within a whisker of **wiping out** Margaret Thatcher’s Cabinet, Mr Corbyn caused outrage by inviting members of Sinn Fein including Gerry Adams to the Commons [12];

4) May is a famously reluctant delegator, needing to know exactly what her juniors are doing and **to chew over** every detail of decisions – a micromanagement style she cannot hope to apply to an entire government – and like Brown, she demands unswerving loyalty [14];

5) “Maybe Jeremy **pulls it off** more”, he says, as though the thought has just occurred to him [13].

В группу коллоквиальных ЛЕ мы также включили *устойчивые сочетания* – идиомы и разговорные клишированные конструкции, поскольку они всегда стилистически окрашены и, следовательно, выражают оценку:

1) *But although respected by Tory party managers as a safe pair of hands, and one of the few competent women in the parliamentary party, it cannot be said she possessed the linguistic gifts to make a wider reputation in opposition* [17];

2) *“For the benefit of Christina”, he says, jolting me out of my fantasies of fly-on-the-wall invisibility...* [11];

3) *Was he badly advised to keep the real Ed under wraps when he was in the public eye?* [13];

4) *All his life he had walked in the footsteps of his brother, who is older by four years* [22];

5) *He took her wise words to heart to consider that some comment is significant to oneself, and he has an art show scheduled for next year in Maui and has plans to record with the Los Angeles Philharmonic* [23];

6) *...Heathcliff battered, but not broken, a wounded warrior setting his face, one last time, against the glare of the cameras* [11];

В газетных очерках широко представлены коллоквиальные и деформированные идиомы:

1) *But time’s up, and we’ve still got quite a few things to do “locally”* [Там же];

2) *That’s their operating style... it’s just a pain in the arse* [24];

3) *Coping with her highs and lows* [25].

В третьем примере идиома *high and low* (которая переводится ‘повсюду, везде’) использована для описания психологического состояния героя очерка, пытающегося восстановить свое душевное равновесие.

Рассматриваемая группа ЛЕ включает также сниженную (табуированную) лексику (в составе подкласса коллоквиальной лексики):

1) *I always felt like I was the only one like me, that I had this weird thing going on – having to go and see the doctor..., thinking, “What the hell is wrong with me?”* [26];

2) *Blairites nicknamed the younger Miliband the “emissary from the Planet Fuck”* [13];

3) *In 2000, having allegedly assaulted a young reporter at a crowded party, Weinstein is said to have screamed: “It’s good I’m the fucking sheriff of this fucking lawless piece-of-shit town”* [27].

Вторую группу идентифицированных нами лексических средств выражения оценки составляют тр о п ы. В газетных очерках используются преимущественно эпитет, метафора, метонимия, сравнение, гипербола, ирония и синекдоха. Приведем примеры предложений, иллюстрирующих функционирование в проанализированных очерках вышеназванных стилистических средств.

Э п и т е т: *His almost unqualified support for Israel as prime minister, his crucial backing then for the invasion of Iraq, his fundamental agreement with the bellicose foreign policy of George Bush – all this historical baggage follows Blair around* [10];

This **unshowy** promotion will have suited the Education Secretary nicely, who has diligently set about her work and brought a conciliatory tone to the department after her more **combative** predecessor [17].

Ряд эпитетов относится к классу коллоквиальной лексики, например:

*It's the Council for Voluntary Services in Buckhaven, a **tatty** building on a run-down parade* [11];

*Jeremy Corbyn: full story of the **lefty** candidate the Tories would love to see elected as Labour leader* [21].

М е т а ф о р а: "In this time," writes Blair, "I was trying to wear... a kind of **psychological armour** which the **arrows simply bounced off**, and to **achieve a kind of weightlessness** that allowed me, somehow, **to float above** the demonic rabble **tearing at my limbs**" [10];

*In a rather audacious **parking of the tanks on Labour's lawn**, she plans to pitch herself as a champion of the "left behind", people struggling financially who voted to leave the EU because they didn't see how things could get worse* [24].

С р а в н е н и е: *I can't keep my eyes off Brown's face. It's **like a map of a man's soul**, a collage of storms and sorrow and steel* [11];

*Mmmm, not really. I think if I went on Strictly, it would make the bacon sandwich **look like an elegant piece** of style* [13];

It has been quite **the rollercoaster** year [24].

И р о н и я: *If he has spent the past two and a half months **brooding in an attic** there isn't much sign of it* [11];

*She has become used to her footwear **being endlessly dissected by pundits** as if it might offer some dazzling insight into her state of mind* [17];

Г и п е р б о л а: *When Brown arrives, he is **grabbed**, and practically **hugged**, by a woman who works in the shop next door* [11];

*The **shoes are a leopard-print curse** because she's now expected to wear them all the time* [17].

П е р и ф р а з: *In place of a swaggering born-to-rule contempt for **lesser mortals**, the home secretary has shown a steely determination to defend **a Briton of humble origins**, namely the computer hacker Gary McKinnon, whom she saved from being extradited to the United States* [24];

*These are, endearingly, almost identical to the one of Miliband as a child with his father, Ralph, a Polish Jew who escaped the Holocaust and became a Marxist academic, and whom the Daily Mail infamously described as "**The man who hated Britain**"* [13].

С и н е к д о х а: *When the prime minister reshuffled his cabinet a couple of weeks ago, May was among the few **heavyweights** to keep her job* [17];

*"Did she now?" Miliband's eyes light up delightedly. "Oooh! Good **little nugget** there!"* [13].

А н т и т е з а: *She's **not at all unpleasant**...* [17].

Следует отметить, что для всех очерков характерно частое использование *ц и т а т*, которые помогают автору более точно передать психологическое состояние характеризуемого им очерка, раскрыть его внутренний мир, например: «*Usually it's in your 50s that men go through that weird time. It's about fear of death, fear of mortality. Women are smarter, wiser. They embrace everything much more philosophically*» [23]. Так размышляет Э. Хопкинс, переживая вместе с главным героем фильма с его участием, только что вышедшим в прокат.

Следующая цитата взята из интервью с бывшим лидером лейбористской партии Великобритании Э. Милибэндом, ушедшим в отставку со своего поста после поражения лейбористов на парламентских выборах в 2015 году:

“...*When May did so last month, it applauded her for standing up to the big companies*”. *Miliband brings up this hypocrisy himself: “I mean, the energy price thing, [when I proposed it] it was Marxist madness, dah di dah di dah...”* [13].

В приведенном выше высказывании речь идет о предвыборном обещании Т. Мэй заморозить на год цены на электроэнергию для населения в случае победы консервативной партии на выборах в 2017 году. В 2015 году Э. Милибэнд был уничтожен прессой за подобное обещание, сделанное им в ходе предвыборной кампании.

Цитаты не входят в группу анализируемых ЛЕ, однако их использование позволяет расширить автором очерка арсенал стилистических средств оценочных в целом.

В количественном отношении идентифицированные нами в процессе анализа англоязычного портретного очерка экспрессивные лексические единицы и тропы выглядят следующим образом.

Общее количество идентифицированных экспрессивных ЛЕ и тропов – 1 420. Из них:

1) *оценочные ЛЕ* (всего 1 034 единицы):

- общеупотребительные стилистически окрашенные ЛЕ – 818;
- коллоквиальные ЛЕ – 96;
- фразовые глаголы – 76;
- идиомы (включая деформированные идиомы) – 40;
- табуированные ЛЕ – 4;

2) *тропы* (всего 387 единиц):

- эпитет – 208;
- метафора – 58;
- сравнение – 58;
- перифраз – 28;
- гипербола – 18;
- ирония – 9;
- синекдоха – 7;
- антономазия – 2.

Таким образом, основными средствами выражения оценки в англоязычном газетном портретном очерке являются стилистически окрашенные ЛЕ, выражающие оценку, представленные существительными, прилагательными, причастиями и наречиями. В меньшей степени для этой цели используются тропы – эпитет, метафора, сравнение, гипербола, перифраз, ирония, антономазия и синекдоха. Частота употребления тропов различна: на первом месте стоят эпитеты и метафоры, далее следуют сравнения, перифраз и гипербола; достаточно редко авторы прибегают к иронии, синекдохе и антономазии. Это позволяет сделать вывод о том, что в газетном портретном очерке средства выражения авторской оценки, с одной стороны, близки к образным средствам, характерным для художественного текста, а с другой – типичны для газетной публицистики. При этом в англоязычном газетном портретном очерке используется более широкий набор оценочных средств по сравнению с художественным и публицистическим текстом, что объясняется стилистическими особенностями англоязычного газетного текста жанра *очерк (feature)*, в котором допускается использование подобных лексических единиц.

Второй этап нашего исследования заключался в выявлении наиболее адекватных способов перевода на русский язык английских средств выражения оценки. С этой целью мы отобрали 50 предложений, содержащих указанные единицы; далее предложения были переведены на русский язык с использованием различных способов перевода.

Переводческий анализ показал, что наиболее распространенными способами перевода являются *эквивалентный перевод* с использованием соответствующих оценочных средств языка перевода (68 % случаев), *лексические замены* (трансформации различного типа – расширение либо сужение, 18 % случаев) и *комбинированный перевод* – сочетание эквивалентного перевода и трансформации (14 % случаев).

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих вышеназванные способы перевода (оценочные ЛЕ и тропы выделены курсивом):

1) *I don't think she's a **slasher-and-burner**. I think she'll take on crony capitalism* [24] ‘Я не думаю, что она **любитель рубить сплеча**. Я думаю, она противник кланового капитализма’ (здесь и далее перевод наш – С. М.). Коллоквиальное существительное *slasher-and-burner* в процессе перевода данного предложения было заменено разговорным словосочетанием *любитель рубить сплеча* (лексическая трансформация, расширение);

2) *The **leopard-print** kitten heels she wore as party chairman while delivering a **blistering** 2002 speech in which she warned that the Conservatives were viewed as “**the nasty party**”* [17] ‘Вот туфли на узком каблучке **цвета леопардовой шкуры**. Она выступала в них на партийной конференции в 2002 году, будучи председателем консервативной партии. Это было **нелицеприятное** выступление для ее коллег по партии, поскольку Тереза обратила внимание присутствующих на то, что партию называют «**мерзкой партией**»’. Предложение переведено с использованием приема адекватного перевода;

3) “*She’s sphinx-like... I played a game with her once, which was trying to out-silence her in a meeting*” [17] ‘Она **напоминает** сфинкса... Я однажды **играл с ней в молчанку** на каком-то совещании’. В данном случае использован прием адекватного перевода и частичной лексической трансформации.

Сниженная лексика, характерная для англоязычных газетных очерков, в процессе перевода заменяется стилистически нейтральной, поскольку использование подобных ЛЕ в русскоязычных текстах недопустимо:

It makes mugs of many of the people who supported him in office [10] ‘Это **просто плевок в лицо** тем, кто работал с ним, когда он был премьером’.

Коллоквиальная лексика переводится с сохранением образности и ее стилистической отнесенности к разговорному стилю языка, например:

Unlike Tony Blair or David Cameron, she does not schmooze [14] – ‘В отличие от Т. Блэра и Д. Кэмерона, она не **сплетничает**’.

Тропы переводятся с сохранением образности с использованием аналогичного тропа в языке перевода, например:

1) *Ever since I arrived, my fingers have been blue* [11] ‘Я уже здесь достаточно долго, и все это время мои **руки синие от холода**’ (гипербола, действие происходит в июле. Температура воздуха в тот день в Лондоне достигла 27 градусов, а в шотландском городке Файф, куда прибыла автор очерка для встречи с Г. Брауном, было достаточно прохладно и ветрено);

2) *“I play complicated stuff just to keep my brain nourished”, says Hopkins, a pianist* [23] ‘«Я играю сложные вещи лишь для того, чтобы **заставить свой мозг работать**» – сообщает пианист Хопкинс’ (метафора);

3) *I really can’t help feeling, is just as happy sitting in this little room, stuffed with desks and filing cabinets, as in the drawing room at № 10* [11] ‘Я действительно не могу отделаться от чувства, что **ему доставляет удовольствие** сидеть в этой небольшой комнате, заставленной столами и шкафами, **словно это гостиная на Даунинг Стрит, 10**’ (сравнение);

4) *Now he tells me in that unmistakable adenoidal voice: The toilets were definitely my favourite segment* [13] ‘«Несомненно, туалеты были моей **любимой** темой», – произносит он своим **аденоидным** голосом, который ни с чем не спутаешь’ (эпитет);

5) *She has become used to her footwear being endlessly dissected by pundits as if it might offer some dazzling insight into her state of mind* [24] ‘Она уже привыкла к тому, что ее обувь **бесконечно** подвергается **критическому анализу «знатоками»**, словно это каким-то **магическим образом** позволит определить ее психологическое состояние’ (ирония).

Идиоматичные сочетания переводятся в основном с использованием приема эквивалентного перевода:

By now Mr Corbyn had become a thorn in the side of New Labour [21] ‘К тому времени г-н Корбин стал **бельмом на глазу** Лейбористской партии’.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Жанр газетного портретного очерка является достаточно распространенным жанром в англоязычном печатном медийном дискурсе.

2. Российская школа журналистики рассматривает этот жанр как художественно-публицистический, западная – как разновидность материалов жанра *очерк (feature)*.

3. Поскольку автор портретного очерка ставит целью раскрыть образ персонажа очерка, его внутренний мир и психологическое состояние, текст очерка изобилует значительным количеством ЛЕ и тропов, выражающих оценку, что сближает его с художественными текстами.

4. К лексическим единицам, выражающим оценку, мы относим все стилистически окрашенные единицы и тропы, характеризующие персонажа очерка в оппозиции «хороший/плохой».

5. Для газетного портретного очерка характерны тропы, типичные для газетного стиля языка, – эпитет, метафора, сравнение, гипербола, перифраз, ирония.

6. Среди оценочных ЛЕ в англоязычном портретном очерке широко представлены коллоквиальные единицы, включая сниженную лексику, что объясняется стилистическими особенностями англоязычного газетного очерка.

7. Основными способами перевода на русский язык рассматриваемых ЛЕ являются эквивалентный перевод и лексическая трансформация, что позволяет в полной мере передать оценочность исходных лексических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта ; Наука, 2008. – 263 с.
2. *Гречихин, М. В.* Современный русский медиадискурс: язык интолерантности : дис. ... канд. филол. наук (рус. яз.) : 10.02.01 / М. В. Гречихин. – Белгород, 2008. – 159 л.
3. *Казак, М. Ю.* Специфика современного медиатекста [Электронный ресурс] / М. Ю. Казак // Современный дискурс-анализ. – 2012. – Вып. 6. – С. 28–41. – Режим доступа : www.discourseanalysis.org. – Дата доступа : 19.10.2017.
4. Система средств массовой информации России : учеб. пособие для вузов / под ред. Я. Н. Засурского. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 243 с.
5. *Тертычный, А. А.* Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2006. – 312 с.
6. *Сметанина, С. И.* Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века / С. И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова, 2002. – 383 с.
7. *Мисонжников, Б. Я.* Журналистика. Введение в профессию : учеб. пособие // Стандарт третьего поколения / Б. Я. Мисонжников, А. Н. Тепляшина. – СПб. : Питер, 2014. – 272 с.

8. *Ибадильдина, З. Х.* Эмотивная лексика казахского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.01 / З. Х. Ибадильдина. – Алматы, 1997. – 223 л.
9. *Апресян, Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 367 с.
10. *Beckett, A.* Tony Blair: from New Labour hero to political embarrassment [Electronic resource] / A. Beckett // The Guardian. – Febr. 26, 2014. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/politics/2014/feb/26/tony-blair-new-labour-hero-political-embarrassment-murdoch>. – Date of access : 25.10.2017.
11. *Patterson, Ch.* Gordon Brown: There is life after No 10 / Ch. Patterson // The Independent. – 2010. – July 25. – P. 18.
12. *Mendick, R.* Jeremy Corbyn, the boy to the manor born [Electronic resource] / R. Mendick // The Daily Telegraph. – Aug. 22, 2015. – Mode of access : http://www.telegraph.co.uk/news/politics//R.Mendick/Jeremy_Corbyn/11818744/Jeremy-Corbyn-the-boy-to-the-manor-born. – Date of access : 20.10.2017.
13. *Freeman, H.* Ed Miliband: “If I went on Strictly it would make the bacon sandwich look elegant” [Electronic resource] / H. Freeman // The Guardian. – July 3, 2017. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2017/jul/03/ed-miliband-if-i-went-on-strictly-it-would-make-the-bacon-sandwich-look-elegant>. – Date of access : 17.10.2017.
14. *Day, E.* Theresa May – what lies beyond the public image? [Electronic resource] / E. Day // The Guardian. – July 27, 2014. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/politics/2014/jul/27/theresa-may-profile-beyond-the-public-image>. – Date of access : 23.10.2017.
15. *O’Kelly, L.* Philip Pullman: “My daemon is a raven, a bird that steals things” [Electronic resource] / L. O’Kelly // The Guardian. – Oct. 22, 2017. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/books/2017/oct/22/philip-pullman-my-daemon-is-a-raven-la-belle-sauvage-interview-questions>. – Date of access : 20.10.2017.
16. *John, E.* The George Michael we knew: celebrities remember him one year on [Electronic resource] / E. John [et al.] // The Observer. – Oct. 15, 2017. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/global/2017/oct/15/the-george-michael-we-knew-by-elton-john-mariah-carey-james-corden-tatjana-patitz>. – Date of access : 22.10.2017.
17. *Gimson, A.* Theresa May: minister with a mind of her own [Electronic resource] / A. Gimson // The Guardian. – Oct. 20, 2012. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/theobserver/2012/oct/20/profile-theresa-may>. – Date of access : 25.10.2017.
18. *Miga, A.* Clinton magic tat work on campaign trail / A. Miga // The Seattle Times. – 2012. – Oct. 13. – P. 3.
19. *Smith, M.* Sanele Junior Xaba “I take pride in my albinism” [Electronic resource] / M. Smith // The Guardian. – Oct. 22, 2017. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/fashion/2017/oct/22/sanele-junior-xaba-male-model-south-africa-i-take-pride-in-my-albinism>. – Date of access : 26.10.2017.

20. *Graham-Harrison, E.* Aung San Suu Kyi: damned by her silence / E. Graham-Harrison // *The Guardian*. – 2017. – Sept. 10. – P. 22.
21. *Prince, R.* Jeremy Corbyn: full story of the lefty candidate the Tories would love to see elected as Labour leader [Electronic resource] / R. Prince // *The Daily Telegraph*. – July 22, 2015. – Mode of access : <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/labour/11710685/jeremy-corbyn-profile>. – Date of access : 20.10.2017.
22. *Astana, A.* Ed Miliband: profile of the new Labour leader [Electronic resource] / A. Astana // *The Guardian*. – Sept. 25, 2010. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/politics/2010/sep/25/profile-ed-miliband>. – Date of access : 17.10.2017.
23. *Puig, C.* Anthony Hopkins: Portrait of an artist / C. Puig // *The USA Today*. – 2010. – Sept. 21. – P. 22.
24. *Hinsliff, G.* Theresa May: unpredictable, moralistic, and heading to No 10 [Electronic resource] / G. Hinsliff // *The Guardian*. – July 11, 2016. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/politics/2016/jul/11/theresa-may-the-vicars-daughter-poised-to-pull-the-tories-and-the-country-from-the-abyss>. – Date of access : 24.10.2017.
25. *Woods, J.* Leona Lewis on depression, raunchy ugly, disgusting to appearance, a person that makes you want to vomit outfits and ditching Simon Cowell [Electronic resource] / J. Woods // *The Daily Telegraph*. – July 19, 2015. – Mode of access : <http://www.telegraph.co.uk/culture/music/rockandpopmusic/11738196/leona-lewis-interview-depression-simon-cowell>. – Date of access : 25.10.2017.
26. *Hicklin, A.* Intersex and proud: Hanne Gaby Odiele on finally celebrating her body [Electronic resource] / A. Hicklin // *The Guardian*. – Apr. 23, 2017. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/fashion/2017/apr/23/intersex-and-proud-hanne-gaby-odiele-the-model-finally-celebrating-her-body>. – Date of access : 26.10.2017.
27. *Hobe, H.* Harvey Weinstein: fall of Hollywood player once called god [Electronic resource] / H. Hobe // *The Guardian*. – Oct. 8, 2017. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/film/2017/oct/08/harvey-weinstein-fall-of-hollywood-player-once-called-god>. – Date of access : 25.10.2017.

The paper considers lexical expressive evaluative units in English newspaper feature articles (subcategory profile). The lexical units embrace words of everyday use and tropes typical of newspaper style (epithets, metaphors, similes, irony and hyperbole). Colloquial words are widely used for evaluation purposes in newspaper discourse. The units in question are translated into Russian by means of equivalent translation and lexical transformation.

РЕАЛИИ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Статья посвящена вопросу определения понятия переводческой эквивалентности, а также сущности реалий как особого класса безэквивалентной лексики. Установлено, что все типы семантических соответствий между лексическими единицами языка оригинала и языка перевода можно свести к трем основным: 1) полное соответствие; 2) частичное соответствие; 3) отсутствие соответствия. В статье рассматриваются подходы к определению безэквивалентной лексики в целом и реалий в частности. Отмечается, что реалии, являясь носителями страноведческой и культурно обусловленной информации, требуют особого подхода при переводе.

В первую очередь представляется важным определить, каким образом могут быть соотнесены единицы языка перевода (ПЯ) и исходного языка (ИЯ). Так, Л. С. Бархударов полагал, что «основная проблема, с которой сталкивается переводчик при передаче референциальных значений, выражаемых в исходном тексте, – это несовпадение круга значений, свойственных единицам ИЯ и ПЯ» [1, с. 74]. Следует пояснить, что референциальное значение здесь понимается как «отношение между знаком и референтом» [Там же, с. 64], т.е. отношение между означающим и означаемым (в данном случае – лингвистическим знаком (словом) и понятием, которое этот знак обозначает). Не существует двух различных языков, у которых смысловые единицы – морфемы, слова, устойчивые словосочетания – совпадали бы полностью во всем объеме своих референциальных значений. Хотя сами выражаемые значения («понятия») в большинстве своем совпадают, но способы их выражения – их группировка, членение и объединение, их сочетание в пределах одной формальной единицы (или нескольких единиц), как правило, в разных языках расходятся более или менее радикальным образом. Это особенно ярко можно продемонстрировать на материале словарного состава двух различных языков – в нашем случае русского и английского. Хотя носителями референциальных значений являются не только слова, все же удобно брать именно слово как единицу сопоставления при сравнении семантических единиц разных языков; поэтому в дальнейшем изложении речь пойдет о русских и английских словах. Однако надо иметь в виду, что отмечаемые нами типы расхождений между семантическими системами разных языков не ограничиваются словами, а характерны также и для других языковых единиц (например, для грамматических морфем). В целом все типы семантических соответствий между лексическими единицами двух языков можно свести к трем основным: 1) полное соответствие; 2) частичное соответствие; 3) отсутствие соответствия.

Рассмотрим эти три случая в отдельности, учитывая, что для теории и практики перевода особый интерес и трудность представляют собой два последних случая (частичное соответствие и полное отсутствие соответствия).

Л. С. Бархударов отмечает, что «случаи полного совпадения лексических единиц разных языков во всем объеме их референциального значения относительно редки. Как правило, это слова однозначные, то есть имеющие в обоих языках только одно лексическое значение; число их, как известно, по сравнению с общей массой слов в лексиконе языка относительно невелико» [1, с. 75–76]. Сюда можно отнести слова, принадлежащие преимущественно к следующим лексическим группам.

1. Имена собственные и географические названия, входящие в словарный состав обоих языков, например: *Гомер* – ‘Homer’, *Москва* – ‘Moscow’, *Польша* – ‘Poland’ и т.п.

2. Научные и технические термины, например: *логарифм* – ‘logarithm’, *шестигранник* – ‘hexahedron’, *водород* – ‘hydrogen’, *натрий* – ‘sodium’, *млекопитающее* – ‘mammal’, *позвонок* – ‘vertebra’, *крестоцветный* – ‘cruciferous’, *протон* – ‘proton’, *экватор* – ‘equator’, *вольтметр* – ‘voltmeter’ и т.п.

3. Некоторые другие группы слов, близкие по семантике к указанным двум, например, названия месяцев и дней недели: *январь* – ‘January’, *понедельник* – ‘Monday’ и т.п. Сюда же примыкает такая своеобразная группа слов, как числительные: *тысяча* – ‘thousand’, *миллион* – ‘million’ и т.п.

Более распространенный случай имеет место, когда оба слова – в ИЯ и в ПЯ – имеют как совпадающие, так и расходящиеся значения. Так, русское *стол* и английское *table* совпадают только в значении ‘предмет мебели’, но расходятся в других: у русского *стол* есть также значения ‘еда’, ‘пища’, (например, ‘стол и квартира’, ‘диетический стол’) и ‘учреждение’, ‘отдел в канцелярии’ (например, ‘стол находок’, ‘паспортный стол’), которые отсутствуют у *table* и соответственно передаются в английском языке словами *board, food, cooking, diet* и *office, department*. С другой стороны, английское *table* имеет значения, отсутствующие у русского *стол* и передаваемые в русском языке словами: *доска, плита, таблица, расписание, горное плато* и некоторые другие. Второй пример: русское слово *дом* совпадает с английским *house* в значениях ‘здание’ и ‘династия’ (например, *дом Романовых* ‘the House of Romanovs’), но расходится в других: у русского *дом* есть также значение ‘домашний очаг, жилье’, которое соответствует уже английскому слову – *home*, а также значение ‘учреждение’, ‘предприятие’, в котором оно переводится по-разному, в зависимости от того, о каком именно учреждении идет речь: ср. *детский дом* – ‘children’s home’ или ‘orphanage’, *торговый дом* – ‘(commercial) firm’, *исправительный дом* – ‘reformatory’, *игорный дом* –

‘gambling-house’ или ‘casino’, *сумасшедший дом* (разг.) – ‘lunatic asylum’ и т.п. Английское *house* также имеет целый ряд значений, отсутствующих у русского слова *дом*, например, ‘палата парламента’ (‘the House of Commons’), ‘театр’, ‘аудитория, зрители’, ‘представление, сеанс’ и т.п. Число такого рода примеров нетрудно увеличить. Л. С. Бархударов полагает, что «подобный вид отношений между словами двух языков, появляющийся, как было отмечено, наиболее обычным случаем, мы можем назвать пересечением» [1, с. 77–78].

Из сказанного здесь о семантической недифференцированности знаков одного языка по сравнению с другим не следует, конечно, делать вывод, что тот или иной язык «не в состоянии» обозначить то или иное понятие и в этом отношении «менее развит», чем тот язык, в котором есть особый знак для данного понятия. Любой язык в состоянии обозначить принципиально любое понятие – речь идет лишь о разных способах такого обозначения. Для перевода данное явление, как и многозначность, представляет трудность в том отношении, что при передаче слова, семантически недифференцированного в ИЯ, необходимо произвести выбор между возможными соответствиями в ПЯ [Там же, с. 84].

Наконец, третий возможный случай взаимного отношения лексики двух языков – это полное отсутствие соответствия той или иной лексической единице одного языка в словарном составе другого языка. В этих случаях принято говорить о так называемой безэквивалентной лексике (БЭЛ). По Л. С. Бархударову, «под безэквивалентной лексикой имеются в виду лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [Там же, с. 94]. Сюда относятся в основном следующие группы слов.

1. Имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и т.п., не имеющие постоянных соответствий в лексиконе другого языка. Например, при просмотре газеты нам встречаются такие русские фамилии, как *Белоусов, Карпиков, Камозин, Пушнова, Цыкунов, Зубенко, Ольштынский, Данченко, Суходольский* и т.п., а также такие названия населенных пунктов, как *Бахмач, Алексеевка, Лисовичи, Урусобино, Гаврилово-Посад* и т.п. Естественно, никаких эквивалентов этим словам в английском языке нет, в отличие от таких фамилий, как *Пушкин, Достоевский*, или таких географических названий, как *Москва, Киев, Крым* и т.п., которые уже давно получили устойчивые эквиваленты в словаре английского языка: ‘Pushkin’, ‘Dostoevski’, ‘Moscow’, ‘Kiev’, ‘Crimea’ и т.п. Таким образом, не всегда можно провести четкую черту между безэквивалентными именами собственными и теми, которые имеют в словаре другого языка постоянные соответствия – то или иное имя

собственное или географическое наименование, вначале не имевшее эквивалента в другом языке, может затем, неоднократно встречаясь на страницах периодической печати или художественной литературы, получить такое соответствие, причем точно установить время, когда окказиональный эквивалент перешел в узуальный, то есть устойчивый, не всегда возможно. Однако в целом можно считать, что к числу безэквивалентной лексики относятся имена собственные и названия, малоизвестные для носителей другого языка (учитывая, конечно, что понятие «малоизвестный» является относительным и недостаточно строгим) [1, с. 92–94].

2. Так называемые реалии, то есть слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. Сюда относятся слова, обозначающие разного рода предметы материальной и духовной культуры, свойственные только данному народу, например, названия блюд национальной кухни (рус. *щи, борщ, рассольник, квас, калач*; англ. *muffin, haggis, toffee, sundae* и т.д.), видов народной одежды и обуви (рус. *сарафан, душегрейка, кокошник, лапти*), народных танцев (рус. *трепак, гопак*), видов устного народного творчества (рус. *частушки*; англ. *limericks*) и т.п. Сюда же входят слова и устойчивые словосочетания, обозначающие характерные только для данной страны политические учреждения и общественные явления (например, рус. *агитпункт, красный уголок, ударник, дружинник, трудовая вахта*; англ. *primaries, caucus, lobbyist* и т.д.), торговые и общественные заведения (рус. *дом культуры, парк культуры и отдыха*; англ./амер. *drugstore, grill-room, drive-in*) и т.п. [Там же, с. 95].

3. Лексические единицы, которые можно назвать случайными лакунами. Мы имеем в виду те единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка. Так, например, в словаре английского языка нет единицы, соответствующей по значению русскому *сутки*, так что данное понятие приходится передавать на английском языке описательно: либо путем указания на количество часов, например: *Я приеду через сутки (через двое суток) – ‘I shall come back in twenty-four (forty-eight) hours’*, либо же, если подчеркивается непрерывность, круглосуточность действия, сочетанием *day and night*, например: *Они работали четверо суток – ‘They worked four days and nights’* [Там же, с. 95–96].

Говоря о безэквивалентной лексике и трудностях ее перевода, Е. А. Мисуно определяет данный языковой пласт как «лексические единицы, не имеющие соответствия (эквивалента) в словарном составе другого языка» [2, с. 130–131].

К основным причинам существования безэквивалентной лексики данный автор относит следующие.

1. Наличие в исходной культуре предметов или явлений, отсутствующих в культуре читателя перевода, например: *Yorkshire pudding* – ‘йоркширский пудинг’ (блюдо), *banjo* – ‘банджо’ (музыкальный инструмент) и т.п. Такого рода слова или словосочетания называются реалиями. Реалии отражают национально-культурную специфику и обозначают предметы и понятия, относящиеся ко всем сферам человеческой жизни, так, например, географические реалии (*jungle* – ‘джунгли’, *steppe* – ‘степь’). Эти слова представляют собой часть фоновых знаний, т.е. совокупности представлений о том, что составляет фон, на котором протекает жизнь другого народа, другой страны.

2. Различия в обозначении сходных понятий в английском и русском языках, например: *a fortnight* – ‘две недели’; *decade* – ‘десятилетие’; *24 hours* или *day and night* – ‘сутки’ и т.п.

3. Различия в системах словообразовательных суффиксов английского и русского языков, например, наличие в русском языке большого количества уменьшительных суффиксов и незначительное количество таковых в английском языке (*стульчик* – ‘a little chair’); способность английского суффикса *-er* образовывать существительное – агент действия – не только от глаголов, но и слов, не являющихся глаголами (*a nine-to-fiver* – ‘служащий, работающий с девяти до пяти’, *a wild-lifer* – ‘защитник живой природы’). К таким суффиксам, называемым иногда безэквивалентными, можно также отнести суффиксы прилагательных *-ed*, *-able* (*a mini-skirted girl* – ‘девушка в мини-юбке’; *to say the usually unsayable* – ‘сказать то, о чем обычно умалчивают’), способное выступать в роли суффикса слово *friendly* (*a user-friendly computer* – ‘простой в эксплуатации компьютер’) и т.п. Слова, образованные с помощью таких суффиксов, являются часто окказиональными, т.е. созданными для конкретного случая, и служат для создания иронического или юмористического эффекта, например: *a richly-ringed lady* – ‘дама с унизанными кольцами руками’ [2, с. 130–131].

Однако, если обратиться непосредственно к термину *реалия*, стоит отметить, что как лингвистическое понятие он относится к категории безэквивалентной лексики. Само же понятие *реалия* служит для обозначения предмета или вещи (понятия), которая существует (или существовала) материально. Чаще всего реалии обозначают предметы материальной культуры, которые характеризуют тот или иной народ и выражают национальный колорит. Им также присущ временный колорит: реалии быстро реагируют на изменения в развитии общества. С другой стороны, в переводоведении этим термином обозначают в большинстве случаев слова, называющие упомянутые предметы и понятия. Интересно также то, что данный пласт лексики требует особого подхода при переводе. Так, переводчикам нередко приходится прибегать к пространным описаниям или предлагать собственные неологизмы типа *надземка* – ‘elevated railroad’ (по аналогии со словом

подземка); *виктрола* – ‘Victrola’ (проигрыватель определенной марки; *Victor* – название фирмы, производящей радио- и телеаппаратуру); *букмекер* – ‘book-maker’ (человек, принимающий заклады от публики на скачках и бегах); *родстер* – ‘roadster’ (двухместная машина с откидным верхом) [3, с. 5].

По сравнению с другими словами языка отличительной чертой реалии является характер ее предметного содержания, т.е. тесная связь обозначаемого реалией предмета, понятия, явления с народом (страной), с одной стороны, и историческим отрезком времени – с другой. Отсюда следует, что реалии присущ соответствующий национальный (местный) или исторический колорит [Там же, с. 7].

Основываясь на изученном материале, полагаем, что наиболее точное определение реалий было выдвинуто С. Влаховым и С. Флориным, согласно которому под реалиями понимаются «слова и выражения, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит, не имеющие, как правило, точных соответствий в другом языке и требующие особого подхода при переводе» [4, с. 32].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бархударов, Л. С.* Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отнош., 1975. – 240 с.
2. *Мисуно, Е. А.* Перевод с английского языка на русский язык : практикум : учеб. пособие / Е. А. Мисуно, И. В. Шаблыгина. – Минск : Аверсэв, 2009. – 255 с.
3. *Томахин, Г. Д.* Реалии-американизмы : пособие по страноведению / Г. Д. Томахин. – М. : Высш. шк., 1988. – 234 с.
4. *Влахов, С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отнош., 1980. – 343 с.

The article elucidates the problem of translation equivalence and culture-specific elements as a special class of vocabulary having no direct equivalents in the target language.

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

И. В. Павлоцкая

ПРИНЦИПЫ РАЗНОУРОВНЕВОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ I КУРСА ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

В статье рассматриваются принципы организации процесса обучения студентов с различным уровнем владения английским языком на первом курсе переводческого факультета, методические приемы преподавания различных аспектов языка и организации самостоятельной работы.

Ориентация на так называемого среднего студента в значительной степени снижает мотивацию и интерес к учению у студентов более низкого и высокого уровней владения иностранным языком, так как процесс обучения для первых лишается комфортности и ситуации успеха, а для последних – новизны, что порождает банальную скуку. Следовательно, снижается результативность овладения иностранным языком.

Проблема некомфортного и неэффективного обучения возникает и тогда, когда студенты с начальным и продвинутым уровнями владения иностранным языком вынуждены обучаться в одной группе. Процесс обучения осуществляется эффективнее и результативнее при обучении студентов близкого уровня владения иностранным языком в одной группе. Поэтому учебные группы на переводческом факультете формируются в соответствии с уровнем владения языком. Согласно результатам ЦТ по английскому языку, 101–103 группы считаются продвинутыми, 104–109 – средними группами, 110–115 – группами выравнивания. Деление на такие уровни является условным, так как в процессе обучения, когда определяется уровень владения языком, преподаватели вправе расширять границы групп.

На занятиях по практике устной и письменной речи (ПУПР) единство тематики отличает ее глубина и сложность для групп разного уровня [1]. В рамках единой учебной программы по предмету существуют три УМК – для продвинутых, средних групп и групп выравнивания.

При прохождении различных тем группы с разным уровнем владения языком осваивают тематический словарь согласно их уровню. Для групп выравнивания – это так называемый *basic vocabulary*, который включает необходимый минимум для дальнейшего совершенствования навыков устной и письменной речи. Для продвинутых групп – это так называемый *advanced vocabulary*, который богат идиомами, фразовыми глаголами и устойчивыми

выражениями. Средние группы могут различаться по уровню владения языком, поэтому к обязательному тематическому минимуму преподаватель, в зависимости от уровня группы, добавляет единицы из словаря для продвинутого уровня. Упражнения на совершенствование лексических навыков тоже отличаются. У групп выравнивания упор делается на тренировочные, языковые упражнения. В средних и продвинутых – на условно-речевые и речевые.

Для совершенствования навыков чтения в рамках одной темы для разных групп выбираются разные тексты. Для продвинутых групп, помимо обязательных для всех групп, предлагаются тексты более продвинутого уровня. При работе с одними и теми же текстами задания для разных групп могут отличаться. Для групп выравнивания – это задания на общее понимание текста, для продвинутых групп – это задания на понимание деталей, высказывание своего мнения.

Для совершенствования навыков письма группы выравнивания пишут словарные диктанта, сочинения по аналогии. Для продвинутых групп предлагаются сочинения по плану с элементами сравнения, описания преимуществ и недостатков, выражения своего мнения по теме обсуждения.

Для совершенствования навыков аудирования, которое является неотъемлемой частью обучения иностранному языку и помогает совершенствовать навыки фонетические, лексические, грамматические и навыки говорения, в пособии по аудированию иноязычной речи «**Improving Listening Skills**» [2] предусмотрены тексты и задания для студентов с разным уровнем языковой подготовки.

В рамках прохождения предмета ПУПР студенты первого курса переводческого факультета читают произведения англоязычных авторов на занятиях и самостоятельно. Выбор произведений и авторов зависит от уровня группы. Продвинутые группы читают оригинальные произведения, а для групп выравнивания могут быть предложены адаптированные короткие рассказы или небольшие повести.

Неотъемлемой составляющей образовательного процесса в учреждении высшего образования является самостоятельная работа. Задания для самостоятельной работы также предусматривают разноуровневое обучение. Для самостоятельного изучения предлагаются различные материалы и различные задания. Например, при прохождении темы «Образование» продвинутым группам предлагаются материалы для ознакомления с системой образования в самых известных университетах Великобритании, на основании которых они сравнивают системы высшего образования в Великобритании и Беларуси, затем тема выносится на экзамен [4; 5]. Студенты средних групп и групп выравнивания знакомятся с системой высшего образования в стране изучаемого языка, выполняют подстановочные упражнения, отвечают на вопросы, выполняют условно-речевые упражнения.

Тренировочные и промежуточные тесты составляются с учетом пройденного материала и уровнем групп. Итоговый тест все группы пишут одинаковый, что позволяет студентам сравнить результаты своих достижений и мотивирует к учебной деятельности.

Для сдачи экзаменов по ПУПР разработано три комплекта экзаменационных билетов с учетом пройденных материалов – для продвинутых групп, для средних групп, для групп выравнивания.

Основным учебником при прохождении предмета **«Практическая фонетика английского языка»** является учебник под редакцией Е. Б. Карневской [3].

Все студенты, независимо от первоначального уровня владения английским языком, должны овладеть произносительными навыками английских звуков, навыками имитации, воспроизведения и активного продуцирования изучаемых фонетических явлений в связной речи. Фонетика, вместе с грамматикой, практикой устной и письменной речи и аудированием, является неотъемлемой частью процесса обучения иностранному языку. Однако, в рамках изучения предмета, мы обращаем внимание на разноуровневую подготовку студентов. При отборе словаря для тренировочных и речевых упражнений, выборе описательных и диалогических текстов для чтения вслух и заучивания наизусть, учитывается уровень подготовки студентов группы. Студенты групп выравнивания, например, учат наизусть 15 обязательных текстов и диалогов, остальные отрывки предусмотрены для чтения. Отбор словаря для тренировочных и речевых упражнений для этих групп обусловлен изученным лексическим материалом на занятиях по ПУПР.

Для студентов продвинутых групп предусмотрены более сложные задания, такие как составление диалогов не по образцу, а по предложенной ситуации; заучивание наизусть большего количества отрывков; чтение текстов и комментирование фонетических явлений и выбранных интонационных структур в аудитории, подготовка тренировочных и речевых упражнений для студентов группы и т.п.

Хорошей мотивацией к активизации учебно-познавательной деятельности студентов групп выравнивания является ежегодное проведение фонетического конкурса.

Действенным механизмом в поддержании мотивации к учебной деятельности является рейтинговая система учебных достижений студентов, в качестве слагаемых которой, выступают результаты аудиторной, самостоятельной работы, результаты аттестации. Рейтинговый подход стимулирует студентов к систематичной и целенаправленной работе.

В рамках общественной работы студентов старших курсов в качестве кураторов студентов первого курса ими проводятся дополнительные и консультативные занятия для обучающихся в группах выравнивания.

По нашему мнению, разноуровневое обучение обеспечивает возможность студентам с разным уровнем владения языком формировать и совершенствовать языковые навыки в приемлемом темпе, в зоне их учебных возможностей, интересов, в зоне комфорта, что способствует успешной сдаче экзаменов и в дальнейшем формированию профессиональных навыков переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Практика английской речи = English Speech Practice : 1-й курс : учеб. пособие для студентов специальности «Современные иностранные языки» учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / Р. В. Фастовец [и др.] ; под ред. Р. В. Фастовец. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 480 с.
2. Учимся слушать и понимать английскую речь = Improving Listening Skills : пособие для студентов учреждений высш. образования, обучающихся по специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» / О. В. Адамовская [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2016. – 191 с.
3. Практическая фонетика английского языка : учебник / Е. Б. Карневская [и др.] ; под общ. ред. Е. Б. Карневской. – 6-е изд. – Минск : Симон, 2008. – 356 с.
4. University of Oxford [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ox.ac.uk>. – Дата доступа : 17.10.2017.
5. University of Cambridge [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cam.ac.uk>. – Дата доступа : 17.10.2017.

The paper touches upon the principles of organizing studies for students with different levels of foreign language knowledge and suggests methods of teaching different aspects of language learning.

Научное издание

**КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ТЕКСТ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, СЛОВО**

Сборник научных статей
преподавателей и аспирантов МГЛУ

Выпуск 6

Ответственный за выпуск *Т. П. Карпилович*
Редактор *О. С. Забродская*

Подписано в печать 10.12.2018. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 6,08. Уч.-изд. л. 6,28. Тираж 100 экз. Заказ 55.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.